

Андрей Юрьевич Иванов Тайны египетской экспедиции Наполеона

«Тайны египетской экспедиции Наполеона»: Вече; 2004
ISBN 5-9533-0326-2

Аннотация

Автор предлагаемой книги рассматривает события знаменитого Египетского похода Наполеона. Каковы были предпосылки высадки французских войск в Египте? Кто принимал участие в военных действиях и политических интригах, как в дальнейшем сложилась их судьба? Какие исследования древней истории Египта проводились в ходе экспедиции? Какие тайны удалось разобрать ученым? Ответы на все эти и многие другие вопросы читатель найдет на страницах этой книги, написанной легким и живым языком.

Андрей Иванов Тайны египетской экспедиции Наполеона

Часть первая Паруса

Академик Бонапарт

Генерал Бонапарт был избран членом Института Франции 25 декабря 1797 года, через двадцать дней после триумфального возвращения в Париж.

Он вернулся, выиграв кампанию в Италии, продиктовав и собственноручно подписав договор в Кампо-Формио, и был восторженно встречен народами разных стран как генерал-миротворец.

Восхищались им и будущие жертвы французской политики. Королева Неаполя Мария-Каролина признавалась в письме маркизу Галло: «Я ненавижу партию, которую выбрал Бонапарт и которой он служит. Он Аттила и бедствие Италии, но я испытываю к нему чувства глубокого уважения и настоящего восхищения. Бонапарт станет великим человеком, и второго такого в Европе нет, во всех смыслах: воин, политик, дипломат. Я объявляю врагом того, кто это отрицает. Он будет самым выдающимся человеком нашего столетия».

В Момбелло, замке под Миланом, Бонапарт жил, как монарх, и имел настоящий двор.

Здесь нет преувеличения: генерал Республики – формально один из многих – удерживал подле себя австрийского посланника и папского представителя, посланников королей неаполитанского и сардинского, республик Генуэзской и Венецианской, герцога Пармского и швейцарских кантонов, нескольких германских государей. Там были все генералы, власти только что созданной Цизальпинской республики, депутаты городов. Множество курьеров из европейских столиц прибывали и отъезжали ежечасно. Знатнейшие дамы Милана ежедневно выражали почтение супруге Бонапарта Жозефине.

«Двор» совершил несколько поездок на озера Комо, Лаго-Маджоре, и на Борромейские острова. Бонапарт принимал итальянских и французских ученых и деятелей искусств.

Солнце, всходящее в дымке тумана. Низкие горы и холмы разных цветов и оттенков, казавшиеся островами среди моря облаков. Тихие воды горных озер. Неужели это не сон?

Но рано или поздно идиллия должна была закончиться. Сам Бонапарт рассуждал так: «Я хотел бы расстаться с Италией только затем, чтобы во Франции играть приблизительно такую же роль, какую я играю здесь. Но момент еще не настал: груша не созрела. К тому же не все зависит от одного меня. В Париже еще не достигнуто соглашение. Одна партия поднимает голову в пользу Бурбонов. Я не хочу содействовать ее торжеству. Мне необходимо когда-нибудь ослабить республиканскую партию, но только для себя самого. Пока же приходится идти об руку с республиканцами. Поэтому, чтобы убогатить парижских ротозеев, нужен мир, а раз он нужен, то заключу его я. Ибо если мир принесет Франции кто-нибудь другой, то это одно поставит его в общественном мнении гораздо выше, чем меня все мои победы».

Он пристраивает родственников: старший брат Жозеф теперь комиссар Республики в Парме, Люсьен – военный комиссар, Луи был его адъютантом в Италии, мать живет с дочерьми в Париже.

Исполнительная Директория Французской Республики организовала восторженный прием в его честь. Баррас произнес напыщенную речь, а затем, по словам Бурьенна, «бросился в объятия генерала, который вовсе не любил таких выходов и дал ему так называемое тогда братское лобызание». Бонапарт вел себя не как подчиненный: он более походил на триумфатора.

Встречи с ним искали многие влиятельные политики. Бонапарт не принял большинства приглашений, но посетил другого члена Института – Шарля Мориса Талейрана, бывшего епископа Отенского.

Тот писал своему другу в Нью-Йорк: «Наконец настал момент подписания мира, прелиминарии подписаны раньше, и какой прекрасный мир! Какой человек наш Бонапарт! Ему еще нет 28 лет, а на его голову уже обрушилось столько славы, военной славы, славы храбреца и миротворца».

Избранный депутатом в Генеральные штаты в 1789 году, вовремя почуявший смертельную опасность Талейран сумел под благовидным (опять же научным) предлогом уехать за границу, где пробыл все время якобинской диктатуры. Вернувшись в сильно изменившуюся Францию, он стал ее министром иностранных дел.

Согласно Талейрану, это была его первая встреча с Наполеоном. Он отметил, что «двадцать выигранных сражений так идут к молодости, к прекрасному взору, к бледности, к несколько утомленному лицу». Проницательный политик оценил и другое: «Нерешительность и соперничество внутри Директории затруднили положение Бонапарта в первые недели его пребывания в Париже».

И это мягко сказано. Отношения генерала с пятью директорами постепенно дойдут до высшей точки кипения, а один из них (Ребель) в момент серьезного обострения конфликта заявит, что Директория готова подписать заявление Бонапарта об отставке с поста командующего 120-тысячной армией вторжения на Британские острова, коли тот такое заявление подаст.

На самом деле, Бонапарт невольно спровоцировал «друзей из Директории», а, услышав реплику Ребеля, понял, что дело зашло в тупик.

Бонапарт был назначен главкомом 26 октября 1797 года, ему было поручено подготовить экспедицию. Но с броском через Ла-Манш у него ничего не получится. Инспекция портов Булони, Кале, Дюнкерка и Антверпена, проведенная Бонапартом в сопровождении Ланна, Сулковского и Бурьенна 8-20 февраля, показала невозможность организации успешного

нападения на Англию при тогдашнем состоянии французского флота. А потому, он займется Египтом (удар по Англии надо нанести не прямо, а на берегах Нила) и Институтом, где обретет новую точку опоры.

Французский Институт – высшая национальная инстанция по наукам, литературе и искусству – был создан в 1795 году взамен прежних академий, уничтоженных революцией. Академии были восстановлены в 1816 году, а впоследствии Французский Институт объединит Французскую академию, Академию надписей и изящной словесности, Академию наук, Академию изящных искусств и Академию моральных и политических наук.

«Его, – пишет Талейран в своих мемуарах, – подразделили на четыре разряда; разряд физических наук стоял на первом месте, разряд политических и нравственных наук занимал только второстепенное место. Меня назначили в моем отсутствии членом этого разряда». Как видим, надменный Талейран сожалел о том, что был выбран «по второму разряду».

Зато Бонапарт мог быть вполне удовлетворен. Он, способный математик, вошел в число «бессмертных» (так иронически называли членов Института) и оказался на своем месте (физико-математическое отделение, секция механики). Всю жизнь он будет отдавать безусловное предпочтение физическим и математическим наукам – дисциплинам, призванным, на его взгляд, принести быстрые и ощутимые практические результаты. А «военная наука и искусство состоят из всех наук и всех искусств» – эта мысль в редакции Редерера будет зафиксирована в первой прокламации правительства Бонапарта.

При избрании в Институт у генерала было одиннадцать соперников, и победитель двадцати битв получил наибольшее число голосов. Он занял место, освободившееся после исключения Лазаря Карно, обвиненного в роялизме и покинувшего страну после сентябрьского переворота 1797 года, и обратился к президенту Института Камю со следующим знаменательным посланием:

«Гражданин президент,

Люди избранные, члены Французской академии, сделали мне честь, приняв меня в число своих товарищей.

Я чувствую, что останусь надолго их учеником, прежде чем сравняюсь с ними.

Если бы я знал какой-нибудь другой способ показать им мое уважение, то употребил бы его.

Истинные торжества, которые не влекут за собою никаких сожалений, суть торжества над невежеством.

Самое благородное, равно как и самое полезное народное занятие, есть содействовать распространению человеческих знаний и идей.

Истинное могущество Французской Республики должно отныне состоять в том, чтобы ей не была чужда ни одна новая идея.

Бонапарт».

На церемониях он облачался в академическое платье. Генерал искренне гордился новым званием, и нам может показаться необычной форма его будущих обращений к своей армии и народу Египта. Прокламации будут подписаны «членом Национальной академии»: этот титул для него важнее воинского.

В обращении к армии от 4 мессидора VI года Французской Республики (22 июня 1798 года) он скажет о грядущих завоеваниях, призванных содействовать *просвещению и всемирной торговле* – и здесь наука на первом месте!

Со дня его избрания в члены Института (25 декабря 1797 года) до момента отплытия французской эскадры из Тулона (19 мая 1798 года) пройдет почти пять месяцев. Они будут насыщены не только береговыми инспекциями и подготовительными работами, но и интенсивными научными занятиями.

Открытое заседание Института, состоявшееся 4 января 1798 года по случаю избрания нового члена, стало главным событием дня.

«Бонапарт, – писала газета «Монитор», – прибыл на заседание без всякой помпы, скромно занял свое место, сдержанно внимал похвалам, расточаемым ему докладчиками и зрителями, и удалился. Ах, до чего же хорошо он знает человеческое сердце, и в особенности психологию

народных правительств! Скромностью и непритязательностью вынужден порядочный человек добиваться у них расположения, которое невежды и пошляки неохотно оказывают ему повсюду, и реже, чем где бы то ни было, – в Республиках».

«Язык, мысли, манеры, – говорил Франческо Мельци, итальянский политический деятель, помогавший генералу Бонапарту в создании Цизальпинской Республики, – все в нем поражало, все было своеобразно. В разговоре, так же как и на войне, он был чрезвычайно находчив, изобретателен, быстро угадывал слабую сторону противника и сразу же направлял на нее свои удары. Обладая необычайно живым умом, он лишь очень немногими из своих мыслей был обязан книгам и, за исключением математики, не обнаружил больших успехов в науках. Из всех его способностей самая выдающаяся – это поразительная легкость, с какою он по собственной воле сосредоточивал свое внимание на том или ином предмете и по несколько часов подряд держал свою мысль как бы прикованною к нему, в непрерывном напряжении, пока не находил решения, в данных обстоятельствах являвшегося наилучшим. Его замыслы были обширны, но необычайны, гениально задуманы, но иной раз неосуществимы; нередко он из-за мимолетного раздражения отказывался от них или же своей поспешностью делал выполнение их невозможным. От природы вспыльчивый, решительный, порывистый, резкий, он в совершенстве умел быть обворожительным и посредством искусно рассчитанной почтительности, и лестной для людей фамильярности очаровывать тех, кого хотел привлечь к себе. Обычно замкнутый и сдержанный, он иной раз, во время вспышек гнева, побуждаемый к тому гордостью, раскрывал замыслы, которые ему особенно важно было бы хранить в тайне. По всей вероятности, ему никогда не случалось изливать свою душу под влиянием нежных чувств».

То, что ученый Бонапарт преуспел главным образом в математике, подчеркивали и другие свидетели эпохи. Первыми это сделали преподаватели военной школы в Бриенне, где учился сын адвоката с Корсики. Годы позже то же самое отметит граф Меттерних в своих мемуарах: «Он не обладал большими научными познаниями. Его приверженцы особенно усердно поддерживали мнение, что он был глубоким математиком. Но то, что он знал в области математических наук, не возвышало его над уровнем любого офицера, получившего, как он, подготовку к артиллерийской службе; но его природные дарования восполняли недостаток знания».

«Эта мужественная душа, – напишет Стендаль, – обитала в невзрачном, худом, почти тщедушном теле. Энергия этого человека, стойкость, с какою он при таком хилом сложении переносил все тяготы, казались его солдатам чем-то выходящим за пределы возможного. Здесь кроется одна из причин неопишуемого воодушевления, которое он возбуждал в войсках».

Мечтал ли гениальный полководец стать человеком науки? Зная его жизненный путь, в это трудно поверить. Но когда Бонапарт обдумывал свое будущее перед возвращением из Египта, и оно вовсе не казалось ясным (ранее он писал брату Жозефу, что исчерпал себя), то коротко упомянул о карьере ученого.

«Наука была его подлинной страстью», – отмечал участник экспедиции Этьен Жоффруа Сент-Илер.

После избрания в Национальный Институт генерал Бонапарт становится активным исследователем, хотя ведет себя подчеркнуто скромно.

Он семнадцать раз присутствовал на заседаниях Института, готовил доклады о различных научных открытиях. В первую очередь, это касалось шумевшего изобретения Кюньо – парового автомобильного двигателя («паровой повозки»). Газета «Монитор» писала, что Бонапарт также сделал доклад о новой книге, опубликованной в Италии. Автор этого труда рассказывал об использовании компасов в геометрии Лоренцо Маскерони.

Бонапарт заговорил о содержании книги еще до своего избрания в Институт – на обеде, устроенном учеными. Как выяснилось, академики не читали произведения, изданного в Италии. Тогда генерал попросил карандаш и пару компасов и попытался растолковать знаменитостям некоторые теоретические положения. Лаплас, благосклонный экзаменатор Бонапарта в Парижской военной школе, был довольно ироничен: «Генерал, мы ожидали весьма многого от вас, но не уроков математики».

Как видим, с ним не церемонились – такова была атмосфера заведения. О ней и об Институте образца 1797–1798 годов рассказал французский историк Альбер Вандаль: «Это славное ученое учреждение, детище конституции, точно так же, как Директория и оба совета,

являвшееся почти четвертой властью в государстве, было хранилищем доктрины; оно поставляло многих членов в правительственные учреждения и само отчасти вербовало в них своих работников. Прославленный, осыпанный высокими почестями, Институт имел в своих рядах предвестников великого научного движения, которое в наши дни преобразило мир; но правили и владычествовали в нем последние могикане энциклопедии, философы школы Кондильяка, будущие идеологи Бонапарта. То были по большей части люди суровой внешности, кротких нравов и надменного ума».

Одна из загадок Наполеона – почему он, будучи чрезвычайно восприимчивым к научным открытиям, не уделял достаточного внимания прогрессу вооружений?

Он отказался от парохода, как способа высадки в Англии, от воздушных шаров, которыми лишь развлекался. С 1804 года французские войска обстреливались пороховыми ракетами – он ничем не ответил.

В то время как Карно применял оптический телеграф для связи Парижа с Рейнским фронтом и создал две роты обслуживания аэростатов-разведчиков, Бонапарт отказался от использования последних.

Жан Тюлар считает, что Наполеон «не видел возможности применения научных открытий, доказав это во время египетской кампании».

На поле Ватерлоо он имел пушки, которые в сравнении с английскими были изделиями вчерашнего дня.

Можно вновь и вновь задаваться вопросами, почему он не сделал того или иного шага. Но все же лучше сосредоточиться на том, что он успел совершить.

Египтомания

Почему Бонапарт отправился в Египет?

Если большинство европейских войн той великой эпохи представляли собой борьбу коалиций феодально-монархических держав против революционной Франции, то афро-азиатские проекты Наполеона (египетско-индийский и русско-индийский) – большей частью не политические, а волевые, эмоциональные и авантюрные. Он был успешен в первых – то есть в битвах новой Франции против старой Европы – и потерпел фиаско во вторых.

В Европе он, по большому счету, мог бы обойтись без сложных социально-политических расчетов – ветер Французской Революции дул в его паруса. Ведь История, как и Природа, не терпит игр и фокусов. В конечном итоге, Бонапарт оказался плохим лоцманом, а его многоходовые комбинации – будь то в Азии, Африке или в России – окончились трагически.

Египетский проект амбициозного генерала не был замыслом гения-одиночки. И первенство принадлежало вовсе не ему.

Такой план предлагал в своем докладе 1672 года великий Лейбниц, но Людовику Четырнадцатому, который будет истощать страну войнами с европейцами, было не до Африки.

Всемогущий министр Шуазель рассматривал план колонизации Египта в 1769 году, но граф Верженн добился сохранения «дружеских» отношений с Константинополем.

Захват англичанами морских путей в Ост-Индию заставил французов вновь обратить внимание на Египет. Сент-Прист, королевский посланник в Константинополе, вернулся в 1777 году к предложению Лейбница и призвал «подорвать английское доминирование в Бенгале».

Его приемник Шуазель-Гуфье проводил дипломатический зондаж и настойчиво повторял рекомендации Лейбница и Сент-Приста. Писатели и исследователи Востока (ориенталисты) готовили умы. Среди них – аббат Рейналь, чье сочинение о европейцах в двух Индиях вышло в свет в 1770 году и было сожжено на площади (автор сохранил инкогнито).

Затем Константен Франсуа Вольней путешествует по Ближнему и Среднему Востоку и публикует в 1787 году примечательный труд, в котором описывает свой экзотический вояж.

Среди ранних сочинений на данную тему упомянем хорошо иллюстрированные книги о Ближнем и Дальнем Востоке путешественника и изобретателя Афанасия Кирхера.

Как видим, египетский поход начал готовиться еще во времена Бурбонов. В 1785 году французское правительство попыталось наладить торговые отношения с этой страной, чему способствовал деятельный Магеллон, консул в Александрии. С его помощью Шуазель-Гуфье

заключил-таки с мамелюкскими беями соглашение, открывавшее французским торговцам транзитный путь через Египет к Красному морю, а оттуда в Ост-Индию.

Началась революция, но план не был забыт и привлек внимание исполнительной Директории Республики. Магеллон, которому предстоит сопровождать Бонапарта во время ужасного марша по пустыне, продолжал утверждать, что овладеть Египтом не столь уж трудно, а дельта Нила сказочно богата.

Стендаль указывает, что еще в 1796 году Директория поручила Бонапарту рассмотреть план вторжения в Египет. Он изучил его и вернул правительству.

На заседании Института 3 июля 1797 года Талейран, член Отделения моральных и политических наук, зачитал доклад, названный «Заключение о преимуществах, которые можно получить в современных условиях от новых колоний». Сообщение было воспринято с интересом.

Примерно в это же время Бонапарт беседовал со своим другом генералом Дезе в Пассариано и увлекал своего сверстника египетскими перспективами. 16 августа он пишет Директории: «Недалеко то время, когда мы поймем, что для действительного сокрушения Англии нам надо овладеть Египтом».

Таким образом, предлагаемая экспедиция не противоречила идее войны против Англии. Не имея возможности нанести ей прямой удар, можно было, захватив Египет, помешать «островитянам» использовать дорогу в Ост-Индию через Суэцкий перешеек.

Подготовка к экспедиции держалась в строгом секрете, чтобы избежать риска столкновения с грозным британским флотом. Оставалось убедить турецкого султана, пообещав тому, что экспедиция только укрепит авторитет Блистательной Порты.

Сам Бонапарт, читавший много и увлеченно, проштудировал «Мемуары о тюрках и татарах» барона де Тотта и «Историю арабов» Мариньи. Он предвидел и грандиозные перспективы, которые сулило строительство канала через Суэцкий перешеек.

Талейран и Бонапарт добились того, чего хотели. Директория приняла решение о завоевании Мальты и Египта, выслушав и одоблив доклад Бонапарта по итогам береговой инспекционной поездки, а 12 апреля издала нужные постановления (в том числе приказ о назначении Бонапарта главнокомандующим Восточной армией). При этом предполагалось использовать документы, подготовленные еще в 1776–1779 годах, когда планом диверсии занимался герцог де Брольи.

Теперь вооруженная нация, имеющая храбрых солдат и блестящих генералов, была готова к тому, чтобы взять реванш за поражение от англичан в Семилетней войне и связанные с ним потери (Канада, левый берег Миссисипи, колонии в Ост-Индии), и лишить Британию важных азиатских баз и торговых путей. А правительство этой нации было вовсе не против того, чтобы отправить опасного человека в дальнюю экспедицию, где он может «сломать себе шею» («Сабля удаляется», – скажет Баррас, когда корабли отчалят).

Бонапарт знакомит ученых с восточными планами, уже вполне оформленными. Вначале генерал поделился своими мыслями с математиком Монжем, бывшим министром и членом Якобинского клуба, который воспринял идеи с юношеским энтузиазмом.

Затем новый академик вышел к большой аудитории. С пылающим взором, держа в руках двухтомник Карстена Нибура («Путешествие по Аравии»), резко постукивая по дорожному кожаному переплету указательным пальцем, он говорил о задачах европейской науки.

Несколько недель спустя представители «четвертой власти», собрав все книги по Востоку, какие только можно было найти в стране, пренебрегая опасностями дальнего плавания (море «курировал» бесстрашный Горацио Нельсон, ничего не знавший о благородных научных целях предприятия) и, оставив свои семьи, займут места на кораблях армады линейных судов, фрегатов, корветов и бригов.

Стоит ли удивляться? Разве не так увлекал он за собой многие тысячи людей, вовсе не склонных к слепому подчинению, но свято веривших в то, что с ним они достигнут своих желанных целей?

Сколько ни предлагали ученые французским королям овладеть Египтом, после Людовика Святого не было героя, рискнувшего ступить на африканскую землю.

Придав экспедиции научный характер, Бонапарт придумал моральное оправдание всему,

что он будет делать: «... чем станет эта прекрасная страна после 50 лет процветания и хорошего управления? Воображению предстает волшебная картина!»

Он говорит о цветущих городах и бурлящих жизнью портах, о многообещающей торговле с Индией, плодороднейших землях и новейших системах ирригации, судоходных каналах и верфях, ветряных мельницах и военно-морских учреждениях, об учетверении населения за счет эмиграции из Европы и сопредельных стран.

«... господствуя в Египте, Франция господствовала бы и в Индостане». «... несколько больших наций были бы призваны насладиться благами искусств, наук, религии истинного бога, ибо именно через Египет к народам Центральной Африки должны придти свет и счастье!!!»

Свет и счастье – не больше и не меньше! Так говорил он на Святой Елене и точно так же – тогда, в 1798 году, обращаясь к ученым, к своей армии и народу Египта.

В его обширном уме зародилась идея образовать *Комиссию по наукам и искусствам*. Бонапарт хотел, чтобы в экспедиции участвовали литераторы и художники, экономисты и инженеры.

Директория распорядилась передать в распоряжение генерала Бонапарта инженеров, художников, деятелей науки и культуры, а также средства, необходимые для осуществления научных изысканий.

«Комиссия по наукам и искусствам» состояла из 167 академиков, среди которых были Гаспар Монж, Бертолле, Доломье, Денон, главные инженеры путей сообщения Лепэр, Жирар, математики Фурье, Костаз, Корансез, астрономы Нуэ, Бошам и Мешен, натуралисты Жоффруа Сент-Илер, Савиньи, химики Декотиль, Шампи, Делиль, рисовальщики Дютертр, Редуте, музыкант Вийото, поэт Парсеваль Гранмезон, архитекторы Лепэр, Протэн, Норри, «глава воздухоплавателей» Конте, медики Ларрей и Деженетт.

К комиссии были прикреплены двадцать студентов Политехнического и Горного училищ (Жомар, Дюбуа старший, Ланкре, Шаброль, Розьер, Кордые, Реньо и другие). Подбором людей занимались Монж и Бертолле, им помогал военный инженер Каффарелли дю Фальга.

Библиотеку экспедиции (550 томов) формировал Жан Батист Сэй. Точнее сказать, он предлагал включить в каталог ту или иную книгу, однако все научные работы были отобраны самим Бонапартом. На покупку книг потратили 25 329 ливров.

Кроме специальной научной литературы, Бонапарт взял с собой книги для чтения: сочинения Плутарха, Полибия, Фукидида, Тита Ливия, Тацита, Рейналя, Вольтера, Фридриха Второго, Гомера, Тассо, Оссиана, Вергилия, Фенелона, Лафонтена, Руссо, Мармонтеля, Лесажа, Гете, Ветхий и Новый Завет, Коран (святые писания были отнесены им в раздел «Политика»), книги Вед, «О Духе Законов» Монтескье и древние мифы. В разделе «Поэзия» значились «Образцовые произведения французского театра» и «Избранные легкие стихотворения».

Наполеон очень любил Гомера, Оссиана, а из древних латинских историков – Плутарха и Полибия:

«Почему Гомеру отдали предпочтение все народы Азии? Потому, что он описывал приснопамятную войну первейшего народа Европы против самого процветающего народа. Его поэма – едва ли не единственный памятник той далекой эпохи».

«Я люблю стихи Оссиана, там много мысли, исполненной силы, энергии, глубины. Это – северный Гомер, он – поэт в полном смысле слова, поелику потрясает душу и трогает ее».

«Я никогда не мог одолеть больше одной страницы Тацита, это – невероятный болтун: Полибий же, напротив, – не какой-нибудь декламатор: он доставляет удовольствие и просвещает».

Особое внимание уделили научному оборудованию и приборам. Ими занимался Каффарелли дю Фальга. Сумма, потраченная на покупку оборудования, – 215 000 ливров.

Среди участников экспедиции были видные ученые эпохи.

Математик Гаспар Монж родился в 1746 году и обратил на себя внимание во время учебы в коллеже.

«Я уверен, – писал юный Гаспар в предисловии к своей работе, направленной в Туринскую академию, – что идеи часто остаются бесплодными в руках людей обыкновенных, а искусные математики извлекают из них большую пользу».

С этим трудом ознакомился Лагранж, математик с мировым именем. Он написал о молодом

Монже: «Этот пострел со своим «происхождением поверхностей» идет к бессмертию».

В 1780 году Монж был назначен профессором Политехнической школы, а в Нормальной школе читал курс начертательной геометрии (он считается ее основателем).

В дни революции ученый пошел в политику, записался в Якобинский клуб, а в 1792 году был назначен морским министром. Первым делом он приказал офицерам, командированным в столицу, квартировать в здании министерства и предупредил об этом начальство всех портов Республики. Так он проявил заботу о подчиненных, а те рассказывали ему обо всем, что происходит на морских границах Франции.

Великий геометр обладал недюжинными познаниями и в других науках. Когда он ушел в отставку с поста министра, Франция переживала трудные времена борьбы с державами европейской коалиции. Армии не хватало пороха и боеприпасов. До революции страна получала селитру, используемую для изготовления пороха, из Индии. Теперь этот путь перекрыли англичане.

Комитет общественного спасения обратился за советом к ученым и получил его не от химиков, а от математика! Вот что предложил Монж: «Селитры достаточно во французской почве, в конюшнях, погребах и на кладбищах. Вы даже не представляете, как ее там много. Селитры добудем вдоволь и через три дня зарядим порохом все пушки».

Это казалось шуткой, но люди – в первую очередь женщины, старики и дети – все же взялись за дело, копаясь в земле днем и ночью. Через несколько дней порох действительно был, и в нужном количестве.

В Парижской военной школе Наполеон учился у Людовика Монжа, брата Гаспара Монжа. Те же, кому выпала честь быть учениками самого великого человека, надолго запомнили его необычные педагогические приемы. Заметив «на галерке» нерадивого студента, Монж немедленно повторял только что произнесенную речь, меняя лишь слова и их порядок. Если и это оказывалось бесполезным, то он отпускал всю группу, кроме отстающего, садился рядом с ним и читал лекцию заново. Вступительное слово к этому замечательному акту было таким: «Я, мой друг, начну повторение с того места, с которого ты перестал меня понимать».

Химик Клод Луи Бертолле родился в 1748 году. Он изучал медицину, в 1780 году стал академиком, а в 1794-м – профессором Нормальной и Политехнической школ. Бертолле изучал процессы образования и распада солей и кислот.

Математик Жан Батист Жозеф Фурье родился в 1768 году и воспитывался в Военной школе, находившейся в ведении монахов-бенедиктинцев. Он обратил на себя внимание выдающимися способностями и был оставлен при Школе преподавателем математики. В 1795 году, когда в Париже открылась Нормальная школа, Фурье по рекомендации Монжа был приглашен туда, а через некоторое время получил кафедру математического анализа в Политехнической школе.

Геолог Деода Ги Сильвен Танкред Гратэ де Доломье родился в 1756 году. В юности стал мальтийским рыцарем. За убийство на дуэли был заключен в тюрьму, где занимался науками. После освобождения много путешествовал и собрал богатую минералогическую коллекцию. Позднее получил кафедру в Горной школе.

Механик и живописец Николя Жан Конте родился в 1755 году. Он увлекся воздухоплаванием, а в 1792 году предложил использовать воздушный шар для наблюдения за неприятелем. Его назначили директором Аэростатического института и начальником Бригады аэронавтов.

Общество знало его только по «карандашам Конте». Наполеон дал такую характеристику этому незаурядному ученому: «Конте – глава воздухоплателей, универсальный человек, имевший вкус к искусству, знавший его и проникшийся его духом, особенно ценный в отдаленной стране, умевший все, способный воссоздать искусства Франции посреди аравийских пустынь». Оценка Монжа столь же высока и предельно лаконична: «В голове у него все науки, а в руках – все искусства».

Художник Пьер Жозеф Редуте родился в 1759 году. Он давал уроки рисования и живописи придворным дамам и членам королевских семей, в числе которых будут вторая жена Наполеона Мария Луиза и герцогиня Беррийская. Многие издания по ботанике иллюстрированы при участии Редуте, в том числе знаменитая «Монография роз».

Видных ученых в составе экспедиции было немного. Тем не менее, Наполеон, диктуя воспоминания на острове Святой Елены, безошибочно воспроизведет имена нескольких молодых ученых и даже студентов.

Самому юному, Вьярду, было всего пятнадцать лет (он был «прикреплен» к Фурье), самому опытному, Вантюру де Паради, – пятьдесят шесть.

Ученые согласились ехать, но не знали, куда направляются. Жена Монжа Катерина раздраженно заметила: «Я дала ему выпить целую бутылку шампанского, но он до сих пор ничего мне не сказал» (дело было 6 апреля).

Все абсолютно доверились генералу. Следующие примечательные слова, произнесенные Домиником Виваном Деноном, мог бы повторить любой из почти двух сотен ученых: «Одного слова героя, командующего экспедицией, для меня достаточно, чтобы решиться. Он обещал, что доставит меня обратно в целостности и сохранности, я не сомневаюсь в этом».

Все были чрезвычайно воодушевлены и полны лучезарных надежд. Позже один из ученых напишет: «Мы не знали, куда нас поведет Бонапарт, но хотели, чтобы он нас повел».

«Сколько времени мы проведем в Египте? – переспросил Бонапарт Бурьенна. – Шесть месяцев или шесть лет... Нам всего двадцать девять; а будет тридцать пять. Если все пойдет хорошо, мне хватит шести лет, чтобы добраться до Индии».

«Вот и я превратился в аргонавта», – иронизировал Монж.

Креолка просится в Африку

Женщин не берут на корабли, отправляющиеся в дальнее плавание.

Это правило моряков, изредка нарушаемое лишь избранными, действует многие века. Собирался ли Бонапарт взять с собой Жозефину?

Отправляясь в первый поход в Италию, он даже не заикался об этом. Мог ли обеспечить покой любимой женщины тот, кто тонул в болоте и бросался на мост под ядра? Он позовет ее, когда победит врагов, и отведет любимой почетное место во дворце – как королеве.

Но ему пришлось долго уговаривать супругу, а та вновь и вновь находила предлоги для отсрочки опасной поездки. Наконец, совсем изолгавшись (последним доводом была мнимая беременность), она приехала, – но с любовником, капитаном Ипполитом Шарлем, адъютантом генерала Леклерка!

Мысль о том, чтобы взять ее с собой во второй поход казалась Бонапарту вполне естественной. В этот раз он вполне мог гарантировать безопасность очаровательной и неверной супруге – ученым же он дал подобные обещания! Оставить ее одну на неопределенный срок – значит вновь рисковать репутацией «добропорядочной супружеской пары».

Жозефина, близкая к развратному вождю – директору Полю Баррасу – участвовала в преступных спекуляциях, связанных с армейскими поставками, в результате которых солдаты получали сапоги на бумажной подошве, а Республика платила за этот товар звонкой монетой. Воины не имели жалованья (только начав масштабные грабежи и реквизиции, Бонапарт обеспечил свою армию денежным довольствием), тогда как дельцы исправно получали от государства авансы и расчеты.

Наполеон, его братья Жозеф и Люсьен знали и о супружеских изменах Жозефины, и о махинациях с поставками. Они устраивали госпоже Бонапарт неллицеприятные допросы, от которых та приходила в полное отчаянье.

«Ипполит, я покончу с собой, да я покончу с этой жизнью, если не смогу посвятить ее полностью тебе. Увы, что я сделала плохого этим чудовищам?»

(Чудовища – это Наполеон, Жозеф, Люсьен, сестры, их мать. Как не похожи эти мрачные, самовлюбленные и подозрительные Бонапарты на легкого, остроумного и умеющего поддержать хорошее настроение капитана Шарля!)

Безусловно, Жозефина заслуживала наказания, но великодушный Бонапарт не тронул ни Ипполита, ни вороватого торговца Бодена. Вместо этого он выкупил особняк на улице Победы, в котором жила «молодая пара».

В ответ на это супруга, которая в критические минуты всегда умела «подобрать ключик» к сердцу мужа, вдруг вызвалась сопровождать генерала в Египет!

Наполеон был тронут, семейная гармония восстановилась.

Они стали мечтать о покупке загородного особняка. Вот почему весь мир знает о Мальмезоне! Прелестное имение мсье Лекульта восхитило обоих.

Однако не следует забываться! Впереди – Египет, а, может быть, Индия!

Министр не в курсе дела

Главнокомандующий Английской армией объехал лагеря на побережье Ла-Манша, но то было лишь прикрытие восточного похода.

Из городов Фландрии и Бельгии он слал нарочных, которые доставляли его приказы к южному морю. Флот, конвой, армия – все было подготовлено за несколько многотрудных недель. Он переписывался с генералом Каффарелли дю Фальга, находившимся в Тулоне, Ренье в Марселе, Бараге д'Илье в Генуе, Дезе в Чивита-Веккии, Вобуа на Корсике. Эти пятеро делали заготовки продовольствия, собирали разнообразный багаж и вооружали суда с огромной энергией. Перевозили лошадей, складировали фураж, переоборудовали боевые корабли в транспортные суда, создавали запасы артиллерийских снарядов, амуниции, медикаментов, перевязочных средств.

Не все было ладно с дисциплиной: Директория задерживала выплату жалованья солдатам и матросам. Сухопутный генерал Бонапарт столкнулся и с проблемой комплектации судов экипажами.

«Вице-адмирал Брюэйс – офицер старого флота, который за год до того командовал флотом в Адриатике, считался одним из лучшим военных моряков Республики, – писал Наполеон. – Две трети кораблей имели хороших командиров, но одной третью командовали люди, неспособные к этому».

Главнокомандующий сочетал «панорамный взгляд» на постоянно меняющуюся военно-политическую ситуацию с величайшей пунктуальностью, а размах – со скрытностью. В портах погрузки запретили причаливать торговым судам.

«Бонапарт трудился день и ночь над исполнением своего плана, – вспоминает Бурьенн, – я никогда не видал в нем столько деятельности».

Весь план держался в строжайшем секрете – даже военный министр Шерер не знал о приготовлениях. Во времена, когда роялистские заговоры были в порядке дня, а агентами Бурбонов, влиятельных эмигрантов и иностранных держав становились даже самые высокопоставленные чиновники и военные, правительство посвящало в свои замыслы лишь немногих.

15 апреля работы в пяти портах были в основном завершены, моряки ждали приказов об отплытии судов.

Нескольким конвоям предстояло объединиться в открытом море – как смело, как рискованно! Любая ошибка могла сделать большую флотилию легкой добычей неприятеля, но этого не случилось. Одна из очевидных слабостей грандиозного предприятия – рассредоточенность морской армады – так и не была использована англичанами.

Высадка на африканский берег должна была состояться не позднее начала июля – с тем, чтобы экспедиционному корпусу не помешал подъем нильских вод, жертвами которого когда-то стали крестоносцы Людовика Святого. Важно было использовать доминирующие в начале лета ветры для облегчения броска из Тулона в Александрию и движения вверх по Нилу.

Ранним утром четвертого мая в походной коляске, отправлявшейся с парижской улицы Победы (бывшей Шантерен), разместились трое: полуспящая Жозефина, нервный Бонапарт и милейший секретарь Бурьенн.

Далее – на корабле по Роне, затем снова в коляске, которая однажды едва не перевернулась. Терпению вождя пришел конец, он вскочил на лошадь и помчался в Тулон, где его ждали генералы и семнадцатилетний Евгений Богарне, сын Жозефины.

«Когда все приготовления были закончены, – продолжает Наполеон, – произошел инцидент с Бернадотом в Вене, заставивший опасаться возобновления войны на материке. Отплытие армии было отложено на 20 дней, что поставило ее под угрозу. Тайна была раскрыта, и в Лондоне успели узнать о всех приготовлениях, сделанных в Италии».

10 мая Бонапарт провел большой смотр армии и пообещал солдатам, что по возвращении во Францию у каждого из них будет достаточно денег, чтобы купить шесть арпанов земли.

«Господа офицеры и солдаты!

Два года тому назад я принял начальство над вами: в то время вы находились около Генуи, терпели во всем недостаток, даже до того, что многие из вас должны были продать свои часы, чтобы добывать дневное пропитание. Я обещал, что помогу вашему горю, и привел вас в Италию, где вы нашли всего вдоволь... Правда ли? Сдержал ли я слово?»

Войско отвечало единогласно: «Правда!»

Бонапарт продолжал:

«Так знайте же, что вы еще не все сделали для отечества, и что отечество еще не все сделало для вас.

Теперь я поведу вас в страну, где ваши подвиги превзойдут все то, что вы уже совершили и чему удивляется Вселенная; вы там окажете отечеству те заслуги, которых оно вправе ожидать от армии непобедимых.

Даю слово, что по возвращении из этого похода каждый солдат будет иметь на что купить шесть десятин земли.

Вам предстоят новые опасности, которые разделит с вами наш флот. Наш флот не имел еще случая увенчаться лаврами и не приобрел еще славы, равной вашей; но мужество моряков не уступит вашей храбрости: они решились побеждать и с вашей помощью исполнят свое намерение.

Передайте им вашу уверенность в непобедимости, которая никогда не была обманута; помогайте им в их усилиях; живите с ними в том согласии, которым отличаются люди единокорные и преданные успехам одного и того же дела; помните, что и наши морские войска стяжали права на народную признательность.

Приучитесь к морским маневрам; внушайте ужас врагам и на суше и на море; подражайте в этом случае римским воинам, которые победили Карфаген в открытом поле и разбили карфагенян на их кораблях».

«Да здравствует Республика!» – кричали ему в ответ.

Но сама страна пока не названа.

Ты видишь, что это за человек!

Плохая погода заставила отложить выход в море еще на несколько дней.

Креолка осталась на берегу. Разыграв спектакль, она легко убедила мужа в том, что очень слаба и нуждается в лечении. Конечно же, она приедет позднее!

Из письма дочери Гортензии:

«Вот уже пять дней я в Тулоне. Я не устала от дороги, только очень огорчена, что так внезапно уехала и не успела попрощаться с тобой... Милая доченька, меня утешает надежда, что скоро я тебя смогу обнять. Бонапарт не хочет, чтобы я ехала с ним, он хочет, чтобы я поехала на воды и подлечилась, а потом уже отправилась в Египет. Через два месяца он пришлет за мной. Итак, моя Гортензия, скоро я вновь прижму тебя к сердцу, и ты увидишь, как я тебя люблю».

Она поднимается на борт «Ориона» (или «Восточного», по словам Наполеона – «одного из лучших кораблей, обладавшего всеми качествами, каких можно было пожелать»).

Девятнадцатого мая 1798 года. Шесть часов утра. Рядом с ней – муж, его младший брат Луи, юный Евгений.

Уж флот Египетский загружен
И пушками, и лошадьми.
Креолка молодого мужа
Молила – и меня возьми!
Или останься! Домик купим
И счастье познаем в нем.
Я без тебя умру от скуки,
А в доме вместе мы умрем.

И оба плакали, прощаясь.
И плыл он к дальним берегам.
С победой новой возвращаясь,
Трофей бросал к ее ногам.
Когда в долине нелюбезной
Он одиноко угасал,
Не о победе бесполезной –
О домике одном мечтал.

Жозефина сходит на берег, приближается к зданию интендантства. Звучит военный оркестр, флагман «Орион» покидает бухту.

Креолка машет платочком.

Вдруг корабль качнулся, зацепив дно. «Плохой знак», – подумали многие.

(Как и падение вождя с лошади перед Неманом.)

Дул сильный западный ветер. 40 военных кораблей и 130 транспортных судов покидали тулонский рейд весь день.

Обладавший тонкой наблюдательностью попутчик обращается к Жюно, кивая в сторону Бонапарта: «Ты видишь, что это за человек: если бы ему понадобилось, он бы любого из нас не задумался выкинуть за борт, но в угоду ему мы и сами все кинулись бы в воду, не дожидаясь его приказа!»

Отдых на пути в Египет

При отплытии из Тулона Бонапарт публично заявил, что эта экспедиция – «правое крыло армии, предназначенной действовать против Англии».

Его приказы будут оформлены следующим образом: «Английская армия, главная квартира».

Тайна маршрута так хорошо сохранялась, что курс следования флотилии Брюэйса не был известен даже офицерам генерального штаба.

Англичане заметили приготовления, но могли только догадываться о конечной цели Бонапарта. Став жертвами кампании дезинформации, организованной Директорией, британцы строили предположения относительно Неаполя, Сицилии, Португалии, Ирландии. Ведь контр-адмирал Вильнев однажды уже готовил экспедицию в Ирландию (в конце 1796 года), но союзники-испанцы потерпели поражение от англичан, и смелый план расстроился.

Брюэйс командовал флотом, а Бонапарт – всем и вся. Он признает, что «часто жаловался на то, что линейные корабли держатся слишком далеко друг от друга, но никогда не вмешивался ни в какие детали, требовавшие знаний и опыта в морском деле».

Адмирал вовсе не был уверен в своих силах и говорил Бурьенну, что флот очень плохо снаряжен. Появись Нельсон, – он, Брюэйс, ни за что не отвечает.

Тянулись однообразные дни. Многие страдали от морской болезни, включая «двуужильного» Бонапарта. Это ли не знак того, что море – чуждая ему стихия?

Перед отплытием он попросил Брюэйса, чтобы тот оборудовал хорошую кровать, как для больного. Приказ был добросовестно выполнен: кровать стояла ножками на четырех подвижных шариках, «что делало для него менее чувствительною причиняемую качкою дурноту, кою он очень страдал».

Бурьенн, рассказавший нам эти подробности, сидит у генеральской кровати и читает вслух Плутарха, Гомера, Коран. После обеда Бонапарт проводит заседания Института. Назначает оппонентов, отстаивает тезисы и внимает чужим речам. Предпочтение отдает тем, «которые искусно защищали нелепые предложения».

Что обсуждали? Разные образы правления, стратегию, математику, астрономию, химию, религию. И даже суеверия. Продолжался спор о сотворении мира. Ведь все так просто – надо лишь принять одну из точек зрения: Бог есть и участвует в наших делах, он есть, но не участвует... или его нет?

«Иногда он спрашивал, – обитаемы ли планеты; в другой раз – давно ли существует мир;

потом задавал предметом для рассуждений вероятность разрушения Земного шара водою или огнем; наконец справедливость и ложность предчувствий и истолкования снов».

Большинство собравшихся в каюте – атеисты и республиканцы. Каффарелли дю Фальга, чей разговор, по оценке Бурьенна, «отличался живостью, умом и веселостью», одаренный пылким воображением Монж, все же имевший «некоторую склонность к набожности, согласовавшуюся с понятиями Наполеона», материалист Бертолле с его отвлеченным умом. Этот материализм более всего не нравился генералу.

Кем был он сам? К кому обращался в ночь перед Ватерлоо, шепча грохочущим небесам «мы заодно»?

«Мы заодно». Так не разговаривают с Богом. «Заодно» бывают только с равными.

Атеист? Стихийный деист? Верующий?

«Я умираю в римской апостолической вере», – будет диктовать он на смертном одре.

Но до этого еще очень далеко – больше двух десятилетий.

Он еще не насытился. И сейчас рвется в африканское пекло, чтобы «заполнить время» и стать халифом на час. Отдохнуть перед решающим рывком. Тем самым, который даст ему власть большую, чем у короля.

Звезда и Судьба – эти слова он пишет с больших букв.

Когда Звезда померкнет после Абукира, а затем скроется за стены Сен-Жан-д'Акра, он будет умолять ее вновь явиться его острому взору. Циничные парижские вожди вскроют конверт от Бонапарта, проделавший путь в сотни лье, и прочтут слова с заглавными буквами.

Трижды она поможет ему избежать гибельных встреч с морскими львами – по дороге в Египет, на обратном пути, и, наконец, когда он помчится в последнюю материковую гастроль.

Одиссей, бросивший вызов Богам, он будет ждать ее света московскими ночами, но они принесут лишь тупую бессонницу.

Впервые он вырвался на простор. Нужно быть подальше от Европы, этой «кротовой норы»! Ведь истинно великие дела вершатся на Востоке.

В Италии он отчитывался за каждый шаг, а «адвокаты» из Директории могли снять его с должности в любой момент. Однажды они, напуганные его растущей славой, решили разделить победоносную армию надвое, но он дал достойный отпор завистникам.

«Во время моих итальянских кампаний Директория только и делала, что тьякала; она пробовала мне указывать: в ответ я посылал ей мадонн из чистого серебра, она умолкала, и моя армия продолжала идти вперед».

В Египте он будет настоящим властителем, а не просто генералом, одним из многих, и его натура обретет небывалый размах и могучее единство.

«Когда хорошая погода позволяла, то он выходил на палубу, которая своей обширностью действительно уподоблялась гульбищу».

«Когда человек подал в море, то главнокомандующий не мог успокоиться до тех пор, пока его не спасали».

Он слушал музыку и смотрел в море, выглядывая Нельсона. Навстречу попадались корабли. Бонапарт беседовал с капитанами и забрасывал их вопросами: откуда и куда плывете? В конце разговора просил их обещать, что никому не расскажут о встрече с большой французской эскадрой.

Что там молвят граждане Монж, Бертолле, Каффарелли и эти рубаки-безбожники, не боящиеся ни черта, ни дьявола? естество и европейский радио? космос вполне объясним, ведь Лаплас уже это сделал? долой сверхъестественное?

– Говорите, что хотите, – бросил он им, – а кто все-таки сотворил все это?

И кивнул на звездную россыпь.

Девятого июня он увидел на горизонте каменную глыбу мальтийской крепости.

Рыцари и аргонавты

Две трети мальтийских рыцарей были французами.

Родина вспомнила об этих богатых людях еще в младенческие годы революции, а в 1792-м (19 сентября) объявила их имущество национализированным.

Когда рыцари лишились своих владений во Франции, Англия предложила обиженным протекцию, а русский царь Павел – финансовую помощь (для этого он изъяснял деньги у поляков).

Став в 1797 году гроссмейстером «Большого православного приората», Павел начал посвящать подданных своей империи в рыцари.

Австрия тоже имела виды на Мальту, а 54-летний великий магистр Гомпеш был настроен проавстрийски.

Бонапарт предложил Директории захватить остров еще в 1797 году. Обдумывая египетско-индийские проекты, он видел, что Мальта – важный пункт на этом пути.

Французы предусмотрительно направили на остров своих агентов, чтобы подготовить умы должным образом. Но подорвать Орден изнутри не получилось. «Бонапарт очень рассердился на людей, посланных из Европы для того, чтобы это дело устроить; однако же один из них, г-н Доломье, раскаялся в принятой им на себя порученности...» «Посселгуэ сделал все что мог в этой попытке к подкупу, но не имел совершенно успеха», – пишет Бурьенн.

Главной причиной захвата Наполеон впоследствии назвал то, что остров отдался под покровительство императора Павла – врага Франции: «Это оскорбляло римско-католическую религию и клир». «Ища покровительства на севере, Орден не принял во внимание и поставил под угрозу интересы держав юга».

Гомпеш имел 332 рыцаря, способных драться, 3 600 человек в гавани и 13 000 милиционеров. Слишком мало для того, чтобы противостоять Восточной армии Бонапарта!

Тот пренебрежительно отозвался о рыцарях, как о людях неспособных. Да и другие солдаты (итальянцы, немцы, французы, испанцы) не лучше – «большой частью дезертиры или авантюристы, которые с тайной радостью отнеслись к возможности соединить свои судьбы с судьбой самого знаменитого полководца Европы».

Великий магистр созвал совет. Что делать? Одни говорили, что надо объявлять тревогу – ведь, имея неплохой арсенал и запас продовольствия на три года, можно упорно сопротивляться. Другие напоминали, что Орден иоаннитов (Святого Иоанна Иерусалимского) призван вести войну с туркам, а не с христианами.

Пока шла дискуссия, французский адъютант потребовал пропустить корабли в порт. И вновь партии войны и мира стали доказывать друг другу преимущества разных способов поведения. Верх взяли первые, после чего рыцари взяли за оружие.

Однако командор Буаредон де Рансюэ, принадлежавший к овернскому «языку» (всего на Мальте было семь языков, три из них – французские), заявил, что не поднимет оружие против Франции. Несколько рыцарей высказались в том же духе, но их арестовали и отправили в тюрьму.

Защитники, готовые постоять «за родину», распределились по островам, батареям и башням.

Коммерсант Каруссон, который вел дела французов на острове, вечером 9-го июня сообщил Бонапарту волю Совета. В ответ генерал просил передать великому магистру следующее: «Главнокомандующий возмущен тем, что вы не желаете разрешить набирать воду более чем четырьмя кораблями одновременно; действительно, сколько времени понадобится 400–500 судам для того, чтобы получить подобным способом воду и все остальное, в чем они сильно нуждаются? Этот отказ тем более удивил главнокомандующего, что ему известно, какое предпочтение оказывается англичанам и какую декларацию обнаружил ваш предшественник. Главнокомандующий решил взять силой то, что должны были ему предоставить, руководствуясь законами гостеприимства, которые являются основой вашего ордена; я видел, сколь значительны подчиненные ему силы, и предвижу, что остров не сможет обороняться... Главнокомандующий не пожелал, чтобы я вернулся в город, который он считает себя обязанным рассматривать впредь как вражеский... Он отдал приказ о том, чтобы религия, обычаи и собственность мальтийцев уважались».

Главнокомандующий приказал готовиться к бою. Утром начался штурм. Сам Бонапарт высадился с отрядом в 3 000 человек между городом и бухтой Святого Павла. Защитники отстреливались, и даже сделали отчаянную вылазку. Но явное неравенство сил заставило их начать переговоры.

Ранним утром следующего дня представители великого магистра явились на борт

«Ориона» с полномочиями, необходимыми для заключения соглашения о капитуляции. Во главе их был командор Буаредон де Рансюэ, освобожденный из тюрьмы (после чего, по словам Наполеона, народ носил его на руках, как триумфатора).

Мальта сдалась на милость победителю. Бонапарт поступил с островом так, как он позднее будет обходиться со многими державами, городами и островами.

Вводится гражданский кодекс. Рабство отменяется, все турецкие невольники, среди них были уроженцы Триполи, Алжира, Туниса, Марокко, Дамаска, Сирии, Смирны и Константинополя, освобождаются. Ликвидируются все феодальные права и привилегии. Создается новая администрация (комендант острова – генерал Вобуа, французский гарнизон – 4 000 человек), формируются муниципалитеты, назначаются судьи. Бонапарт реформирует систему образования, учреждает начальные и средние школы и формулирует новые принципы политики просвещения.

Им организуются 15 начальных школ, а мальтийский университет заменяется «центральной школой». В этой школе должны изучать право, арифметику и стереометрию, алгебру, геометрию, астрономию, химию, механику и физику, навигацию.

60 детей богатейших семейств в возрасте от 9 до 14 лет должны быть направлены в Париж для обучения в коллежах.

Сам Орден был упразднен, члены его высланы, сокровища изъяты.

Из мальтийцев, говоривших по-арабски, Бонапарт организовал отряд – с тем, чтобы они стали переводчиками и разведчиками.

Все это он сделал за считанные дни. Что дальше?

«Собираются ли возвысить снова Афины или Спарту? Будет ли трехцветное знамя водружено на серале или же на пирамидах и развалинах древних Фив? Или же из Алеппо направятся в Индию???»

Так, якобы, вопрошали солдаты Восточной армии (разумеется, подлинно римский дух, которым пропитаны эти слова, не оставляет сомнений в их авторстве).

А что мог думать Горацио Нельсон?

Члены экспедиции наслаждались дарами Мальты. Бонапарт гулял в садах гротмейстера Ордена, «прекрасно содержанных и украшенных великолепными апельсиновыми деревьями». Бурьенн говорит, что «мы с удовольствием лакомились их фруктами, казавшимися нам при чрезвычайной жаре еще более вкусными».

Пробыв на острове неделю, эскадра подняла якоря.

Наконец, вождь «франков» прояснил свои намерения:

«Бонапарт, член Национальной академии, главнокомандующий войсками.

На корабле «Орион», 4 мессидора VI года (22 июня 1798 года).

Воины!

Вам предстоит сделать завоевание, последствия которого будут неисчислимы как в отношении к просвещению, так и к всемирной торговле. Вы этим нанесете Англии самый верный и самый чувствительный удар в ожидании того, которым совершенно сокрушите ее.

Нам придется сделать несколько трудных переходов; дать много сражений; мы успешно исполним наши преднамерения; за нас судьба. Беи мамелюков, которые исключительно благоприятствуют английской торговле, которые наносят неприятности нашим негодьям, которые тиранят бедных обитателей берегов Нила, эти самые беи через несколько дней после нашего прибытия не будут более существовать.

Народы, с которыми вы будете в сношениях, магометане; их первая заповедь: Нет Бога кроме Аллаха, и Магомет пророк Его. Не спорьте с ними; поступайте с магометанами, как поступали с евреями, как поступали с итальянцами; обращайтесь почтительно с их муфтиями, с их имамами, как обращались с духовными лицами других народов.

Римские легионы покровительствовали всем религиям. Вы встретите здесь обычаи, отличающиеся от обычаев европейских: привыкайте к ним.

Народы, к которым мы идем, обращаются с женщинами не так, как мы; но того, кто насилует, во всякой стране считают за изверга.

Грабеж обогащает немногих, бесчестит всех, уничтожает ресурсы и делает нашими врагами тех, чье благорасположение нам нужно.

Первый город, который мы встретим на нашем пути, сооружен Александром; мы на каждом шагу найдем великие воспоминания, достойные воспламенить дух французов».

Город Александра

Счастливо избежав встречи с эскадрой Нельсона, французский флот приблизился к Александрии вечером 30 июня 1798 года.

Благополучное прибытие армады, состоявшей из 293 кораблей и судов, двигавшихся с разными скоростями и не имевших опыта перестроения, уже само по себе было успехом.

Когда Бонапарт узнал, что англичане были здесь сорок восемь часов назад и направились на дальнейшие поиски его эскадры, он принял решение высаживаться немедленно. Не дожидаясь рассвета и невзирая на рифы, туман и удаленность кораблей от береговой линии.

Брюэйс предлагает подождать до утра. Бонапарт непреклонен:

– Адмирал, нам нельзя терять времени. Фортуна дает мне только три дня; если я ими не воспользуюсь, то мы погибнем.

Все время плавания море было спокойным, но в тот вечер вдруг забурлило («северный ветер дул с жестокостью; море бушевало, разбивалось о каменные рифы, опоясывающие берег», – вспоминает начальник главного штаба генерал Бертье).

Путь лодок до земли был долгим и опасным. Шлюпки переворачивались, двадцать человек утонули.

Когда сам вождь ступил на катер, адмирал Брюэйс подал ему руку. Видя удаляющуюся посудину с Бонапартом на борту, морской волк воскликнул: «Счастье покидает меня!»

«Эти слова оказались пророческими!!!» – Наполеон ставит три восклицательных знака.

(До катастрофы Абукира, когда неистовый Нельсон настигнет французскую эскадру, атакует ее с двух сторон и уничтожит, оставался ровно месяц.)

Прибытие научной экспедиции на африканский континент также началось с потери: вместе с «Патриотом», который не нашел входа в порт и затонул, пропали точные инструменты и многие материалы. Бурьенн говорит, что пучина поглотила несколько транспортных судов.

«Мы приняли к себе на руки генерала Каффарелли, которому деревянная нога не позволила вскочить в шлюпку в минуту ее поднятия».

Лошадей бросали в море, люди тащили их за лодками до самого берега. Большинство солдат, кроме артиллеристов и кавалеристов, успело высадиться до рассвета, но пехотинцев пришлось долго собирать на берегу и делать переклички.

Все умирали от жажды, но нигде не было пресной воды. Бонапарт многое предусмотрел, но забыл про фляжки. Тем не менее, вместе с приказом о высадке он потребовал запастись водой.

Где безопаснее – на борту или на земле? Граждане Монж и Бертолле остались на корабле, но многие ученые сошли на берег.

«Ярко светила луна. Беловатая сухая почва Африки была освещена как днем. После долгого и опасного плавания люди очутились на взморье древнего Египта, населенного восточными нациями, чуждыми нашим нравам, нашим обычаям и нашей религии... Сколько опасностей, сколько событий, сколько случайностей, сколько утомительных трудов впереди!» – восклицает Наполеон.

Перед ним – город, основанный Александром Великим, заключенный между морем и Мареотидским озером.

У Бонапарта большие виды на этот город. Читая аббата Рейналя, он проникся убеждением, что Александрия, при правильном управлении, непременно достигнет такого блестящего развития, что оставит Лондон, Рим, Париж и Константинополь далеко позади.

Напротив города лежит остров Фарос. На нем был знаменитый маяк, одно из семи чудес света.

Фарос соединен с сушей молотом, который делит бухту на две гавани – Большую и Эвност.

В городе музей (храм муз), где в эпоху греческих царей Птолемеев была самая обширная в

древнем мире библиотека, в которой насчитывалось двести тысяч свертков рукописей при первом Птолемею и до четырехсот тысяч при его сыне, а рядом с ней научный центр, Посидион – храм Посейдона, Цезариум – храм божественного Юлия Цезаря и римских императоров, Сома – надгробное сооружение, где находилось тело Александра Македонского, а также театры, дворцы и рынки.

Все это было создано за две тысячи лет до Наполеона.

Часы показывают восемь утра. Главнокомандующий смотрит в подзорную трубу и видит башню Арабов, минареты городских мечетей, мачты турецкой каравеллы на якоре в порту. Он поднимается на пьедестал Помпеевой колонны, что на расстоянии пушечного выстрела от города, и рассматривает крепость в бинокль.

Бертье говорит, что Бонапарт желал начать переговоры, чтобы избежать кровопролития, «но страшный вопль, произведенный мужчинами, женщинами и детьми, и канонада из нескольких орудий показали намерение неприятеля».

Тогда главнокомандующий «велел ударить».

На штурм! Генералы Мену, Клебер и Бон проводят дерзкие атаки – без единой пушки! Первые два ранены (Клебер пулей в голову, Мену сброшен со стены и контужен), но цель достигнута.

Не зря Наполеон искал во Франции арабские литеры для своей походной типографии – они ужегодились. Многочисленные прокламации на французском, арабском и турецком языках расклеены по всему городу. Царству мамелюков пришел конец!

При штурме погибли 15 человек и 60 были ранены.

«Как только Бонапарт сделался владельцем Александрии, так приказал транспортные суда ввести в порт города и приступить к выгрузке лошадей, амуниции и других предметов, на них находящихся».

Бертье пишет, что военные суда не могли войти в порт и остановились на дальнем от него расстоянии, на рейде. Затем последовала «продолжительная и трудная выгрузка с военных судов артиллерии».

Город сопротивлялся, но разграблен не был («Грабеж обогащает немногих, бесчестит всех, уничтожает ресурсы и делает нашими врагами тех, чье благорасположение нам нужно»). 700 турецких рабов, освобожденных на Мальте, Бонапарт отправил на родину.

Он быстро договорился с местными арабскими племенами. Их вожди подписали договор, по которому обязались держать открытой дорогу из Александрии в Даманхур для армии и отдельных лиц, представить в 48 часов 300 лошадей по цене в 240 ливров за животное и 500 дромадеров (одногогорбых арабских верблюдов) по цене в 120 ливров, сдать в наем тысячу быстроходных верблюдов с погонщиками и вернуть взятых в плен французов. Бонапарт разделил с вождями трапезу и выдал задаток. Он провел в Александрии почти неделю и поручил шейхам и именитым гражданам «управление и суд».

Авангард генерала Дезе пошел на Даманхур тремя днями раньше Бонапарта. Армия, оставив раненого Клебера в Александрии во главе сильного гарнизона, двинулась на Каир через пустыню.

Туда же – вверх по Нилу – поплыли корабли контр-адмирала Перре, «отважного моряка из порта Сен-Валери-сюр-Сомм».

Испытание пустыней

Большие батальоны солдат в синих мундирах бредут по пескам.

Они высадились на берегах Африки, как некогда войско Людовика Святого.

Который стоял лагерем несколько месяцев, молился, пошел на врага, был разбит и попал в плен. Который в своем поклонении Всевышнему отнюдь не выглядел, как человек дела. И мы найдем мало общего между ним и вождем синих.

Тот не желает молиться старому Богу, но хочет *основать религию*, соединить Восток и Запад, стать властелином мира. Он видит себя едущим верхом на слоне с тюрбаном на голове и новым Святым Писанием в руках.

Обливаясь потом, его легионеры несут оружие, ранцы, боеприпасы и различное добро.

Некоторые сходят с ума от жары и кричат, как дети.

Их привела сюда не божественная страсть, но план, рожденный в голове командира. Уверовавшего в свою Звезду во времена итальянской Илиады.

Наполеон не придавал значения погоде в странах, в которых осуществлял великие проекты. Он ждал от своих товарищей и соратников самопожертвования – и те совершали подвиги.

«Тот имеет право жертвовать чужими жизнями, кто своей не очень дорожит».

Кампании 1805–1807 годов он проводит в плохое время года, и люди страдают от холода, а зима 1812 года станет поистине катастрофической.

Планируя поход в Африку и Азию, он ни словом не упоминает о том, что боевые действия развернутся в самые жаркие дни – в июле-августе. Солдатам предстоит не только сражаться – они должны будут пересекать огненные и безжизненные пустыни.

Даже Дезе стусевался. Он писал Бонапарту из Богагире: «Ради Бога, не оставляйте нас в этом положении. Войско теряет бодрость и ропщет. Велите нам быстрее идти вперед или отступить: деревни ни что иное, как опустошенные хижины».

Вдобавок, племена, подписавшие договор в Александрии, получили «фетфу» улемов и шейхов Каира, приказывавшую взяться за оружие для защиты веры, что они и сделали.

Бедуины сопровождали пешие колонны, набрасываясь, словно акулы, на отставших воинов. Они пронзили копьями генерала Мюирера, когда тот неосторожно удалился на сто шагов от передовых постов во время стоянки под Даманхуром.

«Эта война... тяжелее войны в Вандее», – сравнивали генералы.

«Это не Италия!» – ворчали солдаты.

Замки и дворцы для генералов, хорошие дома для рядовых – вот что имела армия год назад. А Александрия – груда жалких лачуг. Местные французы («франки», а с ними и консул Магеллон) нахваляются красоты и богатство Каира, где живут арабы, берберы, нубийцы, копты, негры, европейцы, где много тонких и изящных минаретов и домов с колоннами, десятки пирамид и каменные сфинксы (человеко-львы) – но мыслимо ли дойти до него?

«Франки» знали в Египте только Каир, Розетту и Александрию, рассматривали страну «с верхушек мачт» и никогда не входили ни в одну деревню! Они стали посмешищем солдат.

Все плохо, все не в радость. У многих сдают нервы. На подходе к Даманхуру солдаты разных дивизий едва не перестреляли друг друга в ночной неразберихе.

Отцы города (шейх-аль-беледы, шахебы, саррафы, имамы, главные шейхи) пригласили генерала Дезе, друга Бонапарта, в ригу без окон и дверей. Дезе увлек туда патрона, и «штаб Итальянской армии» вкусил галет, испеченных в золе, запивая их чашкой молока, – и это хваленое восточное гостеприимство?

«Дорога из Александрии в Каир удивительно красива. По берегам Нила тянутся поля сахарного тростника, заросли миндаля и гранатовые деревья. В первый день дошли до Рашида, который находился ровно в середине пути, а на следующий день нам подвели оседланных арабских скакунов, чтоб до Большого Каира мы ехали на лошадях».

Так писал армянин Рустам, который через год станет слугой Бонапарта. У него был свой путь до Каира, и он восхищался местной природой.

Солдаты республиканской армии не так восторженны. Они идут пешком, жара невыносима, вокруг пустота и ужасающая нищета, феллахи (местные крестьяне) «глупы, как их буйволы», нельзя достать ни воды, ни хлеба, ни вина. Колодцы заражены или засыпаны бедуинами.

«Куда он нас ведет? Ради чего все это? Надо быть безумцем, чтобы пускаться в такое предприятие!»

Прошла только неделя с начала пути, но уже созрел офицерский заговор. Бонапарт презрительно отверг ультиматум, и зачинщик генерал Мирер застрелился.

Кончают с собой не только из соображений чести: некоторые просто не выдерживают адских условий. По свидетельству каноника Брикара, «жара заставляла их бросать трофеи, и немало было таких, кто не вынес испытания и пустил себе пулю в лоб».

Бонапарт устроил чудовищный и несправедливый разнос молодому адъютанту Круазье: тот не смог уничтожить группу бедуинов, угрожавших штабу (хотя Круазье выполнил свой долг).

Когда отряд арабов напал на главную квартиру у Шеика, что недалеко от Даманхура, Бонапарт приказал:

– Круазье, возьми нескольких вожатых и прогони эту сволочь!

Адъютант бросился на врага вместе с пятнадцатью товарищами. Завязалась стычка, которую Бонапарт наблюдал из окна дома. После упорного боя арабы спокойно отступили, не понеся урона.

Когда генерал излил свой гнев на адъютанта и назвал его трусом, Круазье выбежал со слезами на глазах:

– Я не переживу этого, – сказал он Бурьенну, – я пойду на смерть при первом случае, который представится; я не могу жить обесчещенным.

Только утром 10-го июля армия достигла Нила у Рахмани. Люди – от солдата до генерала – бросились в реку, не снимая одежды.

Река? Тщедушный ручеек, теплая и мутная вода которого вовсе не освежает! И это – житница Рима и Константинополя? Немудрено, что и сам Египет, «дар Нила», столь убог!

Несколько человек умерли, выпив слишком много воды. Многие заболели дизентерией, наглотавшись арбузной мякоти.

Римлянин Бонапарт терпеливо разъясняет своим легионерам, что «воды Нила, который в данный момент так мало соответствует своей репутации, начинают подниматься, и скоро он оправдает все, что они о нем слышали; что они становятся лагерем на копнах ржи, и скоро у них будут мельницы и печи; что эта земля, столь голая, однообразная и печальная, по которой они передвигаются с таким трудом, скоро покроется нивами и даст обильный урожай, который напомнит им о плодородии берегов По и о тамошнем изобилии; что у них есть чечевица, бобы, куры, голуби, что их жалобы преувеличены, что жара, без сомнения, чрезмерна, но станет переносимой, когда они будут на отдыхе и переформировании; что во время итальянских кампаний переходы в июле и августе также были весьма утомительными».

Напрасный труд! Ему не верят. Куры и голуби? Он в самом деле думает накормить ими многотысячную армию? Зачастую, он сам съедает на обед лишь тарелку чечевицы. Генералы и офицеры возмущаются пущей солдат. Наполеон признает, что «несколько солдат бросились в Нил, чтобы найти в нем быструю смерть».

Откровенно говоря, и сам он не в восторге: «При высадке в Египте меня удивило, что от бывшего величия у египтян я нашел только пирамиды и печи для приготовления жареных цыплят».

Ученые ведут себя не так, как солдаты и офицеры. Они уже находят то, зачем сюда пришли. Всюду, где виднеются следы древности (а они лежат на поверхности, и чтобы завладеть ими, даже лопат не нужно!), – члены Комиссии по наукам и искусствам останавливаются, быстро что-то находят и берут с собой.

Значит, это они надоумили правительство снарядить экспедицию! Ученых стали называть ослиами. Поскольку «главные академики» (Монж и Бертолле) все еще находились на кораблях флотилии, Комиссией по наукам и искусствам руководил одноногий генерал, военный инженер Каффарелли дю Фальга (или просто Каффарелли) – человек высокой нравственности, благородный и одержимый, обладавший огромной энергией и глубокими познаниями. Он имел способности проповедника и любил «читать мораль» солдату. Генерал вновь и вновь убеждал людей, что их миссия прекрасна, а страна, в которой они находятся, еще изумит своими красотами.

– Ей-богу, – ответил ему один остролов, – вам на это наплевать, потому что у вас одна нога во Франции!

Имя автора шутки неизвестно, но она быстро передавалась из уст в уста, доставив изможденным людям несколько веселых минут.

Наполеон отмечает, что солдаты помогали ученым и уважали их, а вспышка возмущения была связана с тяжелейшими условиями похода.

Да и что должно произойти, чтобы француз утратил веселость?

Солдаты проявляли находчивость: толкли рожь, добывая муку, жарили зерно на сковороде, а затем варили его жареным.

Когда возникала опасность, командовали: «Ослов и ученых в середину!» В середину –

значит в центр каре, ошестинившегося штыками строя пехотинцев.

(Поскольку ученых называли ослиами, то достаточно было короткой команды: «Ослов в середину!»)

Так было, например, в сражении у Шубрахита, где французы впервые столкнулись с многочисленной конницей мамелюков.

Каждый из этих всадников был вооружен саблей, карабином, мушкетером, четырьмя пистолетами и обслуживался тремя-четырьмя пешими слугами.

По обычаю, эти отважные воины-феодалы, угнетатели феллахов-землепашцев и арабов-купцов, носили с собой все свое золото и драгоценности, чтобы уйти на тот свет вместе с ними. Ценными камнями усыпаны их ятаганы, а одежда изумительно роскошна.

Наполеон соглашался с тем, что один мамелюк сильнее одного французского всадника, но при столкновении двух отрядов численностью по двести человек с каждой стороны лучшие шансы были на стороне европейцев, потому что мамелюки сражались беспорядочно.

Османы, янычары, мамелюки

Молодой генерал Буонапарте хотел устроиться – по примеру графа де Бонваля – в армию турецкого султана, но не осуществил задуманного.

В те времена французы нередко помогали туркам в военном строительстве, и Бонапарт мог бы стать одним из иностранцев на службе у восточного тирана.

Наполеон – это великие реализованные возможности и уникальные несбывшиеся мечты. Он не стал служить Турции, а через несколько лет уже воевал против нее. Его не приняли в русскую армию, и он пришел в Россию во главе своей.

Союзники станут врагами, и, в конце концов, он утратит всех друзей без исключения.

Вихрем ворвавшись в загадочный мир Востока, Бонапарт затронул и нарушил связи настолько чужеродные и непонятные европейцу, что при ближайшем их рассмотрении тому становится не по себе.

Может ли царь быть рабом?

Вопрос настраивает на философский лад, и первым ответным побуждением, возможно, будет следующее: все мы рабы обстоятельств, а цари – худшие из рабов и т. п.

Но когда мы думаем об Оттоманской империи, то философию в данном случае можно отбросить, а формулу «царь – это раб» принять, как точное отражение сущности бытия.

Семья султана – семья рабов, ибо матери детей султана были рабынями. Великий султан – сын раба. Его дочь могла выйти замуж за аристократа (визиря или пашу), если это нравилось отцу. Такой брак был чем-то случайным, в то время как титул «кул» (раб) – постоянным. Сыновья султана (по европейским понятиям – наследные принцы) женились исключительно на рабынях.

Турецкая правящая элита (султан и его семья, придворные, чиновники и армия, а также те молодые люди, которых обучали искусству управлять) пополнялась лицами, родившимися от христианских родителей. Все эти люди высокого общественного положения считались рабами султана. В любой момент он мог низвергнуть их в мрачное небытие. Должность, состояние, заслуги не имели при этом никакого значения.

А семья самого султана? Мехмет II Завоеватель получил *разрешение* убить своих братьев (для этого был издан соответствующий закон), «чтобы сохранить в мире мир». Он объявил это предписание *обязательным*, а не просто разрешенным, и его последователи соблюдали эти правила.

Здесь уместно остановиться и хорошенько поразмыслить.

Что это за «элита», которая на самом деле является отрицанием всякой элиты? Разве европейские дворяне, гордившиеся тем, что являются потомками участников крестовых походов, способны понять это свирепое пренебрежение наследственным правом? Разве юрист не содрогнется от сознания отсутствия гуманного закона, а чиновник – от того, что всякая гордость положением здесь неуместна, а сословная солидарность смешна? Каждый человек – атом, лишенный устойчивых социальных связей и какой бы то ни было защиты. Важны лишь индивидуальное честолюбие, строгая дисциплина и мощь батальонов.

«Оттоманская система... брала мальчиков с пастбищ и от плуга и делала их супругами принцесс; она брала молодых людей, чьи предки веками носили христианское имя, и ставила их правителями великих магометанских государств, воспитывала из них солдат и генералов непобедимых армий, и они с восторгом сшибали крест и поднимали полумесяц. Она никогда не спрашивала у своих мальчиков: «Кто твой отец?», или «Что ты знаешь?», или даже «Можешь ли ты говорить на нашем языке?». Но она изучала их лица и телосложение и говорила: «Ты будешь солдатом, а если покажешь себя достойным, то генералом!» или «Ты будешь ученым и знатным человеком, а если проявишь способности, то губернатором или премьер-министром». Полностью игнорируя тот глубинный механизм, который называется человеческой природой, и те религиозные и социальные нормы, которые, кажется, диктуются самой жизнью, оттоманская система навсегда отнимала детей у родителей, лишала их семейной заботы, отказывала в праве на владение собственностью, а семьям не давала никаких гарантий относительно будущего их дочерей и сыновей, не перемещала их по социальной лестнице, но учила их чуждому закону, чужой этике, чужой религии и всегда заставляла помнить, что над их головами висит меч, который в любой момент может положить конец блестяще начатой карьере», – писал американский историк Лайбайр.

Почему нельзя было назначить на высокую должность сына богатого мусульманского феодала? Да потому, что гордый своим происхождением и религией, он станет опасным. Конфликт личности с установленным порядком общественных отношений неизбежно породит заговор.

Противоестественная система рухнула тогда, когда свободные мусульмане вошли в пространство придворных «рабов-овчарок».

Первые послабления допустил Сулейман Великолепный, давший ход сыновьям янычар. Селим II сделал еще один рискованный шаг, расширив права местной мусульманской знати и тех же янычар.

Кто они, эти рыцари Востока?

Фламандский ученый и дипломат Ожье Эселин де Бусбек в 1555 году наносит визит в лагерь Сулеймана Великолепного. В одном из четырех «Турецких писем» он рисует картину строгую и жутковатую: «Штаб султана был наполнен помощниками, включая и высших чиновников. Вся кавалерийская гвардия была представлена там, кроме того, присутствовало большое число янычар. Никто из присутствующих не демонстрировал своего превосходства, а все старались показать свои добродетели и храбрость; никто не кичился своим рождением, ибо честь здесь соответствует занимаемой должности и характеру исполняемых им обязанностей. Таким образом, нет никакой борьбы за первенство, каждый знает свое место и свои функции. Сам султан распределяет обязанности и должности и сам оценивает достоинства и уровень претензий своих подданных, не обращая внимания на богатство, влияние или популярность кандидата. Он смотрит только на деловые качества и природные задатки». «Представь густую толпу людей. Головы в тюрбанах... Что особенно поразило меня, так это выдержка и дисциплина. Никаких возгласов, шушуканья. Каждый был очень спокоен. Офицеры сидели... солдаты стояли. Самое примечательное зрелище – длинная шеренга янычар в несколько тысяч, которая, не шелохнувшись, стояла позади всех, и поскольку они были от меня на некотором расстоянии, то я некоторое время сомневался, люди это или статуи, пока наконец не догадался поприветствовать их. Они дружно поклонились в ответ на мое приветствие...»

29-летний генерал Французской Республики Наполеон Бонапарт во главе своей армии решительно потревожил периферию Оттоманской империи, вторгнувшись во владения египетских мамелюков.

Талейран планировал обеспечить дипломатическое сопровождение дерзкого предприятия. Одновременно с высадкой армии на африканский берег, в Константинополь должно было прибыть «торжественное посольство», располагающее всеми необходимыми средствами.

Еще в 1775 году мамелюки заключили договор с Индийской компанией, детищем «английской олигархии». Французские торговцы стали притесняться. Правительство французского короля пожаловалось Порте, и в 1786 году султан направил против мамелюкских беев капудан-пашу Хасана. Это поправило дело, но лишь на короткое время. Началась революция, и французская торговля вновь стала подвергаться преследованиям.

Порта умывала руки: она ничего поделывать не может, мамелюки – «люди жадные, безбожные и мятежные». Однако она дала понять Директории, что отнесется к экспедиции в Египет терпимо.

В средние века арабская цивилизация Айюбидов, напрягая силы, боролась с крестоносцами (то было время легендарных походов Людовика Святого). Для защиты власти она привлекла мамелюков, которые в 1250 году свергли самих Айюбидов.

Мамелюки («невольники») – «самовоспроизводящееся войско», в течение нескольких веков пополняемое кавказскими и евразийскими рабами, – представляли собой исторически уникальную силу, с помощью которой арабы, а затем османы господствовали над Египтом.

«Мамелюки рождаются христианами, покупаются в возрасте 7-8 лет в Грузии, в Мингрелии, на Кавказе, доставляются константинопольскими торговцами в Каир и продаются беям. Они – белые и являются красивыми мужчинами. Начиная с самого низшего положения при дворе бея, они постепенно возвышались, становясь мультазимами в деревнях, киашифами или губернаторами провинций и, наконец, беями. В Египте их род не продолжался. Обычно они вступали в брак с черкешенками, гречанками или иностранками. У них не бывало детей или же дети, рождавшиеся от этих браков, умирали, не достигнув зрелости. От браков с коренными жительницами у них рождались дети, доживавшие до старости; однако род их редко продолжался до третьего поколения, что вынуждало их пополнять свои ряды путем покупки детей на Кавказе. Количество мамелюков – мужчин, женщин и детей – исчислялось в 1798 году 50 тысячами», – писал Наполеон.

Мы видим, что мамелюкское общество построено на тех же принципах, что и турецкое.

Два с половиной века мамелюки властвовали безраздельно, пока не столкнулись с османами. Оружия они не сложили, Порте подчинялись лишь формально. В XVII–XVIII веках она ослабла, и оттоманский паша в Египте оказался их узником.

Когда Наполеон пришел в Египет, турецким султаном был Селим III. В начале его правления французский посланник граф Шуазель-Гуфье говорил о молодом владыке, что тот обещает стать вторым Петром Великим.

Прусский посланник Дитц доносил своему двору, что «этот государь стоит по способностям и деловитости, несомненно, выше своего народа, и, кажется, ему суждено стать его преобразователем».

Сражаясь с мамелюками в Египте, Бонапарт пытался не только избежать войны с Турцией, но и сблизиться с восточной империей.

В первые дни французского вторжения султан никак себя не проявил. Между тем, в Каире происходили бурные события. Ибрагим-бей, один из двух (вместе с Мурад-беем) «египетских дуумвиров», собрал на совет всю каирскую знать. Там были мамелюкские беи, улемы и другие вожди, на время забывшие про внутренние распри. Присутствовал турецкий наместник. Из своей резиденции в Гизе прибыл Мурад-бей, и именно его поставили во главе мамелюкского войска.

Известия о первых неудачах заставило беев и шейхов взяться за организацию обороны столицы. Тысячи людей строили укрепления. Чтобы прокормить их, ввели специальный налог. Купцы делали пожертвования, а духовенство устроило шествие со знаменами, музыкой и молитвами.

Ослов в середине!

19-го июля члены экспедиции увидели великие пирамиды.

«Они казались тремя огромными скалами», – пишет Наполеон. Здесь мамелюки надеялись остановить пришельцев.

Тем временем, французский речной флот, значительно уступавший вражескому по численности, медленно поднимался по Нилу. По мере возможности, на суда передавали больных и переутомленных. Туда же Бонапарт отправил Бурьенна и тех, «которые не носили оружия... и не могли быть полезными в сражениях, и на лошадях коих можно было посадить несколько человек».

Корабли не могли все время двигаться параллельно армии, поскольку парусам требовался постоянный ветер в нужном направлении. Флотилия то опережала войско, то отставала.

У Шубрахита сражались не только пехотинцы и кавалеристы, но и моряки: пять кораблей французов против семи мамелюкских. Бой перешел в рукопашную схватку. Солдаты, матросы, ученые – все проявили себя в этот день.

«Монж, Бертолле, секретарь Бурьенн, находившиеся на флотилии, в момент опасности вели себя хладнокровно и безропотно», – отметил Наполеон.

Членам Комиссии по наукам и искусствам пришлось взяться за оружие, участвовать в рукопашной схватке – где безопасность, обещанная главнокомандующим? Многие ученые были шокированы невниманием со стороны военных. Но до наук ли было тем в тревожные июльские дни?

Побоище продолжалось больше трех часов. Наконец, Бонапарт смог выделить полевую артиллерию для поддержки флота. В полдень мусульманский флагман был взорван удачным выстрелом французской пушки.

«В продолжение одиннадцати дней, – вспоминает Бурьенн, в то время пассажир шебеки Перре, – мы вынуждены были питаться только арбузами и водой, ежеминутно подвергаясь выстрелам арабов и феллахов».

Уже первые стычки показали ошеломляющее превосходство французов в тактике ведения боя. Ведь обычно 10 000 мамелюков не боялись атаковать в чистом поле 50 000 пеших османов, а здесь они всюду оказывались битыми.

Уж ни колдун ли вождь французов? Он будто держит своих солдат связанными толстой белой веревкой! Его называли также «отцом огня» – так смертоносна была артиллерия «неверных».

20-го июля армия отдыхала, затем Бонапарт дал приказ о подготовке к решающему бою.

21-го в два часа ночи армия выступила в поход, рассеяла авангард мамелюков, а в восемь утра «тысячи солдатских глоток испустили крик радости при виде четырехсот минаретов Каира».

Их не обманули, это действительно чудесный город, светлый и сверкающий великолепием!

Каир замер в ожидании. Отцы, матери, жены, дети арабских воинов и мамелюков верили в победу своей многочисленной армии. Они заняли правый берег Нила, чтобы наблюдать за решающей битвой. Местные жители думали, что в случае поражения станут рабами европейцев.

Ибрагим-бей так описал французские войска: «Неверные, которые пришли сюда сражаться с нами, имеют ногти длиной в один фут, огромные пасти и свирепые глаза. Это дикари, обуреваемые Иблисом (дьяволом), и они идут в бой, скованные цепями».

Построившись в пешие дивизионные каре, имевшие по шести рядов в строю, прикрыв уязвимые места этих четырехугольников пушками и ротами гренадер, французы приготовились отразить атаки храбрых всадников. В каре укрылись и ученые, и кавалерия, и обозы с лошадьми и мулами, и сам главнокомандующий со своим штабом.

Пустынная равнина, покрытая редкими пальмами, стала ареной легендарного и экзотического боя, в котором стойкость и выучка солдат революционной Франции взяли верх над первобытным фанатизмом всадников Аллаха.

Бой был «асимметричным» – пехота против элитной кавалерии.

Наполеон всегда уважительно относился к противнику. О главнокомандующем мамелюками Мурад-бее, славившемся опытностью и колоссальной физической силой, он отозвался так: «Природа наделила его величием, блестящим мужеством и пронизательностью. Он охватил мысленным взором все поле сражения с таким искусством, которое сделало бы честь самому законченному полководцу».

Бонапарт, стоя посреди каре генерала Дюгуа, также видел всю «шахматную доску» и призвал соратников хранить выдержку перед грядущей угрозой.

(Прошло тринадцать с половиной часов с начала этого длинного и жаркого дня – выдержка, в самом деле, требовалась незаурядная!)

Он воскликнул: «Солдаты, сорок веков взирают на вас с вершины этих пирамид!»

«... Наполеон сознавал, – пишет английский историк Арнольд Тойнби, – что прикоснулся к струне, звук которой способен тронуть даже невежественное сердце самого грубого солдата... Можно быть уверенным, что Мурад-бей... и не подумал подбодрить своих нелюбознательных товарищей аналогичным напоминанием».

Своим призывом Бонапарт напомнил соратникам, что они – представители нации Вольтера и Руссо, что любой француз – философ, и, кроме того, – еще и личность, делающая Историю!

Наконец, в половине четвертого мамелюки со страшными криками бросились в атаку против двух каре. Они стреляли из шести видов оружия: из ружья, мушкетона и двух пар пистолетов. Одну пару они носили на седельной луке, другую – на груди. Копье нес один из ополченцев, следовавших за ними пешком.

Помогая друг другу, французские легионы отразили наскоки, перестроились в штурмовые колонны, отрезали врагу пути отступления и не оставили кавалеристам иного исхода, кроме как спасаться вплавь по Нилу.

Мамелюки тонули, французы расстреливали их в воде. Пехота азиатов и африканцев под началом Ибрагим-бея так и не вступила в бой. Потеряв 29 человек убитыми и 260 ранеными, Бонапарт разгромил огромную армию.

К ночи Мурад-бей отступил и приказал сжечь суда, на которых находились сокровища Египта. Золото и камни конных феодалов, жертв трагедии, вовсе не ушли с ними на тот свет, а стали добычей победителей. Еще несколько дней солдаты вылавливали трупы мамелюков, на многих из них находили по 200–300 золотых монет.

Хотя дул сильный северный ветер, флотилия не появлялась. Бонапарт беспокоился. Наконец, пришла весть от контр-адмирала Перре: суда сели на мель, нужно ждать подъема воды.

Население Каира, предчувствуя перемену власти, грабило дома беев. Шейхи прислали депутацию во главе с заместителем паши в Гизу, где находился Бонапарт. Теперь он – «султан Кебир» (Великий султан).

«Жители Каира, я доволен вашим поведением... Я пришел, чтобы уничтожить род мамелюков, защищать торговлю и коренных жителей страны. Пусть все, кто охвачен страхом, успокоится; пусть те, кто удалился, – вернуться. Пусть моление происходит сегодня, как обычно... Не бойтесь за свои семьи, дома, имущество и особенно за религию пророка, которого я люблю... Будет созван Диван из семи лиц, которые соберутся в мечети Вер...»

23-го и 24-го июля Бонапарт принимал многочисленные депутации знати, выражавшей ему свою покорность. Он имел блестящего переводчика – «гражданина Вантюра, который провел 40 лет в Константинополе и различных мусульманских странах; это был первый востоковед Европы; он переводил все его речи с легкостью и изяществом и таким образом, чтобы произвести нужный эффект».

25-го июля главнокомандующий въехал в Каир и выбрал для себя дом Эльфи-бея, на площади Эзбекия, на окраине города. Позднее архитектор Лепэр изменит его планировку и построит красивую лестницу – жилище станет по-настоящему французским. Европейцы, жившие в Каире (французы, венецианцы и англичане), предоставили хорошую мебель. Дом имел красивый сад.

Как там Жозефина? Ни пора ли послать за ней корабль? Бонапарт пишет старшему брату: «Будь внимателен к моей жене – навещай ее изредка».

Мамелюки бежали, а Наполеон успокоил их жен, используя влияние богатой супруги Мурад-бея, очень уважаемой в городе. Он направил к ней пасынка Евгения, выразив тем самым свое почтение. Посланец передал документ, закреплявший за женщиной владение всеми ее деревнями. Любопытство многочисленных рабынь было безграничным: всем хотелось увидеть юного красавца. Грациозная Ситти-Нафиза предложила семнадцатилетнему капитану прекрасно сервированный ужин и подарила дорогое кольцо.

Впрочем, пришлось немного расстроить жен храбрецов. Поскольку казна армии нуждалась в пополнениях, Бонапарт обязал женщин, «по обычаю страны», выкупить богатства их мужей, внося соответствующие вклады.

Он разбил мамелюков, покорив тем самым Нижний Египет, и приложил все усилия для того, чтобы сохранить хорошие отношения с Портой.

Бонапарт приказал повсюду вывешивать турецкий флаг рядом с французским, продолжать молиться в мечетях за султана. Он пошел навстречу пожеланиям Порты в выборе кандидатур на важные посты.

Когда турецкая каравелла собралась вернуться в Константинополь, Бонапарт приказал произвести на ней ремонт, снабдил моряков провизией за свой счет и отправил с нею господина

Бошам – ученого астронома, долго жившего в Константинополе и на Черном море. Тот должен был выполнить важное дипломатическое поручение в Дамаске.

Ибрагим-бей, избежавший столкновения с французами в битве у Пирамид, был настигнут и наголову разбит у Салихии. В этом сражении был тяжело ранен храбрый офицер Сулковский.

Бонапарт считал его погибшим.

– Не могу, – сказал он Бурьенну, – довольно похвалить характер, отличную храбрость и непоколебимое хладнокровие моего бедного Сулковского. Он пошел бы далеко; это был бы драгоценный человек для того, кто бы вознамерился воскресить польское государство.

Академиков просят собраться

Причалила флотилия. Члены Комиссии по наукам и искусствам, истомившиеся долгим ожиданием, сошли с корабля «Монтенотте», названного в честь феерической победы Бонапарта в Италии, сгибаясь под тяжестью собственных вещей и научного оборудования.

По дороге в город они видели древние кладбища и руины арабских поселений. Наконец, ученые достигли цели, но в доме Каффарелли ничего приготовлено не было – у военного человека и без того много дел.

Где достать питьевую воду? Жить у арабов опасно, а снять жилье в домах европейцев непросто. Ученые, пожираемые москитами, ютились в комнатах, в каждую из которых набивалось по 10–20 человек.

Условия труда оказались еще ужаснее. Бедуины часто нападали на «знающих людей».

Между тем, Бонапарт торопил ученых. Он хотел, чтобы они стали в Египте таким же «Институтом», каким была Академия для Франции. Он издал приказ, ответственными за исполнение которого назначил Монжа и Бертолле.

Через 18 часов после того, как приказ вступил в силу, Бонапарт предписывает «гражданам Монжу, Бертолле, Каффарелли, Жоффруа Сент-Илеру, Костазу, членам Национального Института, гражданам Деженетту и Андреосси встретиться в зале Института в семь часов утра для того, чтобы установить основы, на которых будет организован Институт в Каире, и назначить его членов».

Днем создания Института в Египте считается 22 августа 1798 года. Его первыми членами стали:

по отделению математики: Андреосси, Леруа, Бонапарт, Малю, Костаз, Фурье, Нуэ, Жирар, Кусно, Лепэр, Сэй;

по отделению физики: Бертолле, Деженетт, Шампи, Доломье, Конте, Дюбуа, Делиль, Жоффруа Сент-Илер, Декотиль, Савиньи;

по отделению политической экономии: Каффарелли, Сулковский, Глотье, Сюси, Посселгуэ, Тальен;

по отделению литературы и изящных искусств: Денон, Рафаель, Дютертр, Редуте, Норри, Ригель, Парсеваль Гранмезон, Вентур.

Еще пятнадцать членов были выбраны позднее:

генералы Клебер, Дезе, Ренье, Дюгуа;

хирург Ларрей (заменил ушедшего в отставку Дюбуа);

фармацевт Буде;

Бурьенн, секретарь Бонапарта (заменил ушедшего в отставку Сюси);

астроном и консул Бошам;

геометр Корансез (заменил Каффарелли);

археолог Риполь (заменил Вентура, умершего от дизентерии);

архитекторы Лепэр и Протэн;

художник Риго;

инженеры Ланкре (заменил Сэя) и Жакотэн.

В своей торжественной речи Бонапарт снова (как и в Париже) говорил о том, что торжество над невежеством есть величайшее из торжеств, а успехи его оружия суть успехи просвещения.

Президентом Института в Египте был избран 52-летний Гаспар Монж, видный математик,

автор классических учебников, директор Политехнической школы и наиболее опытный сотрудник Бонапарта (он помогал молодому командиру Итальянской армии отбирать произведения искусства в качестве трофеев победителей, и отправлял их в Париж).

22 августа вышло постановление, в котором содержалось 26 статей.

Цели Института были определены так:

- способствовать прогрессу и пропагандировать просвещение в Египте;
- проводить исследования, изучать естественную историю, хозяйство и историю Египта и публиковать результаты работ;
- высказывать мнения по вопросам, вносимым правительством.

Институт состоял из четырех отделений, в каждом из которых было 12 членов. Высшие офицеры армии имели право присутствовать на всех заседаниях Комиссии. 23-я статья постановления предусматривала ежеквартальную публикацию Записок, а 24-я – присуждение двух ежегодных премий (одна за достижения в гуманитарной области, другая – за технические достижения).

Комиссия разместилась во дворце высокопоставленного оттоманского чиновника на юго-западе Каира, недалеко от резиденции Бонапарта.

Дворец был переделан. Заседания проходили в большом зале гарема; в других помещениях находились типография с французским и арабским шрифтами, химическая лаборатория, кабинет физики, библиотека и обсерватория. Дворец был очень уютный; в нем царили, по словам Денона, «исключительная тишина и спокойствие».

Первое заседание Института состоялось 23 августа 1798 года. Председательствовал Монж, заместителем был Бонапарт, обязанности постоянного секретаря исполнял Фурье, который станет «душой Института».

Члены Комиссии были распределены по десяти категориям с учетом их компетентности и получали денежное содержание в размере от 50 до 500 ливров в месяц.

Бонапарт предложил ученым обсудить ряд проблем, разных по значимости, но весьма актуальных: строительство печей для обеспечения армии хлебом, использование местных растений вместо хмеля при изготовлении пива, возможные средства для очистки Нила, постройка ветряных мельниц, способы производства пороха, состояние законодательной системы Египта.

За три года члены Института и Комиссии провели сорок восемь заседаний. Обсуждались вопросы практические и более отвлеченные. Вот их темы: метеорология, единицы времени, культура виноделия, офтальмия (болезнь, вызывающая временную слепоту) и т. д.

Институт привлекал внимание населения: что это за люди, столь серьезные и задумчивые, которые не управляют и не молятся? кто они – колдуны, алхимики?

Постепенно египтяне поняли, с кем имеют дело. Ученые нанимали рабочих, а, выполняя задания, те узнавали много нового из химии и механики.

Заседания Института посещал шейх Аль-Мохди, который вникал в содержание дискуссий, слушая переводчика.

Однажды обсуждали доклад Жоффруа Сент-Илера о рыбах Нила. Шейх попросил слова и разъяснил ученым, что, согласно учению пророка, Бог сотворил 30 тысяч живых видов существ (10 тысяч на суше и в воздухе и 20 тысяч в водах).

«Кстати говоря, – замечает Наполеон, – это был самый ученый и образованный из всех шейхов, большой книжник».

Сверхъестественная активность Бонапарта, который успевал и воевать, и управлять, и исследовать, и учиться, и советовать, давала мощные импульсы научной деятельности. Он сформулировал двадцать вопросов, на которые академики дали ответы.

Однажды Бонапарт заметил: «Если бы я не стал главнокомандующим, то занялся бы точными науками... И поскольку я всегда был успешен в моих великих начинаниях, я стал бы выдающимся ученым».

В отношениях с академиками Бонапарт был ровен, тактичен и старался держаться в тени.

Позднее он скажет, что дни, проведенные в Египте, был лучшей порой его жизни, идеальной во всех отношениях. Это было время исполнения желаний, военных успехов, научных работ, наслаждения и созерцания.

Он все успевает, все замечает, до всего ему есть дело. Встретив Шатобриана несколько лет спустя, первый консул вдруг заговорит с ним о Египте: «Меня всегда поражало, что шейхи падают на колени среди пустыни, лицом к Востоку и утыкаются лбом в песок. Что это за неведомая святыня на Востоке, которой они поклоняются?»

Вопрос звучит риторически, Бонапарт не ждет ответа, а переключается на другое: «Христианство? Идеологи, кажется, предлагают видеть в нем просто-напросто астрономическую систему? Пусть это даже оказалось бы правдой, разве я поверю, что христианство ничтожно? Если христианство есть аллегория движения сфер, геометрия светил, то, как бы ни старались вольнодумцы, они против воли оставляют «гадине» (то есть церкви, по Вольтеру) еще довольно величия».

Идеологи – это не только философ-путешественник Вольней, посетивший исламский мир в 1783–1785 годах, просветитель Кондильяк и его последователь Дестют де Траси, но и ученые, члены экспедиции, а «христианство ничтожно», «геометрия светил», «как бы ни старались вольнодумцы» – отголоски дискуссий на борту флагманского корабля «Орион» на пути в Африку.

Однако грезы рассеиваются, и поэт становится практиком. Ученые должны помогать армии: следует фильтровать нильскую воду, строить ветряные мельницы, найти сырье для изготовления пороха.

Академики и военные вовсе не представляли собой двух непересекающихся множеств. Талантливые офицеры стали членами Института, а знания и навыки ученых использовались для войны.

По предложению Наполеона «глава воздухоплателей» Конте создал в Каире специальные механические мастерские, которые обслуживали армию. Что же касается боеприпасов, то «их мы имеем много; а если потребуется, Шампи и Конте изготовят новые». Тот же Конте построил новые гидравлические машины для очищения селитры. Совершенствовались технологии выпечки хлеба, из него делали водку.

Порой Бонапарт забывался. Однажды он накричал на Бертолле, но гордый ученый спокойно возразил: «Друг мой, вы сердитесь, значит, вы неправы». Главнокомандующий взрывается: «Вижу, вы все тут против меня. Химия – кухня медицины, а медицина – наука для вероломных убийц». Ему возражают: «А как вы, гражданин генерал, определите, что такое искусство завоевателей?»

Человеческие отношения складывались не бесконфликтно. Ощущались разногласия между знаменитыми учеными, находящимися под покровительством высших военных чинов и самого Бонапарта, и молодыми энтузиастами, которым приходилось самим заботиться о крове и питании. Многие военные пренебрежительно относились к «нестроевым», воспринимая их как обузу.

Бонапарт пресекал «разговорчики».

Незадачливый Луи

Французский король Людовик Девятый, позднее канонизированный Римской католической Церковью, отправился в крестовый поход в Землю обетованную.

Он решил начать его с покорения Египта и появился перед Дамьеттой (современный Думьят) 5 июня 1249 года.

На следующий день он высадился на берег. Арабы (сарацины) ушли из города, Людовик его занял и решил дать армии отдых.

С июня по декабрь, то есть в течение шести месяцев, он не тронулся с места и все время молился за успех предприятия.

Наконец, он возобновил операции, пошел в направлении Каира, и скоро стоял на берегу Ашмунского полноводного канала (в прошлом один из рукавов Нила), где провел еще два месяца.

Когда голубь доставил в Дамьетту весть о высадке французов, все пришли в великое замешательство. Казалось, что нет никакой возможности сопротивления. Мусульмане рыдали. Каждую минуту ожидали вестей о прибытии французов к Мансуре и Каиру.

Но время шло, враг не являлся. Восьми месяцев вполне хватило на то, чтобы вызвать подмогу – из Верхнего Египта, Аравии и Сирии.

12 февраля 1250 года, когда уровень воды понизился, Людовик, распаленный своим братом, графом Артуа, переправился через канал и дал битву. Это произошло спустя восемь месяцев после высадки.

Граф захватывает Мансуру, но войнство Христово попадает в тиски между руслом Нила и его каналами. Вот что значит воевать на незнакомой местности!

Между тем, сарацины занимают удобную позицию на обоих берегах реки-кормилицы.

Как перепрыгнуть через пороги? Враг умножает число рукопашных столкновений, в которых армия короля неумолимо тает.

Гибнет храбрый Артуа, сарацины заходят в тыл главных сил французов. Рыцари, осыпаемые стрелами, камнями и грязью, из последних сил удерживают мост.

И здесь граф Суассон находит силы для того, чтобы пофилософствовать. В час гибели он говорит рыцарю Жуанвилю: «Сенешаль, пусть лают и скалят зубы эти собаки. Клянусь престолом Всевышнего, об этом дне мы дома еще будем рассказывать своим дамам».

Людовик отчаянно атаковал лагерь сарацинов и захватил его, но не смог удержать позиций, был разбит, а затем пленен.

В отличие от него, Наполеон покорил Верхний Египет за три недели – потому, что не медлил, а маршировал и сражался.

Людовик не дошел до Святой земли, как и Бонапарт – до Индии.

Но кто из солдат победоносного генерала мог бы поверить в то, что великолепная Восточная армия капитулирует?

Англия ждет

В те дни, когда Бонапарт сражался в Италии, английский флот, ведомый сэром Джоном Джервисом, сошелся в неравном поединке с испанским, утопил четыре корабля и взял множество пленных.

Дело было у мыса Сент-Винсент. Сэр Джон получил титул лорда Сент-Винсента, а коммодор Горацио Нельсон, смело атаковавший 18 вражеских кораблей и взявший на абордаж два из них (англичане имели 15 линейных против 38 линейных и фрегатов), стал контр-адмиралом и кавалером ордена Бани.

Богатое воображение Бонапарта, очевидно, помогло ему правильно оценить вероятный исход предприятия, связанного с «прыжком» через Ла-Манш. Похожие картины возникали перед его взором все время средиземноморского плавания.

Лишь только британское правительство узнало о выходе эскадры из тулонского порта, как оно немедленно приказало догнать французскую флотилию. Угроза нешуточная – скученная масса кораблей, ведомых адмиралом Брюэйсом, могла быть уничтожена на марше.

Нельсон устремился в погоню, но французам везло. 21 мая разыгралась буря, флагман Нельсона «Вэнгард» был поврежден (с него сорвало мачту), а корабли эскадры разбросаны на большом пространстве. Сорокалетний контр-адмирал был вынужден вернуться в Гибралтар. 7 июня он получил желанное подкрепление и теперь имел четырнадцать кораблей.

Наполеон и Нельсон. Два великих воителя – один на суше, другой на море. Быстрота и натиск – правило обоих. Но в этот раз целеустремленность повредила английскому морскому льву, в то время как Наполеон против обыкновения не спешил и провел на Мальте целую неделю (с 9 по 16 июня).

Не имея на Средиземноморье ни баз, ни нужного числа кораблей-разведчиков, Нельсон направился в Египет кратчайшим путем и примчался к Александрии на двое суток раньше Бонапарта.

Порт был пуст. Нельсон вернулся на Сицилию, пополнил свои запасы и вновь устремился к Александрии в последней надежде найти французов. Его донесения Сент-Винсенту, главнокомандующему Средиземноморским флотом, в июне и в июле 1798 года не содержат ни одного конкретного указания на то, что он знает положение вражеских кораблей.

И вдруг он их увидел!

Это произошло 1-го августа, в пять часов вечера, у мыса Абукир, в двадцати милях к востоку от Александрии.

Они попались!

Многие французские моряки были на берегу. До заката солнца оставался лишь час, и можно ли было поверить в то, что Нельсон будет атаковать? Ведь французская позиция сильна, а на ближайшем острове стоит огневая батарея.

Брюэйс, Вильнев, Декре и Гантом проводят оперативное совещание. Трое последних высказываются за решение начальника принять бой с опущенными якорями.

Брюэйс дает сигнал боевой тревоги. Свистать всех наверх! Шлюпкам, находившимся в Александрии, Розетте и на берегу, вернуться на свои корабли! Экипажам транспортных судов явиться на линейные корабли по суше для усиления экипажей! Боевая готовность по всему флоту!

Поздно! Решительный Нельсон, приблизившийся с удивительной быстротой, бросает свои двенадцать линейных и маленький корвет против семнадцати французских судов (13 линейных и 4 фрегатов). Половина его кораблей пущена между французской линией и берегом, другая половина атакует с моря. (В восемь вечера подоспели еще два английских корабля – герой начал сражение, не дожидаясь их!)

Позднее Наполеон скажет, что тактика Нельсона в этом бою не может считаться образцовой. Но ведь и сам он будет так же атаковать при Йене и Эйлау: корпуса на марше, но главные силы втянуты в сражение, исход которого определяется именно превосходством в тактике!

Роковые пять пополудни. Абукир, «вечернее Маренго» и Фридланд начинались именно в этот час.

Французские линейные «Герье», «Конкеран», «Спартиат» выведены из строя. Великолепный 120-пушечный флагман «Орион», так полюбившийся Бонапарту, расположенный в центре линии, наносит повреждения «Беллерофону», а английский «Маджестик» получает жестокие удары от 80-пушечного «Тоннана».

Последние успехи французов! Зажатые с двух сторон, они гибнут. Якоря кораблей Брюэйса были брошены на мелководье, английский «Галлоден» сел на мель, но капитаны других судов обходят опасные места.

Солнце скрывается за горизонт, бой продолжается при свете горящих парусных судов, и это корабли с флагами Французской Республики. «Орион» зажат между «Александром» и «Свифтшуром» и, полуразрушенный, пылает.

Брюэйс, раненный в голову и руку, пытается остановить кровотечение носовым платком, отказываясь спуститься в перевязочный пункт, и получает еще одно пушечное ядро. Понимая, что это конец, он приказывает нести его наверх: «Французский адмирал должен умереть на своем капитанском мостике!»

Огонь достигает арсенала, флагман взрывается, оглушительный звук слышен даже в Каире. Свидетели запомнят ужас этого зрелища. На пять минут воцарилась полная тишина. Минуты молчания – с обеих сторон. Часы показывали десять.

Командир флагмана благородный Каза-Бьянка, офицеры Тевенар, Дюпти-Туар погибли со славой. Видя, что пламя пожирает тело корабля, Каза-Бьянка пытался спасти маленького сына и привязал его к плавающей стенге. Мальчик утонул при взрыве. Сам Каза-Бьянка погиб, держа в руке трехцветное знамя Республики.

Бой продолжался до трех утра. В пять часов он возобновился и закончился в три часа дня.

Англия не потеряла ни одного корабля, хотя многие были повреждены. Погибли двести человек, семьсот моряков получили раны. Если позволительно говорить о международном разделении ратного труда между морем и сушей, то они еще раз показали, кто хозяин на водах.

Французы лишились одиннадцати линейных и двух фрегатов. 1 700 убитых и 1 500 раненых.

Вильнев, которому позднее была уготована та же участь при Трафальгаре, покинул воды, обгаренные кровью. Он взял курс на Мальту с четырьмя кораблями (по два линейных и фрегата), уцелевшими в этом кошмаре.

Нельсон послал сообщение в Бомбей о «славной битве в устье Нила» и «великой победе».

Веллингтон активизировался и подавил сопротивление индийских сторонников Франции.

Неаполь встречал Нельсона-триумфатора, а последствия для французов были ужасными. Через месяц после катастрофы османы объявили войну Франции. Восстала Мальта. Готовилась новая коалиция в Европе.

Лишенный поддержки флота и обещанных людских пополнений из Франции, Бонапарт был обречен.

Часть вторая Миражи

Начало египтологии

Среди участников экспедиции был человек, имя которого стало нарицательным. По крайней мере, мы не раз встретим упоминания о «баррасах, тальенах».

Неужели это он, тот самый Жан Ламбер Тальен, журналист, политик и муж Терезы, «богородицы Термидора»? Да, и в его жизни, оказывается, был не один такой месяц!

Вот что он пишет «гражданину Баррасу» из Розетты, что недалеко от Абукира, 17 термидора VI года Республики:

«В последнем письме моем из Александрии я говорил тебе, любезный Директор, только об успехах Республиканского оружия; ныне обязанность моя гораздо тягостнее. Директория, конечно, уже извещена о несчастной развязке битвы, которую наша эскадра имела 15 числа сего месяца с Английским флотом.

Несколько часов мы имели надежду остаться победителями; но когда корабль «Восточный» взлетел на воздух, то беспорядок распространился в нашей эскадре. По сознанию самих англичан, все наши корабли хорошо дрались; многие неприятельские суда лишились мачт, но наша эскадра почти совершенно уничтожена. Ты довольно хорошо меня знаешь для того, чтобы быть уверенным в том, что я не буду отголоском клеветы, которая спешит собрать самые нелепые слухи; я наблюдаю и удерживаюсь еще от произнесения решительного заключения.

Все здесь в ужасном унынии, я завтра еду с этим известием в Каир к Бонапарте. Оно тем более его огорчит, чем менее ему бы следовало ожидать оно: он, конечно, приищет средства, чтобы исправить столь великую потерю. По крайней мере, для предупреждения, чтобы сие бедствие не сделалось пагубным для армии, им предводительствуемой.

Что касается до меня, то это несчастное событие возвратило мне всю мою твердость. Я почувствовал, что в эту минуту должно соединить все усилия, дабы восторжествовать над всеми препонами, которые противопоставят нам судьба и недоброжелательство.

Да не произведет сия ужасная весть пагубных последствий во Франции. Касательно себя я очень беспокоюсь; но возлагаю надежду на Республику, которая всегда столь хорошо нам служила.

Прощай, любезный Баррас; я напишу к тебе из Каира, где надеюсь быть через четыре дня».

Когда армия узнала о гибели эскадры при Абукире, Бонапарт обратился к офицерам и солдатам: «Ну что ж, теперь мы вынуждены совершать великие подвиги, и мы их совершим, основать великую империю – и она будет нами основана. Моря, на которых мы более не господствуем, отделяют нас от родины; но никакие моря не отделяют нас ни от Африки, ни от Азии. Нас много, у нас не будет недостатка в людях для пополнения рядов».

Мы здесь надолго. Возможно, навсегда. У нас много времени, мы можем спокойно обдумывать свои предприятия, заниматься управлением и науками.

Ученые приступили к делу. Читая отчеты и протоколы их собраний, мы видим, сколь широкой и многогранной была деятельность Института. Ученые исследовали геологию, флору и фауну, минералы, физику и географию Египта. Академики много ездили по стране, изучая ее историю, демографию и занимались проблемами здоровья нации.

Бонапарт предложил издать календарь, «который бы заключал разделение времени по французскому и по египетскому способу». Изучив восточное летоисчисление, «астроном и

консул» Бошам вскоре представил такой календарь.

Бошам и Нуэ пошли дальше и издали альманах, включавший пять календарей: Французской Республики и церквей (римской, греческой, коптской и мусульманской).

Комиссия по изучению современного состояния Египта была разделена на десять подкомиссий, которые, вооружившись вопросниками и таблицами, объезжали провинции и систематически фиксировали сведения, касавшиеся топонимии, демографии, культуры, коммерции, промышленности, зоологии, изучали состояние путей сообщения, качество воздуха и воды и т. д.

Восстанавливалась оросительная система, строились новые мельницы, что способствовало развитию сельского хозяйства.

Были открыты грандиозные научные программы: широкомасштабное изучение нильских рыб и минералов Красного моря, растений дельты Нила. Савиньи обосновал новый вариант систематического описания ракообразных и насекомых.

Химики анализировали состав песков пустыни, разрабатывали натриевые озера и нильский ил.

Изучение собранных образцов и работа по их классификации приносили плоды. В Египте были сделаны важные открытия, сформулированы интересные гипотезы.

Гаспар Монж дал объяснение эффекту миражей, и это стало важной вехой в истории науки. Сами египтяне верили, что мираж – призрак страны, которой больше нет на свете.

А вот впечатления Монжа:

«Когда поверхность земли сильно накалена солнцем и только-только начинает остывать перед началом сумерек, знакомая местность больше не простирается до горизонта, как днем, а переходит, как кажется, в одном лье в одно сплошное наводнение.

Деревни, расположенные дальше, выглядят словно острова среди погибшего озера. Под каждой деревней ее опрокинутое изображение, только оно не резкое, мелких деталей не видно, как отражение в воде, колеблемое ветром. Если станешь приближаться к деревне, которая кажется окруженной наводнением, берег мнимой воды все удаляется, водный рукав, отделявший нас от деревни, постепенно суживается, пока не исчезнет совсем, а озеро теперь начинается за этой деревней, отражая в себе селения, расположенные дальше».

Монж объяснил это удивительное явление, опираясь на законы преломления и отражения света.

Тем зеркалом, в котором ученые и солдаты видели отражение холмов и деревень, был последний, расположенный у самой земли, наиболее сильно прогретый (при отсутствии ветра) слой воздуха.

Температура воздуха резко падает по мере удаления от земли. У самой ее поверхности воздух преломляет свет слабее, чем на высоте.

Люди всегда думали, что свет распространяется прямолинейно. Однако это случается не всегда, а только тогда, когда показатель преломления среды постоянен во всех направлениях.

«Чудеса» происходят потому, что в оптически неоднородной атмосфере лучи света искривляются, как бы заглядывают за горизонт.

Бертолле исследовал свойства каустической соды, которую древние египтяне использовали при мумификации (гипотезу выдвинул вездесущий Монж).

Этьен Жоффруа Сент-Илер исследовал местную фауну. С самого начала своей научной деятельности он был уверен в единстве строения животных. Ведь до занятий зоологией он изучал физику, то есть науку, уже в те времена нашедшую в разнообразных природных явлениях некие единые принципы. В 1796 году в одной из первых своих работ ученый писал: «...природа замкнулась в определенных рамках и создала все живые существа по единому плану, одинаковому в принципе, но который она варьировала на тысячу ладов во всех его деталях».

В более поздних работах (в 1806–1807 годах) он доказал общность строения рыб, рептилий, птиц и млекопитающих, что позволило объединить их в один тип позвоночных. Изучая главным образом скелет, ученый сопоставил даже столь непохожих друг на друга животных, как рыбы и

млекопитающие. Именно он обнаружил, что три слуховые косточки в черепе млекопитающих – это видоизмененные жаберные дуги рыб.

Это соответствие, называемое гомологическим, он нашел, систематически изучая разные виды животных, в том числе нильские рыбы.

Экономисты помогали военным организовать управление, вести финансовые дела. Бертолле и Манюэль руководили работой по переделу собственности и модернизации налоговой системы.

Бонапарт покровительствовал торговле. «Новая таможня, – писал Бертье, – которой пошлина была не столь тягостна, как была до него, заменила бывшую до его прихода. Он принял меры обеспечения и охранения транспорта из Суэца в Каир и Бельбей; наконец, старался всеми средствами возратить Суэцу его древний блеск».

Живописец Редуте рисовал африканскую флору и фауну, а Мишель Риго писал портреты шейхов, членов Большого Дивана в Каире, – солидных бородатых мужей (некоторые из них считались потомками пророка Магомета).

Архитекторы и археологи восхищались строительным искусством арабов и созданиями эпохи Птолемея – великолепными храмами в Дендере, Идфу, Амбосе, Филэ. В Каире они видели уникальные мечети, бани, покрытые арабесками здания времен халифов. Все постройки были богато украшены резьбой по дереву, изразцами, мозаикой.

В Нижнем Египте сырость сменяется сухостью, что разрушает камни. Потому в Танисе, Пелузии и Саисе не осталось ни одной целой постройки древних времен, но лишь холмы мусора. В Среднем и Верхнем Египте, напротив, всегда сухо, и здесь находится множество хорошо сохранившихся памятников древности.

Порой находки делались случайно. Однажды Бонапарт, находясь среди развалин Пелузия, приподнял ногой несколько камней и вдруг увидел прекрасную вещицу. То была камея императора Августа, высоко оцененная учеными. Сначала он отдал было ее генералу Андреосси, но потом взял назад и позднее подарил Жозефине. А офицер Сулковский нашел на берегу Нила бюст богини Изиды.

Генерал Андреосси получил приказ обследовать селитряные озера, куда вслед за ним направился Бертолле. Залежи селитры имели промышленное значение.

Ученые сделали подробные замеры пирамид Гизы, больших и малых.

«Бертолле и Монж были главами всех этих работ, всех этих предприятий; они всегда находились там, где образовались полезные сведения, где делались важные открытия», – отмечает Бертье в своих «Записках».

Главный хирург экспедиции великий гуманист Доминик Ларрей, человек-легенда наполеоновской армии, и доктор Деженетт вместе с другими медиками организовали госпитали в Александрии, Розетте, Дамьетте, Каире и исследовали причины чумы и страшной трахомы, от которой слепла половина населения Египта.

Многие солдаты и ученые страдают от этой болезни. Заметно ослабнет зрение у молодого Даву, будущего маршала.

Одного Наполеона ничто не берет. Когда он вернется в Париж, один журналист напишет: «Бонапарт оказался, пожалуй, единственным сохранившим здоровье офицером Египетской армии. На вид хрупкого телосложения, он наделен исключительной физической и моральной силой».

«О Наполеоне говорили, что он человек из гранита, и это прежде всего относится к его телу. Чего только он не вынес, чего не способен вынести! – восхищался Гете, чей «Вертер» находился среди книг библиотеки египетской экспедиции, в разговоре с Эккерманом. – От раскаленных песков Сирийской пустыни до заснеженных полей Москвы, а между тем и этим – какое великое множество маршей, битв и ночных биваков! Сколько тягот и жестоких лишений выпало ему на долю! Ночи почти без сна, скудная пища, и при этом непрерывная работа ума».

В бытность свою в Каире Наполеон занимался и статистикой. Глава «Описания Египта» в книге его воспоминаний дает превосходный материал о стране, ее экономике, географии и населении.

Типография печатала не только прокламации, но также словарь и грамматику. Институт издавал две газеты на французском языке: «Египетская декада» и «Курьер Египта».

Жан Ламбер Тальен писал на страницах «Египетской декады: «Мы более не живем в то время, когда единственным делом завоевателей было разрушение, где жадность была главным мотивом, а опустошение, насилие и нетерпимость сопровождали каждый их шаг. Сегодня французы уважают не только законы и обычаи страны, но и предрассудки тех, чью территорию они занимают».

А в это время креолка...

Жозефина отправилась на воды в Пломбьер.

Она не теряла надежды родить ребенка, и лечение у источника Капуцинов должно было помочь этому.

Но вышло иначе: по зову подруги она выбежала на ветхий балкон, и тот, не выдержав веса четырех тел, рухнул.

Падение с небольшой высоты травмировало жену африканского героя, и опытный доктор ставит пиявки и накладывает компрессы «на те части тела, которыми она ударилась о мостовую, и которые были особенно сильношиблены».

Лечилась она долго, после чего вернулась в Париж и возобновила светскую жизнь, встречаясь с известными литераторами. Посетил ее и знаменитый «оракул» Вольней, и она ловила каждое его слово. Мудрец, одно время живший на Среднем Востоке, говорил по-арабски и любил «священнодействовать».

Бонапарт ведет свои полки по пустыне, управляет огромными территориями, не имеет отдыха и покоя.

«И все-таки, в его голове оставалось достаточно места для Жозефины. Он вспоминал о ней ежедневно» (Бурьенн).

А в Мальмезоне, купленном Жозефиной в апреле 1799 года (она внесла небольшой аванс), поселились двое: новая владелица замка и какой-то молодой импозантный мужчина. Он маленького роста, плотно сбитый, очень живой и разговорчивый.

Кто он ей – младший брат? Соседи не знают, что Евгений, единственный сын милой креолки, находится на другом континенте, а брата у нее нет.

Красавец в черном или голубом фраке гуляет с хозяйкой имения в парке при луне, та – в белом платье и вуале – опирается на его руку.

Они проводят вместе дни напролет, их видят и за завтраком.

Да это все тот же Ипполит Шарль, пайщик общества торговли съестными припасами! И в Париже об этом хорошо осведомлены. Гойе, Президент Директории, женатый на своей кухарке, учит жизни:

– Вы скажете, что вы с господином Шарлем питаете друг к другу только дружбу, но если эта дружба настолько исключительна, что побуждает преступать светские условности, я посоветую вам то же, что посоветовал бы, будь здесь замешана любовь: разойдитесь, потому что дружба, так мало считающаяся с прочими чувствами, станет для вас всем. И поверьте, принесет вам только горе.

Она продолжает «советоваться» и с Баррасом: «С тех пор, как я живу в деревне, – пишет она ему, – я настолько одинока, что большой свет страшит меня. К тому же я так несчастна, что не хочу быть предметом сострадания для ближних. Хотя вы, дорогой Баррас, и любите своих друзей, даже когда они в несчастье, я приеду к вам только ради вас и только в отсутствие посторонних. Поэтому будьте добры сообщить мне, когда сможете пригласить меня к завтраку. Я нарочно приеду из Мальмезона и окажусь у вас в девять утра. Мне необходимо побеседовать и посоветоваться с вами. Вы не можете отказать в этом жене Бонапарта и вашему верному другу».

И все-таки не хочется, чтобы следующий диалог был исторической правдой.

Присутствуют Жозефина, Баррас и врач Дюфурк, помогавший вернуть сознание рухнувшей в обморок женщине (она только что узнала о гибели мужа).

Жозефина: Но скажите, Баррас, это правда, что Бонапарт убит?

Баррас: Думаю, да. Сообщил человек, которому нет смысла лгать.

Жозефина: Ух, я воскресла. Друг мой, если это правда, я уже не буду такой несчастной... Это был человек, любящий только себя. Черствый эгоист, самый жестокий на земле и во все

времена. Он не считался ни с чем, кроме своего интереса, своей амбиции... Однако действительно ли он мертв?

Баррас: Я так полагаю.

Жозефина: Ну, одним злым человеком меньше. Вы не можете себе представить, что это за человек. Он полон злобных замыслов. Придумывает ловушки то одним, то другим. Ему надо всех мучить.

Так говорила женщина, недавно побывавшая «королевой Момбелло».

Друзья плохие и хорошие

«... я увидел Бонапарта и Жюно, ходивших взад и вперед, как это часто случалось... Всегда бледное лицо генерала было еще бледнее обыкновенного, хотя я и не мог угадать причины этого. По его лицу пробегала нервная судорога, глаза его блуждали, и он несколько раз ударил себя рукой по лбу. Поговорив с Жюно с четверть часа, он оставил его и подошел ко мне. Никогда я не видел его таким недовольным, таким озабоченным...

– У вас нет ко мне ни малейшего чувства преданности, – строгим, резким тоном обратился он ко мне. – Женщины!... Жозефина!... Если бы вы чувствовали преданность ко мне, то вы сообщили бы мне все то, что я узнал от Жюно. Он, по крайней мере, мне друг... Жозефина!... А я в 600 милях расстояния от нее!... вы должны были мне сказать... Жозефина!... Она, она могла меня обмануть!... Она!... Ну, берегитесь! Я уничтожу весь этот выводок молокососов и франтов... А с ней я разведусь! Да, разведусь!... Устрою публичный, скандальный развод! Я сейчас же напишу Жозефу... Я знаю теперь все!»

Так писал «желчный Бурьенн» в своих мемуарах, и в данном случае атмосфера передана им психологически достоверно.

«Ты же понимаешь, мамочка, – сокрушался милый Евгений, – что я не верю всему этому, но факт тот, что генерал очень переживает. Но ко мне он стал еще добрее. Поведение его, по-видимому, отражает мысль, что дети не отвечают за родителей. Я же уверен, что все это выдумали твои враги. Он по-прежнему любит тебя и все так же мечтает тебя обнять. Надеюсь, что когда ты приедешь, все это позабудется».

Увы, никто уже не вспоминает о странных планах отправить Жозефину за море.

Позднее Бонапарт пошлет старшему брату документы на развод, но тот их не получит. Вновь вмешался случай – единственный, по-Наполеону, повелитель Вселенной!

«Мне тягостно общение с людьми. Мне нужно побыть одному, в изоляции. Почести мне надоели. Чувства зачерствели. Слава потеряла прелесть. В двадцать девять лет я иссяк, остается стать закоренелым эгоистом».

Эти ужасные признания мы находим в письме Наполеона Жозефу. Теперь он, окончательно разочаровавшийся в Жозефине, найдет утешение в объятиях другой женщины, которой не исполнилось и двадцати лет.

Он, отвергавший ослепительных миланских красавиц ради грациозной креолки, дарившей ему неизъяснимое чувственное и эстетическое наслаждение, отныне не боится пасть и потерять облик.

Восточные женщины, предложенные ему, не подходят ввиду ужасных манер, излишней полноты и специфических запахов, источаемых их телами.

Среди тех, кто нарушил строгие запреты и проник на корабли эскадры Брюэйса, была прелестнейшая Полина Фуре.

Она родом из Каркассона, что в Южной Франции. Отец неизвестен (некоторые авторы называют часового мастера Анри-Жака-Клементя Беллиля), мать – кухарка Маргарита Барандон. Маргарита-Полина (таково полное имя красавицы) была незаконнорожденной.

И это та женщина, на которую польстился Бонапарт после вдовы Александра Богарне, аристократа, короткое время стоявшего во главе Учредительного собрания Франции!

Полина имела веселый, живой нрав и любила петь. Ее прозвали Беллилот (уменьшительное имя от Беллиль). Племянник хозяйки-портнихи, к которой очаровательная хохотушка поступила в обучение, влюбился в нее без памяти.

Лейтенант Фуре немедленно женился на блондинке с бархатистыми голубыми глазами,

роскошными волосами и длинными ресницами.

Счастливым молодожен собрался в Египет, а Полина переделалась в одежду кавалериста-шассера и разделила с мужем все опасности африканской войны, проделав тяжелейший путь по пустыне.

В Каире она играла видную роль: европейских женщин мало, а она среди них королева. Балы, концерты, обеды и ужины в «египетском Тиволи», увеселительном парке офицеров и солдат Восточной армии, где игры, деревянные лошадки, качели, жонглеры, змеезаклинатели, певицы и танцовщицы на любой вкус, – везде нежная Беллилот была на виду. Наконец, ее заметил Бонапарт.

Желание вождя – закон. На следующий день после того, как Бонапарт «положил на нее глаз», Беллилот была приглашена – одна, без мужа – на обед к коменданту Дюнои.

Одетая в прекрасное белое платье из индийского муслина, она сидела рядом с Жюно и была душой офицерского общества.

Когда подавали кофе, как бы мимоходом зашел вечно чем-то занятый Бонапарт. Какой приятный сюрприз! Генерал присел, стал есть апельсин, не сводя глаз с красавицы в белом муслине. Изрядно смутив ее, он поднялся и вышел.

Галантный и остроумный Жюно предложил даме чашечку кофе, и вдруг – о, несчастье! – вылил напиток на белое платье.

Ничего страшного, не стоит беспокоиться! Этажом выше можно найти кувшин с водой и смыть пятно. Беллилот поднимается и находит Бонапарта.

Когда оба спустились вниз, их встретили аплодисментами.

Но лейтенант Фуре был человеком не робкого десятка. И Наполеон решает послать его во Францию. Это – большая честь, лейтенанту предстоит найти двух Бонапартов (Жозефа и Люсьена) и передать им важные депеши.

К тому времени Наполеон уже лишился флота, и отправить «депеши» на небольшом судне «Ле Шассер» могло означать только одно: в руки англичан попадут и послания (на самом деле, не имеющие ценности), и те, кто их повезет.

Командировка лейтенанта Фуре имеет единственную цель – удалить ревнивого мужа. Как, он собирается и жену взять с собой? Это же очень опасно, можно попасть в руки врагов!

Бертье, доверенное лицо и Бонапарта, и Жозефины, объясняет лейтенанту его «задачу» и приводит все «разумные доводы».

И корабль в самом деле попадает в руки англичан, которые, имея агентов в Африке, посчитали самым верным ходом отпустить лейтенанта Фуре, взяв с него обязательство «не воевать с правительством Его Величества».

Когда лейтенант вернулся в Каир, жена была уже «султаншей», жившей в великолепном доме по соседству с дворцом Эльфи-бея. Она предпочтет связь с «великим Кебиром» любви мужа. Последует развод «не по форме» (с помощью военного комиссара).

Более всего от этой связи страдал капитан Евгений Богарне. Ему приходилось сопровождать Бонапарта и Беллилот на прогулках. В конце концов, отчим отправил-таки Евгения в отпуск.

Англичане перехватили и опубликовали письма Наполеона к Жозефине и сына к матери. Вся Европа узнала, что победитель во многих битвах – рогоносец.

И нет ему счастья с Полиной – та, как и первая, не может забеременеть. «Клеопатре», как ее прозвали солдаты (да еще и переименовывали имя – «Клиупатра»), хватает дерзости заявить, что это «не по ее вине»!

Что оставалось герою? Только новые битвы!

Вождь и пророк

Французы упразднили отжившие феодальные учреждения. Они уважали права собственности и религиозные чувства местных жителей. Новая администрация стояла на страже мечетей и оберегала их, по словам Наполеона, «с пристрастием».

Турки и мамелюки в свое время отстранили местных шейхов от дел управления и правосудия. Бонапарт же преподнес почтенным старцам сюрприз: им было передано уголовное и

гражданское судопроизводство, а также спорные административные вопросы. Это быстро подняло авторитет шейхов в народе.

Бонапарт хорошо усвоил уроки «идеологов», в первую очередь Вольнея. Чтобы утвердиться в Египте, говорил тот еще в 1787 году, придется выдержать три войны: первую – против Англии, вторую – против Порты, а третью – наиболее трудную из всех – против мусульман, составляющих население этой страны.

Война с Англией казалась бесконечной, Порта смотрела на разгром мамелюков, как на дело полезное, но что происходило в самом Египте?

«Их (французов) только терпели правоверные, которые, ошеломленные стремительностью событий, уступили силе, но уже оплакивали открыто торжество идолопоклонников, присутствие которых оскверняло священные воды... имамы напыщенно декламировали те стихи Корана, которые наиболее враждебны неверным».

Наполеон трезво оценивал ситуацию и искренне пытался покорить сердца мусульман. Ему вовсе не пришлось идти здесь против совести. Будучи натурой цельной, он не верил в христианскую Троицу, а потому монотеистическая религия пророка пришлась ему по душе.

Практичный гений, он ясно понимал, что одно упоминание имени Христа может безнадежно испортить дело. С него достаточно войн захватнических, чтобы вести еще и религиозные. Ведь Европа потерпела крах в своих усилиях охристианить Египет и Сирию.

Простой вопрос – что делать? Возвращаться на корабли? Если хочешь здесь закрепиться, то остается лишь одно – дружить с «правоверными».

Какая попытка! Ведь нужно было «избежать анафем пророка, не допустить зачисления нас в ряды противников ислама; нужно было убедить, завоевать доверие муфтиев, улемов, шерифов, имамов, чтобы они истолковали Коран в пользу армии».

Он обращает свой взор на идеологический центр местного мусульманского общества – школу (или университет) мечети Аль-Азхар. Эта школа, основанная Саладином, была гордостью Востока. Шестьдесят докторов богословия или улемов постоянно обсуждали вопросы веры и толковали Коран. Знаменитый университет формировал общественное мнение.

Наполеон пригласил старцев в свой дворец, а затем и приучил их к ежедневным посещениям дома «султана Кебира». Это отнимало у него много времени. Новый правитель всячески льстил мудрецам, и, казалось, сделал их своими союзниками.

«Эта процессия заполняла всю площадь Эзбекия. Они прибывали верхом на мулах с богатой упряжью, в окружении своих слуг и большого числа палочников. Французская стража брала на караул и оказывала им самые большие почести. Когда они входили в залы, адъютанты и переводчики также встречали их с почетом, угощали их шербетом и кофе. Через несколько минут входил главнокомандующий, усаживался на диване рядом с ними и старался внушить им доверие обсуждением Корана, приглашая их разъяснить ему наиболее важные места и выказывая большое восхищение пророком. По выходе из дворца они отправлялись в мечети, где собирался народ. Там они говорили ему обо всех своих надеждах, успокаивали это многочисленное население с его недоверием и дурными намерениями. Они оказывали армии подлинные услуги».

Некоторые офицеры «омусульманиваются». 38-летний генерал Жак Франсуа Мену принимает магометанство под именем Абдаллах Жак и женится на мусульманке, дочери местного цирюльника. Он посещает мечеть в Розетте и не просит для себя никаких привилегий либо послаблений.

Случай выдающийся! Ведь безбожники «Итальянской армии» давно не ходили в церковь. Даже побывав у папского престола в Риме, они ничуть не прониклись духом католицизма. В Египте жили копты-христиане, греки, армяне, здесь стояли храмы, и у желающих была возможность следовать культу. Однако солдаты оставались атеистами.

Это обстоятельство «было замечено проницательным оком улемов, столь ревностно и тревожно относившихся ко всему, что имело отношение к их культуре».

Им это понравилось: «если французы не были мусульманами, то, по крайней мере, было доказано, что они и не идолопоклонники; султан Кебир, несомненно, находился под покровительством пророка. Из тщеславия, свойственного всем людям, шейхи с удовольствием рассказывали о ласковом приеме, который он им оказывал, о почестях, которыми их осыпали, обо всем, что они говорили или воображали, что сказали. Их пристрастие к Наполеону было

очевидным, и одним из догматов веры стало: «Французы никогда не победили бы правоверных, если бы их вождь не пользовался особым покровительством пророка. Армия мамелюков была непобедимой, самой храброй на Востоке; если она не оказала никакого сопротивления, то это потому, что была греховной, несправедливой. Этот великий переворот предсказан в Коране в нескольких местах».

Сам Бонапарт, всецело настроенный на примирение и более всего опасавшийся актов фанатизма, не только громко восхищается пророком, но и выучивает наизусть несколько шур Корана. Политик затрагивает нежные струны арабского патриотизма и пламенно убеждает старцев в том, что Магомет, спустись он сегодня с небес на землю, направился бы не в Мекку (это же не центр мусульманской империи!) и не в светский Константинополь, где неверных больше, чем верующих. Конечно, он предпочел бы священные воды Нила!

Потрясенные мудрецы восклицают: «Тайиб! Тайиб!» – о, это истинно так!

Шейх Аль-Мохди, «самый красноречивый, образованный и молодой», переложил обращения Бонапарта к народу арабскими стихами. Отдельные строфы заучивались мусульманами наизусть.

Но до какой черты мог дойти Бонапарт в этом процессе сближения с местной знатью и мусульманами? Ведь акты обращения солдат и офицеров в ислам не были массовыми, и не могло быть речи о том, чтобы вся армия приняла религию пророка.

Между тем, духовенство продолжало антифранцузские проповеди в мечетях. Бонапарт заявил десяти «наиболее преданным» шейхам: «Нужно положить конец этим беспорядкам; мне нужна фетфа... приказывающая народу принести присягу на верность».

Итак, он решил на то, чтобы потребовать полного и всеобщего повиновения.

Лица шейхов побледнели. Глава улемов Аль-Азхара после продолжительного раздумья заявил: «Вы хотите пользоваться покровительством пророка, он любит вас; вы хотите, чтоб арабы-мусульмане поспешили встать под ваши знамена, вы хотите возродить славу Аравии, вы не идолопоклонник, сделайте мусульманином; 100 000 египтян и 100 000 арабов из Аравии, Медины, Мекки сомкнутся вокруг вас. Под вашим водительством и дисциплинированные на ваш манер, они завоюют Восток, и вы восстановите родину пророка во всей ее славе». «В то же мгновение старческие лица осветила улыбка. Все пали ниц, призывая покровительство небес».

Кульминационный момент. Бонапарт должен был достойно ответить на смелый вызов. Но это не тот случай, когда говорят «да, да», «нет, нет».

Есть над чем призадуматься!

Во-первых, всякий человек должен умереть, не изменив своей религии (этого, естественно, он вслух не произнес).

Во-вторых, есть две сложности на этом пути (и здесь он предложил начать обсуждение): солдаты вовсе не готовы пойти на обрезание, а, кроме того, «приучены к вину с детства, я никогда не смогу убедить их отказаться от него».

Дискуссия приняла характер длительный, основательный и неспешный, чего Бонапарт и добивался.

Первый вопрос удалось разрешить к общему удовлетворению. Правила вовсе не строгие: «обрезание представляет собой дополнение... оно не было введено пророком, а лишь рекомендовалось им... можно поэтому быть мусульманином, не будучи обрезанным».

С алкоголем сложнее: «можно пить вино и быть мусульманином, но это значит жить во грехе без надежды на награду, обещанную избранным».

Тут Бонапарт огорчился. Получается, что лучшие в мире солдаты, победители мамелюков, будут отнесены ко второму разряду?

Тогда дипломатичный Аль-Мохди предложил оставить в фетфе лишь первую часть, вторую же сделать предметом новой дискуссии. Не помешает и проконсультиться у шейхов и шерифов Мекки.

Духовенство и народ живо обсуждали события. Среди слухов был и такой: сам пророк явился султану Кебиру, сказав ему: «Мамелюки правили, следуя только своим капризам; я выдал их тебе. Ты предоставил власть шейхам, улемам; поэтому все тебе удастся. Но нужно завершить то, что ты начал. Признай догматы моей веры и следуй им; это вера самого бога. Арабы ждут только этого сигнала; я дам тебе завоевать всю Азию».

Бонапарту приписывали разные ответы на слова пророка. Он же пустил нужные ему слухи: якобы, новый правитель Египта испросил годичный срок для подготовки своей армии, и Магомет ему этот срок предоставил; он обещал построить большую мечеть; вся его армия станет мусульманской, а великие шейхи Ас-Сада и Аль-Бакри рассматривают его как мусульманина.

Фетфу обнародовали во всех мечетях, как и положено, в пятницу.

В августе и сентябре 1798 года «султан Кебир» проводит три массовых праздника: фестиваль Пророка (в годовщину со дня рождения Магомета), фестиваль Нила (церемония прорыва дамбы канала Повелителя Правоверных) и фестиваль Республики.

Запл полевых батарей и ста пушек, установленных в цитадели Гизы и на судах речной флотилии, сопровождал весть о прибытии пророка в Медину – начало хиджры.

Мечети, дворцы и базары были разукрашены ярко и разнообразно. Устраивались фейерверки.

Паводок Нила в 1798 году был сильнее, чем в предыдущие годы. Город был иллюминирован цветными площадками, празднество продолжалось всю ночь и следующие восемь ночей. Площади Каира стали озерами, улицы – каналами, сады – затопленными лугами, над которыми высились пальмы. Потрясающее зрелище – совсем не то, что было во время памятного пустынного броска на Каир!

Армия марширует в парадных мундирах, духовые оркестры играют серенады, для знати сервируются роскошные обеды, генеральный казначей Эстев разбрасывает бедноте значительные суммы в мелкой монете. Народ ликует.

В день Республики Бонапарт коротко и энергично обратился к армии, а Конте запустил воздушный шар со стихами на турецком, арабском и французском языках, который не произвел на мусульман особого впечатления. Правда, говорили, что вождь именно так общается с пророком.

«Султан Кебир искренне подчинился всем формальностям, которых требовал обычай от правителя страны».

Все ли правильно он делал?

Восстание в Каире

Европейцы, настроенные соответствующим образом, мечтали попасть в богатую страну – ведь долина Нила всегда славилась плодородием и щедростью.

«Египет – одна из самых прекрасных и плодородных, а также наиболее интересных стран мира. Это колыбель наук и искусств. Там встречаешь самые большие и самые древние памятники, созданные руками человека. Если бы у нас был ключ к иероглифам, которыми они покрыты, то мы узнали бы неизвестные сейчас вещи относительно первого периода развития общества», – писал Наполеон.

Однако местное население, особенно в деревнях, влачило жалкое существование.

Минералог Доломье отзывался о египтянах так: «У этого народа нет ни любопытства, ни духа соперничества; самое удивительное, на мой взгляд, в образе жизни египтянина – это полная индифферентность ко всему, что не относится к его общественному положению, к его профессии и к его привычкам. Ничто их не удивляет, так как они не обращают никакого внимания на то, чего они не знают».

Бонапарт публиковал многочисленные воззвания на арабском языке. Ученые изучали этот язык еще до экспедиции, а многие из них осваивали диалекты. Печатник Марсель и «глава воздухоплавателей» Конте охотно нанимали рабочих из числа местных.

На протяжении веков европейцы были редкими гостями в тех краях. И вдруг туземцы видят чужих солдат, свободно разгуливающих по улицам древних городов. Правоверные мусульмане были шокированы и тем, что их женщины разговаривают с пришельцами и иноверцами.

Жена генерала Мену продолжала после свадьбы посещать общественные бани в Розетте. Женщины любопытствовали, как она живет. Она говорила им о деликатности и заботливости мужа, о том, что за столом ей подают первой, причем лучшие куски, что для перехода из одного помещения в другое предлагают руку, что муж вежлив и обходителен, старается исполнить все ее желания. Эффект этих речей был столь ошеломляющим, что женщины Розетты направили

«султану Кебиру» петицию с просьбой приказать местным мужчинам обходиться с ними по обычаю французов.

Благие намерения зачастую истолковывались превратно. Например, в целях общественной безопасности были разрушены ворота в кварталах, а улицы города освещались всю ночь. Новые власти потребовали собирать и сортировать хозяйственные отходы, проветривать постельное белье, подметать и поливать улицы. Все это расшатывало привычные устои жизни.

Снос ворот Бонапарт приурочил к открытию заседаний Большого Дивана, органа местного самоуправления, посчитав это удобным предложением. Однако некоторые владельцы недвижимости и «злонамеренные лица» стали протестовать против новшеств: «Зачем менять то, что было всегда?»

На созыв Большого Дивана, куда Бонапарт включил главных шейхов мечети Аль-Азхар, купцов, представителей провинциальной администрации и деревенских шейхов, тоже смотрели по-разному. Одни видели в этом знак согласия, а иные рассуждали так: «Новый владыка собрал знатных людей. Не собирается ли он взять их в заложники?»

Высшие классы египетского общества были более восприимчивы к переменам. Их представители по достоинству оценили французскую кухню. Некоторые посещали дни открытых дверей в Институте и участвовали в публичных научных экспериментах. Самые любопытные приобщились к газетам.

Но эти открытые новшества аристократы попрятались в гаремах, когда в октябре жители Каира подняли мятеж. Он был спровоцирован фортификационными работами, в ходе которых были разрушены могилы мусульман, их дома и мечеть, и постоянными угрозами городского коменданта генерала Дюпюи, уроженца Гаскони (он не церемонился с местными и хотел применить к ним телесные наказания). К тому же египтяне боялись, что пушки, установленные для обороны города, будут повернуты против них. Вдобавок ко всему, французы разоружили местное население.

Восстание имело и экономические причины – потеряв связи с Францией, Бонапарт был вынужден значительно увеличить налоги – для того, чтобы управлять, строить, выплачивать жалование воинам, служащим, ученым и т. д. Фуражиры забирали у населения лошадей и продовольствие. Сборщики налогов из числа коптов получили привилегии и право носить оружие. «Великий Кебир» установил награду в 600 ливров для лиц, которые укажут дом или склад, где хранится «значительное количество» подлежащих конфискации товаров.

Вот как он мыслил покорить туземцев: «Подчинение арабов имеет большое значение для процветания Египта. Это предварительное условие всякого прогресса. Чтобы подчинить арабов, необходимо: 1) занять оазисы и колодцы; 2) организовать полки верблюжьей кавалерии, приучить их к пребыванию в пустыне в течение целых месяцев, без возвращения в долину; 3) создать большую администрацию и суд для рассмотрения дел, наказания и наблюдения за кочевыми племенами. Основы подобной организации были заложены в 1799 году».

Он считал важным «не зависеть исключительно от туземцев-арабов... Копты, видя, что мамелюки уничтожены, не имели другого выхода, кроме как пойти на службу к французам. В результате этого наша армия имела во всех частях Египта шпионов, наблюдателей и контролеров, независимых и враждебных туземному населению».

Бонапарт «сеял полезные учреждения», создавал департаменты, управлявшиеся французскими начальниками гарнизонов, укреплял форты, строил военные поселения, повышал налоги, планировал изменить систему землевладения и ввести западные законы, одним словом, всячески организовывал местных на европейский манер. Стоит ли удивляться, что он был правильно понят далеко не всеми!

Однако что же, в конечном итоге, вызвало мятеж, во главе которого встали высокие лица, обласканные Бонапартом? чрезвычайный налог? недоразумения, которые можно было уладить?

Главной причиной восстания стала изменившаяся политическая ситуация. Все попытки Бонапарта укрепить отношения с Турцией и договориться с вождями мамелюков потерпели фиаско.

Через несколько дней после битвы у Пирамид он написал Мурад-бею и послал к нему негодяя Розетти – «ловкого человека, друга мамелюков и консула Венеции». Он сделал Мурад-бею те же предложения, что еще раньше направлял Ибрагим-бею («сохранить за ним и

всеми его мамелюками право собственности на все их деревни, а также на их дома, платить им жалованье за счет Республики – беям, как генералам, киашифам, как полковникам, а его лично возвести в сан государя с соответствующими почестями»).

Ибрагим-бей поначалу заинтересовался предложениями Бонапарта, но через неделю после Абукирской катастрофы прислал отказ: «уничтожение эскадры изменило положение вещей; не имея более возможности получать подкрепления, будучи со всех сторон окружены врагами, французы кончат тем, что будут побеждены».

Мурад-бею Бонапарт предложил еще больше: в дополнение к тому, от чего отказался Ибрагим, – «пост губернатора одной из провинций Верхнего Египта – до того времени, когда удастся облечь его суверенной властью в Сирии».

Мурад-бей принял это предложение и заявил, что «полагается во всем на великодушие французского полководца, нацию которого он знает и уважает; что сам он удалится в Исну и будет управлять долиной, от «двух гор» до Сиены с титулом эмира; что он считает себя подданным французской нации и предоставит в распоряжение главнокомандующего для использования по его усмотрению отряд в 800 мамелюков; что за ним и его мамелюками будет закреплено владение всеми принадлежащими им деревнями и прочим имуществом, и что он примет предложение относительно предоставления ему территории в Сирии, если главнокомандующий распространит на нее свою власть, но хочет лично договориться по этому вопросу с главнокомандующим, которого горячо желает видеть».

Розетти вез этот обнадеживающий ответ Бонапарту. Однако негоциант надолго задержался в Бени-Суэйфе и перед отъездом из города получил от Мурад-бея новое письмо: «Будучи уведомлен командующим английской крейсерской эскадрой о гибели французского флота в Абукире, он не может принять на себя никаких обязательств; что если бы он подписал таковые, то стал бы их придерживаться; но, оставаясь еще свободным, он решил сам попытать счастья».

Следом Джеззар-паша, наместник султана в Сирии, прислал в Каир документ, содержащий объявление султаном войны Франции. Бонапарт направился на обед к шейху Сада, адресату документа, и, оставшись наедине с ним, потребовал выдачи оригинала послания. Сада сначала отрицал, что знаком с документом, но, запутавшись в противоречиях, отдал бумагу.

Город наполнился слухами. Говорили о высадке «бесчисленной» армии, составленной из османов и сирийских солдат Джеззар-паши. Союзники Бонапарта к нему охладели, многие сделали врагами оккупантов.

Диван стал сомневаться в исходе войны – ведь теперь Франция в одиночку боролась против сил Порты, Англии и России. Разбитый у Пирамид Мурад-бей накапливал силы в Верхнем Египте, а Ибрагим-бей и Джеззар-паша – в Сирии.

Появились партизаны. Жители угоняли и прятали скот, убивали французских курьеров и фуражиров, нападали на небольшие отряды. В Розетте, Александрии, Даманхуре и других местах вспыхнули мятежи. Бонапарт ответил казнями, арестами заложников, обысками, контрибуциями. «Каждый день я приказываю отрубить пять-шесть голов на улицах Каира. До настоящего времени мы должны были щадить их, чтобы уничтожить страх, который нам предшествовал. В настоящее время, напротив, нужно взять тон, который необходим, чтобы этот народ повиновался. А повиноваться для них – значит бояться», – писал он 31 июля.

Арабы решились на мятеж, несмотря на внушительные демонстрации военной силы на праздниках, организованных новой властью. Первая кровь возбудила массы, и шейхи – даже те, кто считал затею безумной, – встали под общие знамена или, по крайней мере, одобрили действия повстанцев. Шейх Сада стал председателем дивана мятежников, куда вошла сотня имамов и людей низших сословий.

Пришлось применить штыки и орудия. Восстание было жестоко подавлено и унесло жизни нескольких членов Комиссии по наукам и искусствам (они были убиты в самом начале мятежа), двадцати офицеров штаба и инженерных войск. Погибли комендант Дюпюи, убитый копьем, любимый адъютант Бонапарта – молодой поляк Сулковский. Триста солдат были убиты либо ранены.

Сулковский выехал из Каира с двумя сотнями кавалеристов, перешел через канал по мостику, атаковал бедуинов, убил несколько повстанцев и преследовал остальных. Действуя умело и решительно, он очистил окрестности города, но был ранен. Под ним пала лошадь, он

рухнул наземь и был пронзен множеством копий.

Многие ученые, заблокированные в разных районах города, спаслись лишь благодаря местной интеллигенции. Хранившиеся в доме генерала Каффарелли ценнейшие научные приборы, инструменты и книги были уничтожены.

Восстание перекинулось и на близлежащие селения, где также было много крови.

«Ежедневно, – писал Бонапарт, – мы рубим по три десятка голов... Это им послужит уроком». Он одобряет действия Бертье: «Вы хорошо сделали, что приказали отрубить головы всем взятым в плен с оружием в руках».

После мятежа Большой Диван (Совет Нации) был распущен, члены «мятежного дивана» расстреляны, а город укреплен. Одна из больших мечетей была превращена в форт, названный в честь храброго офицера и талантливого человека, – академика Юзефа Сулковского. Повысили и меры безопасности ученых: вблизи сада Института соорудили крепость.

Наполеон принял шейхов и сказал им: «Я знаю, что многие из вас проявили слабость, но я хочу верить, что ни один не является преступником; неблагодарность и мятеж – это то, что более всего осуждается пророком... Я не хочу, чтобы хоть один день в Каире не происходило обычного богослужения; мечеть Аль-Азхар была взята штурмом, в ней текла кровь, идите и очистите ее. Все священные книги были взяты моими солдатами, но, действуя в моем духе, они принесли их мне – вот они, я их вам возвращаю. Тех, кого постигла смерть, достаточно для моей мести. Скажите народу Каира, что я хочу продолжать быть милостивым и милосердным. Он был предметом особого покровительства с моей стороны, он знает, как я любил его, пусть же он сам судит о своем поведении. Я прощаю всем, но хорошенько объясните им, что то, что произошло и еще произойдет, давно уже записано, и что никто не в силах остановить меня; это все равно, что захотеть остановить судьбу... Все, что произошло и еще произойдет, записано в книге истины».

Затем «с поздравлениями» явился шейх Сада. Он что-то бессвязно бормотал и бросился целовать руку «султана Кебира».

Это видел грозный Клебер, только что прибывший из Александрии.

– Кто этот старик со смущенным видом, на лице которого написано такое сильное волнение? – спросил «Нестор армии».

– Это вождь восстания, – ответил Бонапарт.

– Как! И вы не прикажете его расстрелять?

– Нет, этот народ слишком чужд нам и нашим обычаям; я предпочитаю, чтоб у него были вожди вроде того, который не может ни сесть на коня, ни действовать саблей, чем видеть во главе его таких людей, как Мурад-бей и Осман-бей. Смерть этого бессильного старца не принесет никакой пользы и будет иметь для нас более губительные последствия, чем вы предполагаете.

Возмущение армии было беспредельным: «Зачем постоянно ласкать этих старых шейхов, этих ханжей?»

Бонапарт проявил мудрость, не реагируя на выпады. Он был и политиком, и рыцарем (хотя Стендаль и Шатобриан позднее назовут его политическое дарование посредственным), а Клебер – в первую очередь рыцарем.

Через полтора года античный герой будет зарезан фанатиком.

По следам древнего канала

Отправляясь в поход, Бонапарт сам определил задачи кампании и написал приказ: разрушить влияние Англии в Египте, прорыть Суэцкий перешеек и «освободить» африканцев от «тирании» мамелюков.

После подавления мятежа наступил мир. Многие были благодарны Бонапарту за великодушные и милость к виновным.

Довольна была и армия. К концу октября жара спала, солдаты отдыхали и наслаждались. Они получали отличный хлеб, рис, кипрские вина, финиковую водку, пиво, мясо, птицу, яйца и овощи. Жалованье выплачивалось регулярно, продукты были дешевыми, а купить товаров можно было вчетверо больше, чем во Франции.

Интендант Дор выдавал офицерам и солдатам кофе «мокко». Генералы и старшие офицеры имели собственные кровати, палатки, верблюдов.

Некоторые жаловались на бездействие, продолжавшееся уже несколько месяцев. Поскольку политические задачи успешно решались, Бонапарт занялся Суэцким каналом. Ведь древние имели же это сообщение между морями!

В конце декабря главнокомандующий выехал из Каира вместе с академиками Монжем и Бертолле, инженерами Лепэром и Костазом. В свите были генералы Бертье, Каффарелли, Доммартен, контр-адмирал Гантом. Группу сопровождали 200 конников и 400 дромадеров. Он хотел побывать на берегах Красного моря и увидеть следы канала.

Бонапарт изучал возможности построения нового канала. Он интересовался этой проблемой еще в школьные годы: в его ученической тетради нашли цитаты из трудов Диодора Сицилийского о древнем канале, который строил египетский фараон Нехо II, а «завершил» персидский царь Дарий.

Сколько рабов сложили головы, пока строили канал? Историки говорят, что не менее ста тысяч. Однако именно *завершенность* вызывает сомнения: канал соединял два моря не напрямую. Корабли проходили его за четыре дня. Он был достаточно широк для того, чтобы две лодки с тремя веслами на каждой из них могли плыть рядом. Предположительно, «канал Дария» проходил восточнее Нила и, как и сегодняшний, построенный в девятнадцатом веке, пересекал озеро. При римлянах он был усовершенствован, но потом обмелел.

К группе военных и исследователей присоединились знатные люди из Каира и купцы, ехавшие в Суэц по делам. Зимнее солнце не было жарким, а арабы-проводники легко ориентировались на местности, не ища следов. Прибыв ночью в Суэц, которого путники достигли за три дня, Бонапарт разместился в палатке, отказавшись от предложенного дома.

Он потратил день на осмотр города, где нашел «прекрасный базар, несколько красивых мечетей, остатки красивых набережных, около тридцати магазинов и дома для населения в 2000–3000 душ», и отдал приказы о сооружении батареи для защиты фарватера и порта.

Затем Бонапарт сел на коня, чтобы посетить «Моисеевы источники» (ключи, бывшие из холмиков), и пробыл в пустыне до поздней ночи. Он видел остатки венецианских складов, следы былого величия.

В девять часов вечера егеря вдруг стали кричать, что они погружаются в воду – начался прилив! К тому же, группа сбилась с пути.

В десять часов «эскадрон стоял в боевом порядке посреди впадины, – лошади по брюхо в воде; ночь была темной, луна должна была взойти только в полночь, на море замечалось легкое волнение, и ветер как будто свежел, продолжался прилив, идти вперед было столь же опасно, как и отходить назад».

– Неужели мы пришли сюда, чтобы погибнуть, как фараон? – воскликнул Бонапарт.

К счастью, солдаты нашли выход: отличились квартирмейстер Луи и бригадир Карбонель. Пережив тяготы и тревоги, путешественники через несколько часов достигли суши, будучи по пояс в воде.

В самый опасный момент Каффарелли, замедлявший движение из-за деревянной ноги, умолял бросить его. Но двое солдат, прекрасных пловцов, вытащили генерала.

«Каффарелли отделался тем, что потерял свою деревянную ногу, – замечает Наполеон, – но это и так случалось с ним каждую неделю. Потери были невелики и ограничились несколькими карабинами и плащами».

Затем монахи горы Синай показали Бонапарту книгу с надписями, сделанными великими мусульманскими вождями Магометом, Саладином и Селимом. «Султан Кебир» рекомендовал этот монастырь отрядам своих армий – ведь так же поступали воины ислама (надпись служила охранной грамотой).

30-го декабря Бонапарт покинул Суэц верхом на лошади – чистокровных арабских скакунов он будет любить всю жизнь – и в сопровождении академиков, генералов и офицеров поехал по берегу Красного моря. Наполеон объехал впадину, а затем достиг трассы древнего канала. Его остатки были хорошо заметны.

Под руководством Жака Лепэра скоро будут начаты подготовительные работы по обследованию и выравниванию уровней грунта на Суэцком перешейке для соединения двух морей. К сожалению, они были приостановлены из-за недостатка воды, постоянных опасностей и неудачи сирийской экспедиции Бонапарта.

В ноябре 1800 года обследования продолжатся. Начав с центра канала, группа ученых разделится на две бригады: одна направится к Средиземному морю, другая на Каир.

Виллье дю Терраж описал все тяготы предприятия: «Работы часто прерывались из-за недостатка воды. Однажды мы подумали, что не сможем завершить проект. Трудности тяжелого климата... вызывали необходимость убыстрять некоторые работы и пропускать замеры, которые мы планировали сделать». «... все хорошие инструменты, которые мы привезли с собой из Парижа, были разрушены во время мятежа в Каире». «Когда мы закончили, то вручили все наши тетради Лепэру, который с помощью своего брата (Гратьена) должен был координировать данные».

Из-за неточностей измерения Лепэр определил различие уровней двух морей почти в десять метров, что оказалось неверным. Канал должен был начинаться севернее Суэца и двигаться по прямой линии, пересечь озеро Тимсах и Горькие озера, и выйти к Средиземному морю. Проект предусматривал возведение многочисленных шлюзов. Лепэр рекомендовал строительство второго канала стоимостью в 30 миллионов франков (для этого понадобились бы 10 000 рабочих и четыре года).

Заключения Лепэра были самым авторитетным мнением по данному вопросу в течение пятидесяти лет. И все наброски, чертежи и зарисовки, сделанные учеными под его руководством, полвека спустя будут в целом подтверждены работами Фердинанда Лессепса.

Бонапарт продолжал свой путь. Наступил новый 1799 год, но герой ни слова не говорит о том, что событие было как-то отмечено.

Ночевали в оазисе, среди рощи. Было холодно, выли шакалы, «голос которых напоминает человеческий».

Солдаты поймали курьера, ехавшего верхом на верблюде. Он вез в Верхний Египет депеши от Ибрагим-бея и Джеззар-паши.

Бонапарт прочел сообщения. На сирийской границе началась война. Войско Джеззар-паши пошло в Египет, его авангард занял оазис Аль-Ариш и укреплял форт.

Мирная передышка закончилась. Перед тем, как самому пойти в Сирию, Бонапарт посмотрел вблизи и замерил великие пирамиды. Он провел в этом районе несколько дней и совершил поездки по пустыне в направлении Малого оазиса.

Правда ли то, что он пробыл в подземелье три дня, но они для него пролетели, словно три часа?

«...то, что он спускался в пирамиды – миф, – говорил Гете. – Он спокойно стоял на свежем воздухе и слушал рассказы тех, кто побывал в подземельях».

В пользу этой версии говорит то, что Наполеон очень подробно описал поездку в сторону канала, но лишь коротко упомянул о посещении пирамид. Он любил рассказывать об интересных случаях, и если бы в самом деле спускался в подземелья, то не преминул бы вставить в повествование хотя бы пару фраз об этом.

Трезвый взгляд немецкого мудреца лишает нас занимательных анекдотов.

«И почти такой же миф, – продолжает Гете, – что он будто бы носил восточный костюм. Только раз, дома, он появился в этом маскарадном наряде среди своих приближенных, желая посмотреть, как он выглядит в нем. Но тюрбан оказался ему не к лицу, как и всем людям с удлинённой формой головы, и больше уже он никогда его не надевал».

Мамелюк Рустам, бывший в это время слугой шейха Аль-Бакри, впервые видит «султана Кебира»: «Вот первое мое впечатление от него. Весь в пыли, подходит задыхаясь. Голенища сапог подвернуты, белое трико из кашемира, в генеральском мундире. Лицо загорелое, длинные волосы заплетены в косицу. Без бакенбард».

«Еще раз я видел Бонапарта у Аль-Бакри дома, где я вместе с моими друзьями обслуживал их за столом. Мы подносили им куриный суп с рисом, посуда была из китайского фарфора. У Бонапарта была серебряная чаша, его угощали вином из Шамбертона. Турки пили его прямо из бутылок и, передавая из рук в руки, говорили: «Феллах, ваша очередь». Бонапарт и его военачальники сидели как мамелюки, поджав под себя ноги».

Поскольку покоренные территории были спокойны, Бонапарт вновь разрешил созвать Большой Диван, хотя египтян в него больше не допустит.

Карнак, Луксор, Пелузий и Розетта

Слава тебе, Нил, выходящий из этой земли,
Приходящий, чтобы оживить Египет!
Орошающий поля, сотворенный Ра,
Чтобы всех животных оживить.

Если он медлит, то замыкается дыханье,
Уничтожаются жертвы богов,
И миллионы людей гибнут...
Когда же он восходит, земля в ликовании,
И все живое в радости,
Зубы все начинают смеяться,
И каждый зуб обнажен.
Приносящий хлеба, обильный пищей,
Творящий все прекрасное...
Творящий траву для скота,
Заботящийся о жертве богу каждому –
Находящемуся в преисподней, на небе, на земле...
Наполняющий амбары, расширяющий закрома,
Заботящийся о вещах бедняков.
Египет – дар Нила, Нил – начало Египта.

Гимн времен Среднего царства славит реку великую и животворящую. Ночью над ней плывут звезды, а днем ее воды бороздят корабли.

Земля египетская – узкая лента, по середине которой течет славная река. Полоса плодороднейшей земли окаймляется с двух сторон горными хребтами: справа, к востоку, – резко очерченный арабский хребет с его отвесными стенами и зубчатыми вершинами, а слева, к западу, – невысокие округлые холмы Ливийской пустыни.

Эти серые горы и желто-золотистые холмы будто оберегают реку, помогая ее водам струиться на север, к берегам Средиземного моря.

Египет – «двойная земля». В древности одна из них называлась «страной Севера», а другая – «страной Юга».

Греки именовали Нил «Нейлосом» или «Нилусом», «страну Юга» – Верхним Египтом, а «страну Севера» – Нижним Египтом.

Верхний Египет начинается на юге, близ города цветов Элефантины, лежавшего на острове, расположенном по соседству с позднейшим торговым городом Асуаном (на правом берегу Нила), а на севере соприкасается с округом Мемфиса.

Северный или Нижний Египет занимает все остальные земли, которые греки называли «Дельтой», а арабы «Бехере».

Это деление страны на северную и южную, или Нижнюю и Верхнюю, – не только географическое, но и культурное. Народы севера и юга имели разные нравы и обычаи, разные наречия, что мы видим, читая папирусы.

Когда французские ученые впервые ступили на эту землю, они находили бесчисленные документы древности, понять которые не могли.

Вскоре после прибытия в Каир они рассеялись по египетской территории. Институт создал ряд комиссий и определил каждой свою задачу.

Там и здесь будут вести раскопки: на поле пирамид в Гизе близ Каира, в Фивах, в долине царей в Луксоре, в Карнаке, знаменитом большим скоплением зданий разных эпох, связанных между собой общим замыслом, – городе, где была аллея сфинксов с головами баранов, в Розетте. Работами в Пелузии будет руководить сам Монж.

Все находки ученых впоследствии хранились в доме «султана Кебира» или в его саду, то

есть в надежно охраняемых местах.

Недостаток времени, средств и постоянные опасности не позволят членам экспедиции предпринять столь же масштабные и эффективные поиски, какие позднее будут вести Бельцони, лорд Карнарвон, Говард Картер и Лепсиус.

Древние города строились по берегам реки, вдоль нее тянулись дороги.

Ученые обследовали все доступные места. Они карабкались вверх по лестницам и спускались в подземелья.

Когда члены комиссии приступили к обмерам гробниц и самой долины царей в Луксоре, их обстреляли фиванские разбойники, прятавшиеся в пещерах.

Солдаты помогали ученым преодолевать трудности. Для них война делилась на периоды боев и относительного покоя.

Гробницы сановников и частных лиц – интереснейшие памятники Древнего Египта. Надписи на них, прочитанные позднее, говорят о деяниях погребенного в его общественной и домашней жизни. Имена фараонов обводили картушами (замкнутыми овалообразными линиями), тем самым пытаясь защитить имена от сил зла.

Описания иллюстрируются и показывают покойника в его земных делах и развлечениях. Позднее (начиная с восемнадцатой династии фараонов) стало принято представлять погребенного на суде богов.

Гробницы располагали в пустыне или в горах, чтобы они лучше сохранились, не страдая от сырости.

Богатые захоронения подвергались постоянным нападениям грабителей, и родственники умерших были вынуждены нанимать слуг для охраны саркофагов и ценностей. Жрецы переносили мумии правителей в специальные тайники по приказу фараонов.

Гробницы царей – пирамиды – строились по одному общему плану. «Настоящие» (мемфисские) пирамиды стоят у Каира в долине Гизы и сделаны из крепкого известняка и камня. Но есть и кирпичные подражания великим пирамидам, расположенные около древних Фив.

Мумии хранились в великолепных каменных саркофагах. Любопытно, что саркофаги ставили на место раньше, чем возводили сами пирамиды.

Строители пытались сделать саркофаг или гробницу недоступными для посторонних, что достигалось с помощью создания причудливой системы проходов.

Рядом с большинством пирамид высятся храмы, где царям воздавались божеские почести. Храмы строились из тесаного камня, а высокие и толстые стены слагались из больших необожженных кирпичей.

В храм не пускали никого, кроме жрецов и царей со свитой. Никогда не собирался там народ, и не было общественных богослужений. Храм – царская часовня, где монарх просил милости у богов и приносил им дары. Как правило, для каждого храма составляли «триаду». Эти трое представляли мужское и женское начала и рожденное от них божество и связывались между собой таким образом, что отец был показан самозарождающимся в утробе матери. Он – собственный отец и собственный сын одновременно.

Религия египтян была простой и приземленной. Человек продолжает жить после смерти, а потому необходимо позаботиться о его дальнейшем существовании, столь же естественном и материальном, как все земное.

Все верования кротких и в целом невоинственных, несмотря на кратковременные внешние завоевания, египтян тяготели в сторону загробной жизни. После смерти человеческая душа должна предстать на суд Осириса. У каждой мумии находилась «Книга мертвых», знакомившая с особенностями этого суда: если душа виновна, то после многих мучений она обратится в ничто, если праведна – то после ряда очищений присоединится к сонму богов, будет созерцать высшее существо и сольется с ним.

Земледелие, скотоводство, рыболовство и простейшие ремесла были основными занятиями египтян. Они тесали камень, плавилы металлы, золото, серебро, медь, железо (в древнейшие времена лишь метеоритное), и превращали их в утварь, художественные изделия и средства производства. Они обрабатывали дерево и кожу, плавилы и выдували стекло, пряли лен и создавали прекрасные ткани. Корзины и циновки делались из камыша, канаты и веревки из пеньки, а жирная нильская глина служила сырьем для изготовления сосудов.

При дворах фараонов и богатых людей находили себе работу художественные мастера, ваятели, живописцы и архитекторы.

Египетские мастера живописи мемфисского периода были превосходными портретистами. Ведь в те давние времена считалось, что если мумия умершего разрушится, то должно быть другое изображение покойника, предохраняющее его от окончательной смерти.

Египтяне знали толк и в чувственных наслаждениях.

Историк Страбон, посетивший Египет при императоре Августе, пишет, что в ста двадцати пяти стадиях от Александрии лежал знаменитый Каноп. Там находилось одно из наиболее почитаемых святилищ эллинистического Египта, храм Сераписа.

Статуя Сераписа, считавшегося богом новой столицы Египта Александрии, якобы, приносила множество исцелений и была помещена таким образом, чтобы однажды в день «луч солнца ложился на уста бога и как бы целовал его в губы».

Каноп был местом постоянного паломничества египтян. Никогда не прекращалось движение на канале, соединявшем его с Александрией.

«День и ночь этот канал был покрыт судами всевозможных размеров, переполненными мужчинами и женщинами, которые под звуки музыки предаются без отдыха и без перерыва самым сладострастным танцам. Гостиницы на обоих берегах предлагают любому приезжему все преимущества двойного наслаждения, – танцами и хорошим столом».

А храм Афродиты в Александрии считался «академией любви», где проходили сложную науку сладострастия танцовщицы и куртизанки.

Конец Египта связан с Пелузием – некогда большим и процветающим городом, соперничавшим с Александрией. Через него протекал самый правый рукав Нила. То были «Восточные врата Египта».

По легенде, здесь побывало семейство Иисуса Христа (святое семейство), направлявшееся в Египет.

В 527 году до нашей эры под стенами города состоялась битва между войсками фараона Псамметиха III из последней Фиванской династии и персидского царя Камбиза.

Как раз перед войной умер фараон Амасис II, оставив престол молодому Псамметиху.

Царство персидское к тому времени заметно усилилось, а Камбиз хорошо подготовился к походу через пустыни. На его сторону перешли киприоты и Поликрат Самосский, что дало Камбизу перевес на море. И арабский царь заключил союз с персидским владыкой. Он обязался снабжать войско Камбиза водой во время движения по пустыне.

И у египтян, и у персов были греческие наемники, но галикарнасец Фанет переметнулся на сторону преемника Кира Великого. К этому добавилась и внутренняя измена: вельможа Комбафей желал получить должность наместника Египта у царя Камбиза и открыл ему «мосты и прочие дела египтян».

В Фивах выпал дождь – большая редкость в тех краях – и суеверные египтяне совсем приуныли.

Битва началась с характерной для тех жестоких времен душераздирающей сцены: греческие наемники египтян, увидев Фанета, вывели оставшихся в Египте детей изменника, зарезали их на глазах персов и отца, после чего напились человеческой кровью, смешанной с вином.

Но это не придало им сил и не спасло страну. После ожесточенного сопротивления египтяне были разбиты, бежали и заперлись в Мемфисе.

Камбиз осадил и Мемфис, и Пелузий (с моря и суши). Он предложил фараону сдаться и помириться, но жестокие египтяне изрубили персидских послов в куски.

Подданные фараона еще долго держались, стреляли из многих орудий, кидали камни из пращей, осыпали персов горящими головнями и стрелами.

Тогда Камбиз выставил впереди войска священных для египтян животных (кошек, ибисов и собак), что, по рассказам, повлекло сдачу гарнизона Пелузия. Сдался и Мемфис, а царское семейство попало в плен.

Так Египет стал персидской сатрапией и на две с половиной тысячи лет утратил независимость.

Нет больше гордых египтян – фараонов, воинов и жрецов, ученых и писцов. Теперь здесь

живут арабы.

Нет величественного Мемфиса, разрушены Фивы.

Исчез и Пелузий. Нил в тех местах пересох, и люди ушли из города.

Неизменен лишь Нил, «творящий все прекрасное», текущий медленно и слабо.

Он входит в древнюю страну первым водопадом близ Асуана и образует на севере два мощных рукава, впадающих в Средиземное море: западный близ Рашида, или Розетты, и восточный, близ Думьята, или Дамьетты.

Во время 20-го заседания Института в Каире, происходившего 19 июля 1799 года (1 термидора VII года Французской Республики), ученый Ланкре информировал коллег о чрезвычайной находке.

Бонапарт приказал всюду усиливать крепости. При возведении укрепления Сен-Жюльен в Розетте земляные работы велись под руководством инженерного лейтенанта Бушара. Солдат, имя которого неизвестно, наткнулся на камень черного гранита, или египетского базальта. Он имел высоту 10 футов и 3 с половиной фута ширины. Углы камня были отбиты.

La clef de Rosette (Розеттский ключ), как его впоследствии назовут, содержал три надписи: одна иероглифическая, другая демотическая (упрощенное письмо), третья греческая – прописными буквами без знаков.

Последняя надпись имела пятьдесят четыре строки, почти не повредилась и не представляла трудностей для чтения.

Газета Института «Курьер Египта» написала, что благодаря этой плите появилась возможность «объяснить Египет с помощью самих египтян».

Казалось, что и другие надписи будут прочитаны, коли они связаны с греческой.

Честолюбивый Дезе

Луи Дезе держит путь в Верхний Египет: «он знал, как прославит его завоевание этой колыбели наук и искусств».

В конце августа Дезе во главе отряда в 5 000 человек вышел из Каира и направился по следам Мурад-бея.

У Дезе 600 кавалеристов на отборных арабских лошадях, 300 артиллеристов и саперов, 4 300 пехотинцев, речная флотилия из восьми судов – полугалер, посыльных и полушебек, с французскими экипажами.

Когда армия узнала о плане кампании, поднялся ропот, и опять возник заговор. Дело дошло до настоящего мятежа («Неслыханно, чтобы в самое жаркое время года войска заставляли идти в безводные пустыни, подвергая их, при отсутствии тени, воздействию лучей тропического солнца»).

Солдаты 9-й линейной полубригады, которая должна была двигаться впереди, возмущались больше других. Бонапарт обошелся с ними просто. Он приказал полубригаде вернуться в Каир, заявив со всей суровостью: «Солдаты девятой, я в вас не нуждаюсь». Бунтовщики пошли на попятную и стали упрашивать командование включить их в состав экспедиции.

Сообщая о подготовке завоевания Верхнего Египта, Наполеон выделяет инициативу академиков: «Ряд ученых и художников пожелали следовать за Дезе. Исполнение их просьб было сопряжено с двойным неудобством: пришлось бы подвергнуть опасностям войны ценных людей и замедлить ход военных действий. Один только Денон получил разрешение последовать в качестве добровольца за главной квартирой дивизии».

«Впервые со времени крушения Римской империи представители цивилизованной нации, заботящиеся о развитии науки и искусств, намерены посетить, измерить и произвести раскопки в величественных развалинах, которые столько веков занимают ученый мир».

К сентябрю оправившийся от шока Мурад-бей располагал значительной сухопутной армией и речной флотилией. Он получал английские субсидии. Ему помогали примирившийся с ним старец Хасан-бей и Эльфи-бей.

Фивы, Коптос, Филэ – сердце молодого генерала трепетало при упоминании названий древних городов. Ему понадобятся долгие пять месяцев (с сентября 1798 года по январь 1799-го),

чтобы покорить Верхний Египет. Еще пять месяцев уйдут на подавление восстаний.

С ним генералы Фриан, Бельяр, заместитель командира флотилии Донзело, артиллерийский полковник Ла-Турнери.

Дезе разгромил коварного врага у Седимана, налаживал управление и посылал в Каир суда с рожью, овощами и фуражом, получая взамен боеприпасы и обмундирование.

У него было много больных воспалением глаз, он направлял их в госпиталя. Однажды напали всадники, но храбрый генерал Робэн мобилизовал больных и дал отпор потерявшим бдительность и предавшимся грабежу противникам.

Получив подкрепление под началом Даву, Дезе пошел в прекрасную землю, покрытую апельсиновыми деревьями.

Асьют, Гиза, Минья, Мелауи-аль-Ариш, развалины Гермополиса. Даву умирят повстанцев, а Денон рисует развалины.

Мурад-бей бежит, но вскоре получает подкрепление: 2 000 шерифов из Аравии. Он воспрянул духом – теперь у него есть и пехота, и кавалерия! Каждый из шерифов вооружен карабином, парой пистолетов и копьем. Все они считают себя потомками племени пророка и носят зеленые тюрбаны. Этих свирепых воинов обуревала жажда крови и грабежа. Еще две тысячи головорезов собрались в Ямбо, где ожидали судов для переправы через Красное море.

Имея 13–14 тысяч бойцов против пяти тысяч у Дезе, Мурад-бей дал решающее сражение на высоте Самхуда.

Это случилось 22 января 1799 года. Блистательный Дезе построил свой отряд в три каре (два пехотных и одно кавалерийское, поставленное в центре). Пехота и кавалерия мусульман построилась асимметрично.

Исход боя решило превосходство французской пехоты и наличие артиллерии. Полковник Рапп с ротой стрелков и полусотней кавалеристов показал героический пример, опрокинув в овраг тысячу шерифов.

– К чему рассуждать, – воскликнул старый Хасан-бей, впервые столкнувшийся с европейцами, – у кого смелое сердце, тот пусть следует за мной!

Через несколько минут он понял, что одной храбрости мало – французские ядра косят его людей, как колосья.

Вскоре мамелюки и шерифы, преследуемые кавалерией Даву, бежали без оглядки. Обезумевший от ярости Мурад-бей отрубил голову шейх-аль-беледу Фаршута, последнему правителю знаменитого рода князя Хаммана. Когда французы прибыли к этому месту, они сочли своим долгом оказать посмертные почести человеку, обожаемому местными жителями.

Мамелюки бесчинствовали. Возмущенные жители выдавали их французам.

Чем дальше, тем уже становилась нильская долина, а судоходство все труднее.

Французы проходят через Идфу (в древности Аполлинополис Великий) и мимо развалин большого храма, стоящего над рекой. Дезе дает Денону только один час для осмотра этих руин – он спешит настичь врага. Денон все понимает, но не может скрыть отчаянья – такое можно увидеть только раз в жизни!

Солдаты с трудом передвигались по сланцевым холмам. Теперь идут по следам древнеримского шоссе, остатки которого едва заметны, и ночуют в деревне Бибан – напротив чудного острова того же названия.

2 февраля 1799 года. Дезе достиг Асуана, острова цветов «Элефантина» и легендарного острова Филэ, где могила Осириса, место паломничества.

Прекрасна Элефантина, стоящая против нильского водопада. Отсюда Денон и солдаты Дезе видели ущелье, в котором ревела скованная им река. Вырвавшись из ущелья, воды ударились об остров, разделяясь на два рукава.

Остров Филэ полон памятников. Там никогда не было городов, его почва не обрабатывалась. Древняя стена ограждает это пространство, образующее треугольник, двумя сторонами которого является Нил.

Как далеко они зашли! Неужели друг Бонапарта потеряется в чужой земле, запутается среди нильских рукавов и протоков, попадет в ловушку и сгинет, как брат святого короля?

Где прячется Мурад-бей? Откуда ждать нового удара?

Вперед! Генерал Бельяр захватил 150 судов – остаток флотилии мамелюков. Местные

жители воспользовались моментом, ограбили суда и скрылись на острове Филэ, считая его неприступным.

Но не для тех, кто брал итальянские крепости и Мальту! Солдаты Бельяра высадились на острове и нашли награбленное имущество. Потрясенные, стояли они у развалин памятников.

Арабы называли Филэ «Анас-эль-Вогуд», то есть «блаженство (царя) Вогуда». Храмы, пилоны и колоннады острова, имеющие вид сказочного замка, отражались в спокойных и тихих нильских водах.

Между тем, деморализованный Мурад-бей укрылся в Большом оазисе, Эльфи-бей – в Малом; множество мамелюков рассеялось, переодевшись в крестьян. Но Хасан-бей и шерифы продолжали вылазки и неожиданно атаковали французскую флотилию в Баруле. Здесь Восточная армия потерпела ощутимое поражение, самое крупное за всю египетскую кампанию. Погибли 500 человек, в том числе 300 больных и слабосильных, находившихся на флотилии. Суда были захвачены.

Бельяр настиг торжествующих победителей, несших головы французов на пиках, у высоты Коптоса. Сражаясь в соотношении «один против шестерых» и имея лишь одну пушку, он разгромил Хасан-бея с мамелюками и аравийского вождя шерифов Хасана из Ямбо.

Напрасно последний витийствовал о том, что пробил час гибели французов. Он взлетел на воздух, защищая начиненный порохом замок.

Легендарный подвиг совершил капитан Рено. Имея двести пехотинцев против восьми сотен врагов, он, не дрогнув, выстроил каре (схема, применявшаяся в разных вариациях, – незабываемый вклад Наполеона в тактику) и сказал:

– Товарищи, солдаты Итальянской армии не считают врагов. Цельтесь хорошенько, пусть каждый убьет того, в кого целится, и я ручаюсь за успех!

Залп – и сто мамелюков подают оземь, остальные спасаются бегством. Через пару часов Рено вступает в Асуан, захватив вражеские обозы.

Настал час гибели старого Хасана: штыковая рана оказалась смертельной. Капитан Рено потерял четыре человека убитыми и пятнадцать ранеными.

«Это самый блестящий бой во всей египетской войне», – оценивал Наполеон.

Дезе покорил Верхний Египет. Гуманный и суровый, одинаково умелый на поле брани и в управлении территориями, он заслужил прозвище «справедливый султан».

Чтобы выразить другу и помощнику свое удовлетворение, Бонапарт послал ему сначала саблю, а затем кинжал, украшенный бриллиантами, который носил Мехмед-паша, взятый в плен в Абукирском сражении, о котором речь впереди.

На одной стороне клинка было написано: «Наполеон – Дезе, победителю Верхнего Египта», на другой: «Фивы о ста вратах, Сезострис Великий».

Миссия рисовальщика Денон

Барон Доминик Виван Денон, уроженец Франш-Конте, в юности получил образование юриста и обучался искусствам.

Он был художником и гравером, а, лучше сказать, талантливейшим дилетантом, которому одинаково удавались и рисунки (он написал знаменитый «Завтрак в Ферне», изобразив Вольтера, а «Молитва пастухов», созданная в подражание Рембрандту, помогла ему в 1787 году стать академиком), и любовные истории (однажды он заключил пари и за двадцать четыре часа написал «Рассвет завтрашнего дня»: по оценке Бальзака – «великолепное руководство для мужей, а для людей холостых – бесценная картина нравов последнего столетия»), и гравюры, полные фаллических фантазий, и театральные пьесы.

Мелкопоместный дворянин, хранитель коллекции древностей Людовика Пятнадцатого и любимец госпожи де Помпадур, остроумный, ироничный и даже саркастичный, он стал секретарем посольства Франции в Петербурге, где пробыл два года и пользовался благосклонностью Екатерины Великой.

Дипломат Денон успел послужить Бурбонам и в Швеции, и в Швейцарии, и в Неаполе. События 1789 года застали его в Тоскане, но уже как пенсионера и частного лица.

В годы революции барон спасся от гильотины лишь благодаря покровительству своего

нового друга – художника Жака Луи Давида, близкого к революционным властям. Практичный ум и дипломатические навыки помогли ему завоевать расположение Максимилиана Робеспьера и добиться редких в годы террора привилегий: он был вычеркнут из эмигрантского списка, и даже получил назад свои конфискованные имения.

Бонапарту его рекомендовала Жозефина, супруга генерала, дружившая с людьми старого режима и много им помогавшая. В Комиссию по наукам и искусствам он был включен, как рисовальщик.

Барон ничего не понимал в иероглифах, но, внимательный к деталям, зарисовывал их на всякий случай в большом количестве, верно схватывая отличия «углубленных», «выпуклых» и «en creux» (вогнутых). Он сделал правильный вывод о том, что разные виды знаков относятся к разным эпохам.

Художник изобразил ступенчатую пирамиду Саккара и руины строений Нового царства в Дендере. Забывая о возрасте (барону шел 52-й год) и тяжелых условиях труда, он облазил развалины Ствратных Фив и запечатлел все, что только успел. Чтобы ускорить работы, он заставлял солдат очищать от песка головы древних статуй и раскапывать ценные предметы.

Когда Дезе дошел до Асуана, до Первого нильского порога, Денону удалось запечатлеть храм Аменхотепа III, фараона из XVIII (Фиванской) династии, стоявший на острове Элефантина. Его рисунок навсегда останется единственным известным нам изображением храма – в 1822 году величественное каменное сооружение будет разобрано на постройку казарм по приказу губернатора Асуана. Останутся только гранитные ворота, на которых высечено имя Александра Великого.

Так поступят и с другим памятником – храмом бога водопадов Хнума, построенном Тутмосом III. Денон успеет изобразить и эту постройку.

Наполеон исключительно высоко оценил труды Денона, которые послужили началом широких исследований: «Зарисовки и заметки, находившиеся в его портфеле, возбудили дух соперничества в других ученых и художниках. Члены комиссии разместились на трех джермах, хорошо меблированных и вооруженных; они осмотрели, зарисовали и описали памятники Верхнего Египта. Они провели несколько месяцев в этом интересном путешествии, которого Европа дожидалась уже столько веков».

В Святую землю

Бонапарт пошел в Левант (Сирию и Палестину) с небольшой армией.

Всего на 1 января 1799 года он имел около 30 тысяч человек, хотя каждый седьмой был болен. Он оставил десять тысяч солдат в Нижнем Египте и шесть с половиной тысяч в Верхнем.

Дезе еще сражается, а присутствие армии в Каире и других городах необходимо для удержания арабов в подчинении.

В конце 1798 года Бонапарт направил для сбора налогов и реквизиций лошадей на нужды армии несколько подвижных колонн: Андреосси пошел в Гизу, Леклерк в Калйуб, Мюрат – в Розетту. Он взял в свои руки чеканку монеты.

Главнокомандующий понимал, что в случае новых мятежей – при том, что лучшие войска он уводит из Египта – нужно будет принять карательные меры. 8 декабря 1798 года он издал следующий приказ: «В случае восстания какой-либо деревни комендант провинции должен взять в качестве заложников всех детей от 12 до 16 лет и отправить их главнокомандующему. Если какую-либо деревню надо будет сжечь... то в ней также следует собрать всех детей».

Напуганные октябрьским восстанием французы проводили карательные экспедиции, сопровождавшиеся арестами «подозрительных» и казнями. 26 января 1799 года в Каире казнили 90 человек, объявленных мамелюкскими агентами.

Каирской провинцией управлял генерал Дюгуа, Александрией – молодой Мармон, которому Бонапарт доверил столь ответственный участок. Начальниками гарнизонов были Бельяр, Ланюсс, Заиончек, Фюжиер, Леклерк, Алмейра.

С восхитительной решимостью Бонапарт двинул тринадцать тысяч солдат революции, составлявших дивизии Клебера, Ланна, Бона и Ренье, на покорение Азии – против несметных полчищ Ибрагим-бея, Джеззар-паши и всех, кто к ним еще присоединится.

С ним Бертье, Мюрат, Доммартен, Каффарелли, Виаль, Во, Жюно, Вердые, Лагранж, генеральный казначей Эстев – «молодой человек, замечательный во всех отношениях» (Бертье).

Враги познали, как французские генералы умеют громить противника в чистом поле. Поэтому, в новой кампании они сделали большую ставку на форты, существенно укрепив стены Газы, Яффы, Сен-Жан-д'Акра и углубив рвы. Пушки обслуживали канониры, обученные французскими офицерами, – таковы превратности большой политики!

Бонапарт вновь должен идти через пустыню. Время года – не жаркое, однако воды нет, марш изнурителен и требует величайшего напряжения сил.

Он начинает кампанию в чрезвычайно неблагоприятный момент. Лишенный связи с Францией, он не может отправить сообщений, когда захочет, и не знает положения на европейских фронтах. А для него, вселенского игрока, это так важно!

Англичане – безраздельные хозяева на море. Французская эскадра уничтожена, остатки ее бороздят воды Нила. Тем не менее, главнокомандующий очень надеется на помощь контр-адмиралов Гантома и Перре – ведь иначе, как по воде пушки в Левант не доставить. Все это крайне рискованно – можно потерять и последние суда, и осадную артиллерию.

Французское влияние в Азии теперь ничтожно. «Торжественное посольство», о котором должен был позаботиться Талейран, в Константинополь так и не прибыло – начавшаяся война поставила крест на этом проекте.

Директория не может помочь свежими войсками, но иногда шлет письма. В марте Бонапарт прочтет послание от Талейрана, составленное много раньше, в котором бывший епископ предлагает сделать выбор между походами на Константинополь и в Индию. Это ясно и без советчиков.

На что рассчитывает Бонапарт?

«Победу одерживают не числом. Александр победил триста тысяч персов во главе двадцати тысяч македонян. Дерзкие предприятия и мне особенно удавались».

У него превосходные войска и способнейшие генералы. Малая численность армии вовсе не смущает покорителя Египта – он присоединит к ним рекрутов других наций (чернокожих рабов, греков, коптов, сирийцев, юных мамелюков, магрибинцев и мусульман из Верхнего Египта), разгромит азиатские толпы и, усиленный воинами Дезе, пойдет в Индию! Персидский шах, конечно же, его пропустит. Бонапарт даже послал письмо вождю индийских сторонников Франции, оставшееся без ответа.

Но если бы он не верил в эту химеру, то не одержал бы ни одной победы.

Туркам помогают англичане. Бонапарту предстоит новая встреча с давним знакомым – сэром Сиднеем Смитом. Тот был в Тулоне в памятном 1793 году, когда юный Бонапарт получил большие полномочия и впервые отличился.

Теперь Сидней Смит будет делать все, чтобы помешать ему в Сирии и Палестине. У Англии нет пехоты, зато храбрые моряки и много денег.

Итак, к делу! Французские знамена будут водружены на высотах Святой земли, Константинополя, а следом и Бомбея! Он разгромил мамелюков, настал черед янычар!

Свобода, Равенство, Братство!

У него заготовлены новые прокламации. Он помнит о евреях и местных христианах, но что они думают о нем?

Чтобы пересечь пустыню, отделяющую Сирию от Египта, караванам требуется 80 часов. Армия движется пешком.

Как обычно, Бонапарт вспоминает великие примеры: «Известно, что во все исторические эпохи полководцы, совершавшие походы из Египта в Сирию или из Сирии в Египет, рассматривали эту пустыню, как препятствие тем более значительное, чем больше было у них лошадей. Древние историки сообщают, что когда Камбиз решил проникнуть в Египет, он вступил в союз с одним арабским королем, который провел в пустыне канал с водой; это, несомненно, обозначает, что он усеял пустыню верблюдами, несшими воду. Александр стремился завоевать расположение евреев, чтобы они служили ему при переходе пустыни. Однако в древние времена это препятствие было не столь значительным, как сейчас, потому что там существовали города и деревни, а людская предприимчивость успешно боролась с трудностями. Ныне от Салихии до Газы не осталось почти ничего. Значит, армия должна

совершить этот переход постепенно, создавая этапные пункты и склады в Салихии, Катии, Аль-Арише. Если эта армия выходит из Сирии, она должна сначала создать большой склад в Аль-Арише, а затем перенести его в Катию, но поскольку эти операции чрезвычайно затяжные, противник получает время, необходимое для подготовки к обороне».

Остался позади пальмовый лес Салихии. Теперь надо идти по сухим пескам, где нет ни тени, ни воды, ни растительности. Пехотинцы преодолели этот отрезок пути за двое суток, а верблюды, повозки и артиллерия за трое.

Близ оазиса Катии, откуда недалеко до древнего Пелузия, лежат зыбучие пески – страшное препятствие для обозов.

Затем – от Катии до другого оазиса, Аль-Ариш, где несколько тысяч пальм и водяные колодцы. Этот переход солдаты одолели за трое с половиной суток. На берегу моря они видели развалины древнего города Ринокорур.

Наконец, третья часть пути – от Аль-Ариша до Газы (трое суток пешком).

Армии пересекла великую пустыню и Суэцкий перешеек за 12 суток, включая отдых в оазисах, и теперь будет воевать исключительно в местах, расположенных вдоль моря.

Авангард Ренье взял деревню Аль-Ариш, а 14–15 февраля, разделив дивизию на полковые колонны, провел чудесную ночную операцию. Солдаты с потайными фонарями прокрались в лагерь Абдаллаха и заставили мусульманского вождя спасаться бегством.

Началась большая война. Англичане бомбардировали Александрию с кораблей, но береговая артиллерия стреляла метко и отразила нападение.

К крепости Аль-Ариша подоспел сам Бонапарт. Несмотря на поражение Абдаллаха и большие потери, гарнизон намерен был драться.

Артиллеристы Доммартен и Каффарелли умело расставили орудия и проделали в крепостных стенах огромные бреши. Штурм повлек бы за собой жертвы, а потому Бертье предложил осажденным сдаться.

Фанатики бесновались, имамы громко читали молитвы. Французы слышали их голоса.

Из крепости прислали парламентариев с предложением о перемирии – попытка потянуть время в расчете на помощь извне.

Тогда Доммартен открыл убийственный огонь из гаубиц. Объятые ужасом янычары сдались на милость победителей. Они поклялись не поднимать оружие против Франции на протяжении всей войны и не возвращаться в течение года ни в Египет, ни в Сирию. В начале пути в Багдад их сопровождал эскорт.

Французы заделали бреши в крепости и пошли дальше. Их ждали Иерусалим и гора Сион. Христиане показали солдатам пустынный колодезь, где богородица отдыхала с младенцем Иисусом.

Переводчики, интенданты и секретари, нанятые из числа сирийских католиков, рассказывали любопытные истории, полные суеверий.

Чума

Мусульмане не стали цепляться за Газу, и сдали ее почти без боя. Мамелюки Ибрагим-бей прикрывали отход Абдаллаха.

Армия вошла в чудную долину, покрытую рощами оливковых деревьев. Здесь множеством ручьев и красивых деревьев.

Ночью небеса разверзлись, засверкали молнии, пошел ливень.

Почти год солдаты не видели и капли дождя. Но радость прошла, когда долину затопило. Все насквозь промокло. Бонапарт приказал перенести свои палатки на высоту Хеврон.

Солдаты отдыхали после утомительного перехода через пустыню и наслаждались прекрасной едой.

Тем временем Бертье направил прокламации «султана Кебира» в Иерусалим, в Назарет и в Ливан.

Вождь обращался к туркам, а улемы мечети Аль-Азхар (делегация, состоявшая из пяти наиболее образованных шейхов Египта, направленная в поддержку Бонапарта) – к правоверным мусульманам. Были и письма к христианам. Прокламации, отпечатанные в походной

типографии, были составлены на арабском языке.

Иерусалим лежал в стороне от пути следования войска и был хорошо укреплен. Армия предвкушала вступление в столицу христианского мира. Пожилые солдаты распевали духовные гимны и «Плач Иеремии».

1 марта воины перешли вброд через поток, текущий из Иерусалима и впадающий в море у лежащего в развалинах Аскалона, знаменитого осадами и сражениями времен крестовых походов.

Три часа Бонапарт осматривал поле сражения, в котором крестоносцы разбили армию султана Египта и мавров Эфиопии. Он вспоминал строки Тассо.

Вечером читали вслух Священное писание, поражаясь точности и правильности описаний местности.

– Но когда же мы наконец увидим Голгофу и гроб Господень? – вопрошали бойцы.

И каково же было чувство горечи и разочарования, когда армия получила приказ двигаться в другом направлении, на Яффу.

Шли дожди, пало много верблюдов. Армия подошла к крепости. Здесь разыгралась трагедия.

Гарнизон Яффы состоял из пехоты Абдаллаха и воинов разных народностей: магрибинцев, албанцев, курдов, анатолийцев, караманийцев, дамаскинцев, уроженцев Алеппо, чернокожих из Тэку. Они совершили пару зрелищных вылазок.

Французы отбили нападения и взяли пленных, среди которых оказались албанцы (арнауты) из Аль-Ариша. Бонапарт узнал, что весь гарнизон прибыл в Яффу, нарушив условия капитуляции и данную клятву.

Бертье направил парламентаря, уполномоченного заявить следующее:

«Господь милостив и милосерден. Главкомандующий Бонапарт поручил мне передать вам, что Джеззар-паша начал военные действия против Египта, захватив форт Аль-Ариш; что Бог, который стоит на страже справедливости, дал победу французской армии, и она взяла обратно этот форт; что именно в результате этой операции главкомандующий вступил в Палестину, откуда он хочет изгнать войска Джеззар-паши, которому никогда не следовало входить туда; что крепость обложена со всех сторон; что батареи, предназначенные для ведения настильного огня и снабженные бомбами, а также батарея, предназначенная для пробития бреши, за два часа разрушат все оборонительные сооружения; что главкомандующий Бонапарт жалеет о тех бедах, которые обрушатся на город в целом, если он будет взят штурмом; что он предлагает свободный выход гарнизону и покровительство городу, а потому откладывает открытие огня до 7 часов вечера».

Офицера и трубача впустили, но четверть часа спустя французы с ужасом увидели их головы на пиках.

Осажденные были обречены. Артиллерия начала сокрушать стены крепости, и бреши были достаточно велики для того, чтобы начать штурм.

Бонапарт стоял на насыпи батареи, показывая полковнику Лежену, что нужно делать. В этот миг пуля сбила с него шляпу, прошла в трех дюймах от его головы и поразила насмерть полковника, рост которого составлял 5 футов 10 дюймов.

– Уже второй раз с того времени, как я воюю, рост в пять футов два дюйма спасает мне жизнь, – сказал главкомандующий вечером.

Французы ворвались в крепость. Албанцы, окруженные в цитадели, кричали капитану Богарне и адъютанту Круазье, что станут сражаться до последнего, если им не будет дарована жизнь. Вопреки приказу главкомандующего, молодые военные дали обещание сохранить пленным жизнь, а когда те сдались, распорядились привести их в лагерь французов.

– Что хотят они от меня? – воскликнул озадаченный Бонапарт. – Разве у меня есть чем их кормить? Или суда, чтобы перевезти их в Египет или во Францию?

– Ни вы ли действительно требовали от нас предотвратить резню? – вопрошал потрясенный Евгений.

– Да, вне всякого сомнения, но в том, что касается женщин, детей, стариков и вообще мирных жителей, а не солдат с оружием в руках.

«Пленников посадили кучами перед палатками, – вспоминает Бурьенн. – Руки у них были

связаны веревкою за спиною. Мрачная ярость изображалась у них во взорах. Им дали по немногу сухарей и хлеба, отделенных от припасов нашей армии, и без того уже скудных». «Приказ расстреливать их был дан и исполнен 10 марта. Не отделяли, как писано, египтян от прочих пленников: их не было».

Чтобы не расходовать лишних патронов, часть приговоренных загнали в море.

«Многие из этих несчастных, – продолжает Бурьенн, – составлявших меньший отряд, казненный на морском берегу неподалеку от другого отряда, успели спастись вплавь на подводные камни, до которых выстрелы не достигали. Солдаты, положив ружья на песок, манили их назад египетскими знаками примирения, употребительными в стране сей. Они возвращались, но обретали смерть и погибали в волнах».

И спустя годы Наполеон твердо стоял на том, что казни были мерой правильной:

«Ярость солдат достигла предела, они перебили всех; город был разграблен и пережил все ужасы, достающиеся на долю города, взятого штурмом. Наступила ночь. Около полуночи была обнародована всеобщая амнистия, действие которой, однако, не распространялось на лиц, входивших в состав гарнизона Аль-Ариша. Солдатам было запрещено дурно обращаться с кем бы то ни было; удалось прекратить огонь, у мечетей, где укрылись жители, у некоторых складов и общественных мест были поставлены часовые. Пленных собрали и разместили вне стен города; но грабеж продолжался; только на рассвете порядок был полностью восстановлен. Пленных оказалось 2 500, в том числе 800 или 900 из гарнизона Аль-Ариша. Последние, после того как они поклялись не возвращаться в Сирию раньше как через год, сделали три перехода в направлении Багдада, но затем обходным путем прибыли в Яффу. Таким образом, они нарушили свою клятву; их расстреляли. Остальных пленных отправили в Египет с трофеями, знаменами и т. д. Абдаллах спрятался и переоделся в одеяние одного из монахов Ордена святой земли; он вышел из Яффы, добрался до палатки главнокомандующего и пал ниц перед ним. С Абдаллахом обошлись так хорошо, как он мог бы пожелать. Он оказал некоторые услуги и был отправлен в Каир. Семьсот погонщиков верблюдов, слуг и солдат были египтянами, они с полным доверием сослались на шейхов и были спасены. Бросаясь ночью к солдатам, они кричали «Месри, Месри», как сказали бы: «Французы, французы». Прибыв в Египет, они стали хвалиться уважением, которое им оказали, как только стало известно, что они – египтяне. 500 солдатам гарнизона удалось спастись от ярости солдат, выдав себя за жителей. В дальнейшем они получили пропуска, которые позволили им уйти за Иордан».

Вдруг появилось много заболевших (Наполеон говорит о семистах). Госпиталя, открытого в монастыре монахов Ордена святой земли, не хватало. Главный хирург Ларрей произносит страшное слово «чума». Солдаты умирали, всех охватил страх.

Монахи Ордена Святой земли, ранее помогавшие армии, заперлись и не пожелали больше общаться с больными. Санитары дезертировали.

Наполеон приказал сжечь все захваченное при разграблении Яффы: важная, но запоздалая мера.

Тогда он вошел в госпиталь и приказал оперировать нескольких больных в своем присутствии. Вождь прикоснулся к тем, «которые казались наиболее потерявшими присутствие духа», чтобы доказать им, что это не чума, и помог санитарам вынести труп из палаты.

Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болезней... он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмурясь ходит меж одрами
И хладно руку жмет чуме
И в погибающем уме
Рождает бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнью своей
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,

Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой...

Так писал А.С. Пушкин (стихотворение «Герой»).

Бонапарт в Галилее

Презрев смерть, Бонапарт на время успокоил солдатские души.

Но реальность была ужасной. Все дышали воздухом, пропитанным чумой. Скоро ей будут болеть и те, кто штурмует крепости, и те, кто их обороняет.

В порт Яффы прибыл и был немедленно захвачен французами конвой из шестнадцати судов, груженных рисом, мукой, растительным маслом, порохом и патронами.

Армия всего имела вдоволь, и можно было двинуться на Иерусалим, население которого было целиком христианским.

10 марта главнокомандующий принял делегацию христиан. Турки решили перерезать их, прежде чем оставить город и перейти Иордан. Местный ага (начальник), великий хитрец, предложил перемирие: он соглашался освободить и охранять христиан, ни в чем не помогать Джеззар-паше, а после взятия Сен-Жан-д'Акра подчиниться победителю.

Бонапарт посчитал предложение выгодным. Это означало не отказаться от посещения Иерусалима, а только отложить его на некоторое время. Увы, ему так и не суждено было увидеть этот город!

Полководец предпочел «занять умы военными операциями, нежели оставить их размышлять над яффскими болезнями и симптомами, которые обнаруживались каждый день».

Он двинул войска на Сен-Жан-д'Акр.

Гантому удалось доставить суда из Дамьетты в Яффу. Они прибыли 12 марта с осадным парком, необходимым для штурма Сен-Жан-д'Акра. Перре должен был прибыть с тремя фрегатами.

Казалось, все было готово для осады последней крепости Леванта. Еще одно усилие, и ключи к Востоку будут в руках неистового Бонапарта!

Достигнув Хайфы, главнокомандующий увидел рейд Сен-Жан-д'Акра. Там стояли два английских 80-пушечных корабля – «Тигр» и «Гезей». Ими командовал коммодор сэр Сидней Смит.

Бонапарт обложил крепость, стоявшую на полуострове и защищенную массивными стенами.

Местные христиане выражали искреннюю радость – давно единоверцы не посещали этих мест! Они поддерживали французов и постоянно находились в их лагере. Они продавали пришельцам муку разных сортов, рис, овощи, молоко, сыр, живой скот, фрукты, фиги, сушеный виноград, вино и заботились о больных, как о близких людях. Солдаты, не всегда получавшие жалованье, но обогащенные грабежами, с удовольствием покупали прекрасные продукты.

Отношение Наполеона к Христу менялось на протяжении жизни. Известно следующее его высказывание о галилеянине: «Я думаю, что его не было». Или так: «Я твердо убежден, что Иисус... был казнен как любой другой фанатик, выдававший себя за пророка или мессию, такие люди бывали во все времена. Я же, обращаясь к Ветхому и Новому завету, нахожу там одного поистине выдающегося человека: Моисея... Да и как я мог допустить религию, которая проклинает Сократа и Платона! Я не могу поверить во всезнающего и всемилостивого Бога, поскольку вижу честных людей несчастными, а мерзавцев счастливыми».

На другом полюсе стоит книга, составленная не им («Мысли Наполеона о Христе»), где Спасителю воздается должное.

Но мы не найдем свидетельств того, что Наполеон верил во Второе Пришествие Христа, Конец Света либо испытывал какие-то страхи на этот счет. Не верил он и в чудеса. В его воспоминаниях об итальянском походе, в ходе которого он жестоко подавил восстание в Павии и бесцеремонно обошелся с Папской областью, есть описание случая с плачущей (якобы, по поводу вторжения вандалов-французов) мадонной. Бонапарт высмеивает это «чудо».

Чего он действительно смертельно боялся, так это того, что ему изменит его Звезда. Вспомним слова, сказанные перед высадкой в Александрии («Фортуна дает мне только три дня»). Откуда знает, что только три?

Не придавал он значения и разного рода пророчествам и проклятиям, которые обрушивали на его голову христианские проповедники и мусульманские фанатики. Ох уж эти чудеса и пророчества! Многие ли чудеса свершились, многие ли пророчества исполнились? Много ли чудес бывает в Париже? Нет, они происходят где-то на задворках цивилизации. Именно там мгновенно исцеляются прокаженные, встают из мертвых, ходят по воде.

Но его очень тревожили знаки, он искренне верил в приметы. После того, как корабль качнуло при выходе из тулонской бухты, он предлагает попутчикам обсудить этот эпизод.

Что перевешивает: Тулон, как счастливое для него место, начало волшебной славы, либо крохотная и не имеющая значения неприятность? Вот о чем думает корсиканец!

Бонапарт ступал по земле, насыщенной пророчествами и легендами, но его мозг был занят совсем другим: как обеспечить коммуникационную линию, как доставить артиллерию, как сохранить дух войска?

Да уж никак не чтением Библии! Этим он отличался от Кромвеля, игравшего роль проповедника. Бонапарт перестал верить в моральные рассуждения, но знал, как воздействовать на людские души. Он понимал, что все хотят славы и возвышения, и играл на этих струнах, применяя самые сильные средства.

Когда армия падала духом, вождь бросал вызов самой смерти. Так было на Аркольском мосту. Так было в Яффе.

«Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?»

Для такого героя Христос – всего лишь путаник. Недаром после смерти Мессии последователи оказались в тупике. В конце концов, что же Он завещал? То Он говорил, что пришел исполнить Закон и пророков, то объявлял ветхозаветного человека рудиментом прошлого. Нужно ли продолжать обрезание? Как себя вести?

Бонапарт презирает «бестолковое людское племя», но завоевывает сердца. Он – «ловец человеков», не добрый и не злой. Такой, как природа, которая то ласкает, то шлет бури.

Нужно наградить – награждает, следует наказать и утешить – рубит головы, как после Каирского мятежа. Не потому, что жесток, а затем, что по-другому нельзя.

Что до «ловцов человеков», то ему ближе Павел, чем Петр.

Апостол Павел, мощный и деятельный ум. Это он отважился на первый акт протестантизма. Обрядность – низшая часть религии. Главное – вера! Зачем жертвоприношения? Иисус стоит всех жертв, вместе взятых. Пасха? Иисус и есть истинная пасха, пасхальный агнец. Закон? Иисус гораздо выше!

Это придумал Павел. Не то, что Иаков, «брат Господень»! Тот превзошел всех в строгом исполнении Закона после смерти родственника-революционера. Но ведь Иисус из всех обрядов оставил лишь евхаристию. Надламывайте и вкушайте хлеб – тело Христово, вино есть кровь Христово. Крест – символ известного события. Зачем остальное?

Некоторые считают, что Павел не менее важен для христианства, чем сам Иисус. И у Бонапарта была потенция, способная созидать новую религию, – ведь он грезил об этом! Написал же в юности трактат о счастье человечества! Спустя годы Талейран покажет ему эту рукопись, и повелитель бросит ее в огонь.

Павел – бунтарь. Первый протестант, носитель истинной веры. Что было бы, не приобрети христианство этого прежнего яростного гонителя своего? Не захирело бы, как слабый росток? Как малы против него остальные апостолы, и как велик он! Его энергия обратила в христианство полсвета!

Неистовый и милый Павел! Как не восхищаться его необузданной энергией, добротой и искренностью?

Он презирал тленность и создавал новые миры. Он не видел живого Иисуса, но знал о нем как будто больше всех его учеников, вместе взятых. Он стремился к великим целям и не позволял мелким людям сбивать себя с правильного пути. Он вышел не из рыцарского сословия, но его храбрости могли бы позавидовать многие лидеры Запада – а одним из них скоро будет желтолицый и страдающей чесоткой молодой человек с горящими глазами, который сейчас

полосует хлыстом песок, гневаясь на непредвиденные задержки на пути в Индию.

Сколько раз его заковывали в кандалы, бросали в тюрьму, издевались, он страдал от голода и холода, пускаясь в опаснейшие путешествия, терпел кораблекрушения, подвергался преследованиям, избиению камнями и в полной мере познал людскую глупость и низость. Но верил в свою Звезду, в великую награду на небесах, – как верит в свою Звезду и этот грозный воитель!

В минуту откровенности он как-то признался, что без веры в бессмертие не стал бы рисковать и вел бы тихую жизнь городского ремесленника со всеми ее незатейливыми радостями. Но от этого его образ становится лишь милее и привлекательнее. Ремесло обойщика выручало его, помогая зарабатывать на пропитание. Он не хотел быть никому обузой, сидеть на чьей-либо шее, несмотря на то, что великая миссия многократно оправдала бы малую толику хлеба насущного. Мы не знаем, какой была его награда на небесах, но земное человечество помнит этого апостола новой веры.

Было ли то знаменитое видение Иисуса в облаках на подходе к Дамаску? Что испытал он в те минуты, когда приближался к домам своих будущих жертв, он, тогда еще сторожевой пес Ветхого завета, адепт иудаизма? Отчего произошел тот внезапный обморок, какая духовная аура поглотила его? Что человечеству за дело до того, что по пыльной дороге Ближнего Востока бредет некий путник? Как много в мире таких путников, но как мало событий, подобных происшествию на подступах к Дамаску!

«Что ты гонишь Меня, Савл?» – якобы произнес Сын Человеческий. И он стал рабом, самым свободным из Его рабов. Христиане в Дамаске выходили его, как добрые лекари, и он проснулся их братом.

Как хорошо познал он пути, ведущие к Иерусалиму, дороги Малой Азии, Греции, Македонии, Кипра и других частей великой римской империи! Он хорошо знал устои царства земного. И именно поэтому никогда не пытался поколебать их. Власть кесаря – от Бога!

Вот он выходит из ворот Иерусалима вместе со своим верным спутником Варнавой, скромнейшим существом, полностью в нем растворившимся и способствовавшим воссиянию апостольской звезды, – человеком, принесшим в жертву необузданному честолюбию свое добродетельное «я», и начинает мерить неутомимыми ступнями тысячелетнюю дорогу.

Куда он направляется? Сам пока не знает. Ждет откровений от Господа, и тот дает их, во сне ли, наяву ли. Что ждет его впереди? С каким сопротивлением, с какими закаменевшими мозгами и звериными предрассудками столкнется на пути? Иерусалим и Дамаск, Рим и Афины, Фессалоники и Коринф, Эфес и Антиохия слышали его порывистую и картавую речь.

Вот он в Афинах, колыбели европейской культуры. Что делать, с чего начать проповедь? То, что он собирается сказать язычникам, можно сравнить лишь с вестями с других планет. Но он собирается обратить их в свою веру – не больше и не меньше! Заходит в храм и в смущении останавливается. Не побьют ли его, не прогонят, как чужого, как пришельца, осмелившегося нарушить олимпийский покой философов и возвышенных поклонников прекрасных античных богов? Про какого галилеянина он собирается им рассказать? У философов пока есть все основания надменно игнорировать не слишком складные речи плохо одетого чужестранца. Но пройдут десятилетия, и олимпийские мудрецы будут вышвырнуты с кафедр, а их мантии наденут его идейные наследники.

Первые речи остаются непонятными, но некоторые заинтересовались и соблазнились. Это те, которые затем образуют тело новой церкви. Это их будут жечь на кострах, поджаривать на раскаленном стуле, мучить на дыбе, бросать львам на съедение. А сейчас они лишь соблазнились и готовы слушать еще. Почва под его ногами твердеет – он расцветает! И обретает вдохновение и божественное красноречие. Он начинает священнодействовать.

Готовясь к ответственным акциям, они с Варнавой разучивают несколько ловких фокусов, которые пленят легковесных, доверчивых азиатов и греков. Но чем был бы мир без этих невинных фокусов? Поистине, он держит в руках будущее! Он целиком обращаешь в глагол Божий и созидает духовные основы великой цивилизации!

По его следам пошлют разрушителей великого творчества, верных хранителей Моисеева Закона, считающих его еретиком и исчадием сатаны. Но тело новой церкви уже живет. Младенец обособлен от тела матери.

А его поклонники стали подданными Господа. У них более нет отечества, их отечество – Царствие Небесное! Пусть мир рушится! Что значит это крушение для наследников жизни вечной?

Он снова движется навстречу стихии. Если бы Атлантида еще существовала, он обратился бы в христианство и ее обитателей.

Вот он на палубе корабля. После временной размолвки с Варнавой его сопровождают другие преданные сотрудники – Лука (он напишет самое поэтичное Евангелие), Тит и Тимофей.

Если Богу угодно, он идет на уступки. Тринадцатый Апостол обязан помириться с учениками Иисуса, и делает это. Он согласен на обрезание юного Тимофея, а во время последнего пребывания в Иерусалиме идет на унижительный обряд иудейского покаяния. Ему обривают голову и подвергают заточению в храме. Несмотря на все уговоры учеников, он соглашается на страшные испытания, дав заковать себя в кандалы. Его душа ничуть не пострадает от этого, но тело уже никогда не освободится.

Он исполнил вселенский долг, испив чашу людского гнева и непонимания. Как расставались с ним ученики, которые предчувствовали, что больше не увидят любимого учителя! Была ли в их жизни большая печаль, чем расставание с тем, кто наполнил их жизнь божественным смыслом?

Но даже в кандалах он творит чудеса. Его опыт морских странствий и кораблекрушений спас пассажиров судна, среди которых по счастью был и он. Перед его обаянием не устояли и римские легионеры.

И это он питает духовные революции, добродетельное бунтарство, направляет руку Мартина Лютера.

Когда цивилизация «заплывает жиром», кичится достатком и плотским благополучием, когда торжествует дух Петра, является он, мировой непоседа. И снова воинство Христово надевает доспехи и идет в неведомые дали в поисках Царствия Небесного.

Однако Риму, в то время униженному Бонапартом, всегда был милее «староста учеников Иисуса» – святой Петр. Павел владел сомнительным титулом Апостола язычников, а Петр всегда «шел в русле».

Кто мог сбить его с правильного пути? Семья и отечество – дела земные, и он не удалялся от них! Павел безбрачен, а галилейский рыбак был добрым семьянином. Незаурядность вызывает недоверие, Петр же ровен и понятен.

Но с этими бунтарями – сплошные хлопоты! Как поступать, оказавшись меж двух огней? Как примирить спорщиков? Когда две доктрины сходятся в лобовом столкновении, как вести себя добродушным рыбакам? Оказывается, не нужно разрешать споров немедленно, Соломоново решение порой бывает самым мудрым! Пусть они переживут себя, эти споры и казавшиеся неразрешимыми противоречия. Поистине, он – хороший ученик Иисуса. Тот, видя безысходность спора самовозвышающихся честолюбий, поднимал в воздух ребенка и говорил: «Вот – наибольший!» Боги всегда пытались помирить людей, – увы, так пренебрежительных к их заботам!

Воспоминания Наполеона о походе в Сирию, написанные на Святой Елене (то есть во время подведения жизненных итогов), не содержат «лирических отступлений» на данную тему.

Там – в святом заморье – ему, окруженному толпами врагов, было не до апостолов. Но письма своей Беллилот он направлять успевал.

Бонапарт обнадежил и евреев.

22 мая 1799 года парижская газета «Монитор» напечатала следующее сообщение: «Бонапарт опубликовал прокламацию, в которой он приглашает всех евреев Азии и Африки стать под его знамена, чтобы восстановить древний Иерусалим. Он вооружил большое число евреев, и их батальоны наступают на Алеппо».

Безусловное преувеличение! Бонапарт составил прокламацию к евреям как бы из Иерусалима (хотя он туда не дошел), но обстоятельства вынуждают его заниматься войной, а не политикой.

«Прокламация к Еврейской нации. Штаб-квартира. Иерусалим, 1 флореаля (20 апреля 1799 года) VII года Французской республики.

От Бонапарта, главнокомандующего армиями Французской Республики в Африке и Азии, –

законным наследникам Палестины: Израильтяне – уникальный народ, на протяжении тысячелетий лишенный земли своих предков, отнятой завоевателями и тиранами, но не утративший ни своего имени, ни национального существования! Внимательные и беспристрастные наблюдатели судеб народов, даже если они не обладают провидческим даром Израиля и Иоиля, убедились в справедливости предсказаний великих пророков, возвестивших накануне разрушения Сиона, что дети Господа вернутся на родину с радостным восклицанием и «они найдут радость и веселие, а печаль и вздыхание удалятся» (книга пророка Исайи, 35, 10).

Восстаньте в радости, изгнанные! Эта беспримерная в истории война начата во имя самозащиты народом, чьи наследственные земли рассматривались его врагами в качестве добычи, которую лишь надо разодрать.

Теперь этот народ мстит за два тысячелетия бесчестия. Хотя эпоха и обстоятельства кажутся малоблагоприятными для утверждения или хотя бы выражения ваших требований, это война, против всяких ожиданий, предлагает вам достойное Израилево.

Провидение направило меня сюда во главе молодой армии, ведомой справедливостью и несущей победы. Моя штаб-квартира развернута в Иерусалиме, а через несколько дней я буду в Дамаске, близость которого не будет более угрозой для города Давида.

Законные наследники Палестины!

Великая нация, не торгующая людьми и странами подобно тем, кто продал ваших предков всем народам, не призывает вас отвоевать ваше достойное. Нет, она предлагает вам просто взять то, что она уже отвоевала, с ее помощью и с ее разрешения оставаться хозяевами этой земли и хранить ее наперекор всем врагам.

Поднимайтесь! Покажите, что вся мощь ваших угнетателей не смогла убить мужество в наследниках героев, которые сделали бы честь Спарте и Риму.

Покажите, что два тысячелетия рабства не смогли удушить это мужество.

Поспешите! Настал час! Пришел момент, который не повторится, может быть, еще тысячу лет, – потребовать восстановления ваших гражданских прав, вашего места среди народов мира.

У вас будет право на политическое существование – как нации в ряду других наций. У вас будет право свободно славить имя Господа Бога вашего, как того требует ваша религия (книга пророка Иоиля, 4, 20)».

Эпоха и обстоятельства действительно оказались «малоблагоприятными». И к чему Бонапарт хотел призвать людей? Ни к повторению ли трагедий двухтысячелетней давности?

Тогда, в начале новой эры, через несколько десятилетий после событий на Лысой горе, произошло роковое антиримское восстание. Ему суждено было предопределить второе изгнание еврейского народа.

Иисус Христос был объявлен лжепророком. Его имя запрещено произносить вслух. Фарисеи создали атмосферу подлинного бешенства.

Фанатизм идеологов способствовал бессмысленному мятежу. Повстанцы прогоняют римские легионы и празднуют победу. Фарисеи, почуяв, чем это грозит, тихо уходят из Иерусалима. Чуть раньше был другой исход – христианский.

Рим направил свежие легионы. Молодой полководец Тит, сын будущего императора Веспасиана и сам будущий император, принял от отца руководство операцией. Понимая, что дело будет нелегким, он предлагал иудеям условия почетной капитуляции, но получал в ответ лишь надменные и презрительные отказы. Город был взят в кольцо.

Иудейские пророки убеждали народ, что ничего плохого произойти не может, ибо иерусалимский храм находится под особой защитой Бога Иеговы. Вера была столь сильна, что даже те, кто мог еще бежать из города, не делали этого.

Повстанцы сражались с небывалой решительностью. Временами Тита охватывало уныние. Ни пустая ли это затея? Быть может, Бог и впрямь здесь участвует?

Но когда камнеметные осадные машины римлян стали бить по стенам храма, священный ужас охватил воинов богоизбранного народа. Храм загорелся. Находившийся внутри здания пророк провозгласил, что сейчас наступит чудесное спасение. Проходили страшные минуты, пламя пожирало внутренности храма. Господь медлил.

Шесть тысяч женщин, детей и стариков, спрятанных в святая святых столицы мира, ждали исполнения пророчеств, пока пламя не поглотило их всех. Римляне не щадили никого,

священники сражались до последней крайности. Главари отступили к Сиону – самой высокой части города, но сопротивление было недолгим.

Многomesячная осада города завершилась полным его разрушением. Там, где было еврейское святилище, римляне водрузили своих орлов. Тит с триумфом въезжает в Рим, неся побежденную Тору – главный трофей.

В ходе сирийской кампании Наполеон действовал с жестокостью не меньшей, чем римляне. Но после стольких успехов все вдруг пошло по самому плохому сценарию. Успей Бонапарт подойти к крепости Сен-Жан-д'Акр до 15 марта, он бы быстро ее взял. Но он пришел туда 18 числа, и то была роковая потеря времени.

Англичане захватили французскую флотилию, перевозившую половину осадного парка. Сирийская армия Бонапарта попала под огонь собственной артиллерии.

Царственная голова

Франция ждет и волнуется.

В каких песках затерялся наш Бонапарт, от которого давно нет известий?

Император Павел, по восшествии на престол, отказался было от участия в коалициях и искал сближения с Францией, но вскоре переменял виды. А захват острова Мальта воспринял, как личное оскорбление (его посланник был выслан, причем французы объявили, что всякий русский корабль, появившийся близ Мальты и Ионических островов, будет потоплен).

В декабре 1798 года Россия заключила союз с Англией, Турцией и Неаполем, чтобы совместными силами покарать державу, в которой, как выразился Павел, «развратные правила и буйственное воспаление рассудка» попрали закон Божий и повиновение установленным властям.

Отечество в опасности! Австрийцы, поставленные героем на колени, вновь собрали грозные армии. Им помогает старик Суворов. Что, если он завладеет южными городами и двинется на Париж? С новой силой вспыхнут гражданские войны – гибель неминуема!

Нам не хватает Бонапарта. Где же он? Увяз в стычках с какими-то пашами и беями, имена которых ничего не говорят нашему слуху!

А если он ранен, убит?

Директория, и желавшая, и боявшаяся возвращения героя, замыслила соединить французские и испанские флоты и освободить Бонапарта из заморской ловушки, но проект провалился в самом начале.

Министр иностранных дел Талейран, «царственная голова» (выражение академика Тарле), предложит другой план.

В сложившейся ситуации он не увидит иного выхода, кроме как спасти Республику ценой капитуляции Восточной армии!

В условиях войны с Портой необходимо использовать возможности испанской дипломатии и предложить туркам и англичанам вернуть воинов Бонапарта на вражеских судах. Безусловно, это повлечет за собой выполнение ряда унижительных условий. Бонапарту придется взять обязательство не поднимать оружия против врагов Франции. Но, это та цена, которую следует платить, раз Отечество в опасности!

Директория согласилась. К осени 1799 года Талейран передаст министерский портфель Шарлю Рейнару, и тот «почти под диктовку директоров» напишет удивительное письмо Бонапарту: «Исполнительная Директория ждет Вас, генерал, – Вас и Ваших храбрецов... Она уполномочивает Вас, для обеспечения скорейшего Вашего возвращения, принимать все военные и политические меры, какие только подскажут Вам Ваш гений и события».

Это был карт-бланш: Бонапарт может делать все, что угодно – вступать в переговоры, капитулировать, но... вместе с армией!

Это был крик о помощи. Республика имела хороших генералов. Каждый из них одержал по одной-две победы, а у Бонапарта их двадцать, тридцать, сто! И ни одного поражения!

Впрочем, письмо не достигло и Средиземного моря.

Каффарелли штурмует крепость

Славный Каффарелли не унывал.

Подумаешь, потеряли несколько пушек! Но полевых орудий вполне достаточно, чтобы сокрушить еще одну крепость. К тому же есть мортиры и трофейные орудия. Он разработал инженерный план осады, предложив взламывать крепость в восточной ее части, как наиболее уязвимой.

«Во-первых, потому что над ним (восточным фасом) господствует, хотя и несколько издалека, гора Мечети; во-вторых, потому что другой фас – северный – находится под обстрелом орудий, стоявших во дворце паши; в-третьих, потому что к нему легче подойти. Если пробить брешь в куртине (а куртина – это часть вала между двумя бастионами), то придется либо окопаться между двумя башнями, что сопряжено с большими трудностями и потерями, либо войти в крепость, не окапываясь, что рискованно. Если проделать брешь в башне, то коль скоро армия овладеет ею, у нее будет обеспеченный выход в город.

Он предложил пробить брешь в большой башне: 1) как в наиболее удаленной от моря; 2) как самой большой и высокой, господствующей над всей крепостной оградой и всем городом; 3) как расположенной наиболее близко к акведуку, который должен был послужить плацдармом и параллелью. Верно, говорил он, что проделать брешь в кладке этого древнего сооружения будет более трудно, но 12-фунтовых пушек достаточно, чтобы пробить ее; со взятием же этой башни крепость падет сама собой; задача состоит не в том, чтобы взять Акру, а в том, чтобы взять ее, не потеряв при этом армии; потери очень быстро достигнут 7000–8000 человек, если пойти на риск боев с турками на улицах и в домах», – писал Наполеон.

Однако форт оказался крепким орешком. Его защищали пожилой босниец, бывший раб Джеззар-паша («мясник») и 35-летний Сидней Смит, пожалованный в рыцари шведским королем Густавом Третьим.

Смит был захвачен французами и посажен в парижскую тюрьму за пиратство. Освободил его третий участник обороны крепости. Встреча с этим человеком станет крайне неожиданной для Бонапарта. То был эмигрант-роялист Филиппо, его однокашник по Парижской военной школе, предавший родину.

Оба учились в классе профессора Монжа. Оба в один и тот же день держали экзамен у Лапласа и одновременно начали службу в артиллерии. После революции Филиппо эмигрировал, затем вернулся во Францию осенью 1797 года. После побега сэра Сиднея Смита из Тампля он получил чин полковника английской службы и был направлен в Левант.

Осаждавшие взрывали мины, устраивали ложементы, предпринимали три штурма, неся потери, проникли в крепость и некоторое время оставались там, но это не привело к конечному успеху.

Осажденные делали многочисленные вылазки, гибельные для них, взрывали мины, также устраивали ложементы и получали подкрепления с моря, которые не только восполняли убыль, но и увеличивали их силы.

Бонапарт торопился, однажды послал людей на стены с короткими лестницами, но французы были отброшены.

Во время попытки взрыва большой башни вождь едва не погиб, но охрана заслонила его телами.

Каффарелли, ничего не достигший «подземной войной», призадумался. Стены оказались слишком крепкими, мины нейтрализовывались контрминами, а снаряды заканчивались. Бонапарт стал платить премии за каждое ядро противника, принесенное солдатами.

«Парк платил по 5 су за ядро; солдаты принялись за поиски и за несколько дней доставили 300 ядер обоих калибров; когда же они не смогли больше находить их, солдаты измыслили другие способы добычи; они обратились к кипучим страстям английского коммодора и прибегли к различным хитростям, чтобы разжечь их; то они высылали всадников гарцевать на взморье; то они тащили на дюны бочки и фашины, принимались копать землю, словно сооружали батарею; иногда они также ставили на рейде, близ берега, баркас, который доставили из Хайфы. Как только сэр Сидней Смит замечал, что противник предпринимает какие-то действия под дулами его орудий, он снимался с якоря, шел на всех парусах к берегу и выпускал ядра, которые подбирались солдатами. Вскоре парк был снабжен ими в изобилии», – вспоминает Наполеон.

Возникла ситуация «равновесия». Стороны привыкли друг к другу. «Мы часто купались в море, – пишет Бурьенн, – и иногда англичане, вероятно, будучи навеселе, стреляли по нашим головам; сколько мне известно, это ни разу не причинило нам беды и, уверенные в том, что они не могут в нас попасть, мы почти не обращали на них внимания. Это нас даже забавляло».

Новые полчища пехоты и кавалерии прибыли для помощи осажденным. И французы одерживают феерическую победу у горы Табор, одну из наиболее ярких и эффектных за всю историю войн.

Клебер пошел вслед за Жюно, посланным на разведку у Тивериадского озера, и попал в тяжелое положение. Дамасская армия окружила его на незнакомой местности. Бонапарт вовремя узнал об этом и повел дивизию Бона на помощь товарищу.

Зайдя в турецкий тыл, Бонапарт, как никто другой умевший выбрать лучший психологический момент для нападения, пору раз выстрелил из пушек и дополнил эту демонстрацию меткими ружейными залпами из своего каре. Тем самым он обратил азиатские толпы в позорное бегство. Под хохот французов мамелюки Ибрагим-бея, кавалерия и пехота Дамасского паши устремились к реке Иордан. Несколько тысяч воинов утонули.

«Наполеон взошел на эту гору, имеющую вид сахарной головы и господствующую над частью Палестины. Это сюда, если верить некоторым легендам, диавол перенес Иисуса Христа и предложил ему всю страну, которую можно видеть оттуда, если он поклонится ему», – рассказывает Бонапарт.

Несмотря на эту победу, его настроение не улучшилось. Как обычно, он целиком и полностью – в завтрашнем дне. И пока крепость не взята, он – несчастнейший из людей.

Дело принимало серьезный оборот. Он обращается к «Звезде» и умоляет не оставить его в трудную минуту. Что делать? Можно взять Дамаск за пару дней, но следует ли так рисковать, разбрасывая части малой армии на широком пространстве?

18 апреля Наполеон устроился на покой в Назаретском монастыре. Солдаты побывали на месте, где Юдифь отрубила голову Олоферну, и восхищались чудом «в Кане старой». Они присутствовали при органном исполнении «Te Deum». Монахи-францисканцы (испанцы и итальянцы) показали им грот благовещения, где богоматери явился ангел Гавриил. В монастыре разместили раненых, монахи ухаживали за ними. В погребах нашлось хорошее вино.

Бонапарт возвращается к крепости. Солдаты вновь паникуют – чума поразила еще 270 человек.

Два 80-пушечных корабля хозяйничают в бухте, подвозя подкрепления. В самой крепости Филиппо и группа английских моряков оказывают квалифицированную помощь «мяснику».

Джеззар-паша был на виду, вдохновлял янычар и платил звонкой монетой за каждую голову «неверного».

Несколько раз он был на грани отчаянья. В конце марта Джеззар погрузил на суда свои сокровища и жен, затем отправился на корабль и оставался на его борту всю ночь. Ожидали штурм и взятия крепости, но французам не удалось сделать решающего усилия.

К концу апреля «мясник», не надеясь более удержать город, стал обдумывать план эвакуации. И тут Филиппо, руководивший обороной, дал дельный совет. Он сказал паше: «Вы превосходите противника своей артиллерией; ваш гарнизон на треть сильнее осадной армии; вы можете потерять столько же людей, не подвергаясь при этом опасности, так как вместо одного убитого вы получите трех новых солдат. Стоящая перед вами осадная армия насчитывает теперь не более 6000–7000 человек, поскольку часть ее используется для наблюдения на Иордане или же несет гарнизонную службу в Яффе, Хайфе, Газе, Аль-Арише или, наконец, сопровождает караваны. Если бы ваш гарнизон был столь же дисциплинированным, сколь и отважным, я предложил бы вам посадить большую часть его на суда и высадить близ Набуллуса, чтобы вести военные действия на тылах французской армии и тем заставить противника снять осаду; но те примеры, которые каждый день показывают нам различные вылазки, пример Дамасской армии, разбитой на Ездрилонской равнине горстью людей, убедительно свидетельствуют о том, каков был бы исход подобного предприятия. У вас остается одно средство спасения – идти на врага, пользуясь линиями контратаки. У вас есть рабочие руки, в изобилии имеется инструмент, тюки хлопка и шерсти, бочки, лесные материалы, мешки для песка – в этой войне преимущество будет на вашей стороне; она утомит осаждающих, будет им стоить больших потерь, а это подорвет их

силу, поскольку у них нет никаких источников пополнения; тогда по прибытии Родосской армии вы сможете заставить их снять осаду».

Этот проект был принят Джеббар-пашой. Осажденные выиграли еще пятнадцать дней, что дало им возможность получить помощь.

Смертельно ранен человек, являвшийся душой экспедиции, – ученый и инженер Каффарелли. Ему оторвало руку.

Он умер, «произнося очень яркую речь о народном образовании и отсутствии надежды на успешное функционирование центральных школ и вообще системы, которой придерживались до этого времени».

Напоследок Каффарелли попросил «любезного Бурьенна», чтобы тот прочитал ему предисловие Вольтера к «Духу Законов» Монтескье.

Луи Мари Жозеф Каффарелли дю Фальга. «Отечество потеряло в нем одного из самых славных своих защитников, общество – добродетельного гражданина, науки и искусства – отличного ученого, инженеры – начальника, исполненного знаний и способностей, солдаты – товарища по оружию, полного храбрости и деятельности, опытность – одного из лучших своих генералов», – писал Александр Бертье.

Погибнет и молодой, талантливый ученый Сэй, командир инженерного батальона. Он был ранен ядром в руку, а затем умер в Кесарии после ампутации.

Пали в боях дивизионный генерал Бон, бригадный генерал Рамбо, нашел свою смерть адъютант Бонапарта Круазье, без нужды взошедший на батарею.

«На этом месте, – пишет Бурьенн, – высокий рост его привлекал на себя без пользы выстрелы неприятельские.

– Круазье, сойди, приказываю тебе: тут тебе нечего делать! – закричал ему Бонапарте громким, повелительным голосом.

Круазье продолжал стоять, ничего не ответствуя; через минуту пуля прострелила ему правую ногу. Отнятие оной не казалось необходимым. В день отъезда его положили на носилки. Шестнадцать человек несли его попеременно, сменяясь по восьми».

Ранены Ланн, Дюрок, капитан Евгений Богарне, задет и сам Наполеон.

Некоторые генералы (говорили даже о Доммартене) были напуганы планами Бонапарта двинуться на Персию и Индию, и не очень усердствовали.

Чума свирепствовала и в крепости. От солнечного удара умер Филиппо.

«Это был человек ростом в 4 фута 10 дюймов, но крепкого сложения, – вспоминал Наполеон. – Он оказал важные услуги, однако на сердце у него было беспокойно; в последние минуты жизни он испытывал сильнейшие угрызения совести; он имел случай раскрыть свою душу французским пленным. Он негодовал на самого себя за то, что руководил обороной варваров против своих; родина никогда не теряет полностью своих прав!»

Хотя половину осадной артиллерии все же удалось доставить до места, сумма отрицательных факторов для Бонапарта превысила допустимый предел.

Казалось, что к маю 1799 года Египет, после успехов Дезе, был окончательно покорен. Ни тут-то было! Поступили известия о новом грозном восстании, которое возглавил некий Мавла-Мухаммад, магрибинец, провозгласивший себя «Аль-Махди», то есть спасителем и вождем, призванным установить на Земле справедливость. Он быстро приобрел множество сторонников и окружил себя учениками. Мавла-Мухаммад заявил, что пушки и ружья французов не подействуют на тех, кто встанет под его знамена. Более того, при виде этих людей с твердыми убеждениями французы побросают оружие и станут беззащитными.

Толпы мятежников овладели Даманхуром и истребили французский гарнизон. Полковник Лефевр выступил из форта Рахмания с малым отрядом (Бертье говорит о двухстах солдатах, Наполеон о четырехстах) и вскоре был окружен фанатиками. Лефевр построил батальонное каре, выдержал неравный бой, истребил множество повстанцев («поражал их до 6 часов вечера», – уточняет Бертье) и вернулся в форт.

Даманхур был сожжен. Доверие к магрибинскому вождю упало, но страна вновь была охвачена мятежом.

«Природа восстания, – напишет Бонапарт Директории 19 июня, – заставила меня ускорить возвращение в Египет».

К тому же, в ходе бесед с Филиппо, регулярно происходивших в траншее, он узнал об образовании новой европейской коалиции против Франции.

Он более не думал о походе в Индию.

Моральные оправдания

«Я был суров по праву войны, что было продиктовано тогдашним моим положением».

О событиях в Яффе Наполеон полтора десятка лет спустя рассказал лорду Эбрингтону, посетившему его на острове Эльба: «В Яффе я действительно приказал расстрелять около двух тысяч турок. Вы находите, что это чересчур крутая мера? Но в Аль-Арише я согласился на их капитуляцию под условием, что они возвратятся в Багдад. Они нарушили это условие и заперлись в Яффе; я штурмом взял этот город. Я не мог увести их с собой в качестве пленных, потому что у меня было очень мало хлеба, а эти молодцы были слишком опасны, чтобы можно было вторично выпустить их на свободу, в пустыню. Мне ничего другого не оставалось, как перебить их».

Удивительное дело! Умертви французы всех находившихся в крепости янычар, никто бы не бросил им слова упрека – тем более, после того, как эти варвары убили парламентаров и глумились над трупами.

Но французы вначале пощадили неприятеля и обещали сохранить жизнь пленным, а затем перебили несчастных. При этом взятые при Аль-Арише янычары составляли не более одной трети гарнизона Яффы.

Тяжелую моральную травму получил Евгений Богарне – именно он обещал обреченным жизнь, если те сдадутся в плен.

Приукрасил ли Наполеон картину, пытаясь оправдаться? Сколько было расстрелянных – две, три, четыре тысячи?

Безусловно, отпусти он их еще раз «под честное слово», они без зазрения совести продолжили бы свой варварский промысел.

Решение о расстреле пленных было принято на военном совете, продолжавшемся три дня. В нем участвовали Бертье, Клебер, Ланн, Бон, Каффарелли и еще несколько генералов. Предлагалось препроводить албанцев в Египет, но это потребовало бы отвлечения сил на эскорт.

Легко осуждать, и не стоит оправдывать. «Законы военного времени» принимают не парламенты, а вожди, скованные тяжкими обстоятельствами.

Наполеон рассказывал разным людям, что хотел приказать врачам отравить опиумом некоторое число больных в своей армии. Все участники событий, в том числе главный врач Сирийской армии доктор Деженетт и «мюнхенский врач» Ассалини, недолюбливавший Наполеона, признавали, что он проявлял заботу о больных и раненых солдатах.

«Он сделал то, чего ни один полководец до него не делал: посетил лазареты, где лежали чумные больные, беседовал с ними, выслушивал их жалобы, лично проверял, в какой мере врачи исполняют свой долг. При каждом передвижении своей армии, особенно при отступлении от Сен-Жан-д'Акр, он величайшее внимание уделял лазаретам. Разумными мерами, принятыми им для того, чтобы вывезти больных и раненых, а также хорошим уходом, которым они пользовались, он снискал похвалу англичан».

«Во время отступления от Сен-Жан-д'Акр Ассалини, подавший главнокомандующему рапорт, из которого явствовало, что перевозочных средств для больных не хватает, получил приказ выехать на дорогу, захватить там всех обозных лошадей и даже отобрать лошадей у офицеров. Эта суровая мера была проведена полностью, и ни один из больных, на исцеление которых, по мнению врачей, оставалась хоть какая-нибудь надежда, не был брошен» (Стендаль).

Лорд Эбрингтон спросил Наполеона об отравлении безнадежно больных солдат опиумом.

Тот ответил: «В этом есть доля правды. Несколько солдат моей армии заболело чумой; им оставалось жить меньше суток; надо было немедленно выступить в поход; я спросил Деженетта, можно ли взять их с собой; он ответил, что это связано с риском распространить чуму в армии и к тому же не принесет никакой пользы людям, вылечить которых невозможно. Я велел ему прописать им сильную дозу опиума и прибавил, что это лучше, чем отдать их во власть турок. Он с большим достоинством возразил мне, что его дело – лечить людей, а не убивать их. Может

быть, он был прав, хотя я просил его сделать для них только то, о чем сам попросил бы моих лучших друзей, окажись я в таком положении. Впоследствии я часто размышлял об этом случае с точки зрения морали, спрашивал у многих людей их мнение на этот счет, и мне думается, что, в сущности, все же лучше дать человеку закончить путь, назначенный ему судьбою, каков бы он ни был. Я пришел к этому выводу позже, видя смерть бедного моего друга Дюрока, который, когда у него на моих глазах внутренности вывалились на землю, несколько раз горячо просил меня положить конец его мучениям; я ему сказал: «Мне жаль вас, друг мой, но ничего не поделаешь; надо страдать до конца».

А вот что он добавил на Святой Елене: «... у меня было сто человек, безнадежно больных чумой: ежели бы я их оставил, то их всех перерезали бы турки, и я спросил у врача Деженетта, нельзя ли дать им опиум для облегчения страданий: он возразил, что его долг только лечить: и раненные были оставлены. Как я и предполагал, через несколько часов все они были перерезаны».

Спрашивайте, спрашивайте, пока Наполеон добрый!

Лорд Эбрингтон задал и третий вопрос: правда ли, что Бонапарт собирался принять мусульманство?

«Вы не можете себе представить, – ответил Наполеон, – сколь многого я добился в Египте тем, что сделал вид, будто перешел в их веру».

Обратный путь ужасен

Наполеон снял осаду Сен-Жан-д'Акра 20 мая.

Шесть дней осадная артиллерия вела непрерывный огонь, прикрывая отход армии.

Два месяца героических усилий под стенами крепости оказались бесплодными, жертвы напрасными.

1 200 убитых, 1 000 умерших от чумы, 2 300 раненых и больных – таков печальный итог авантюры. Многие солдаты ослабли физически из-за резких погодных перемен.

Потери врагов исчислялись десятками тысяч, но кого это утешит?

Тем не менее, Бонапарт предпринимает традиционный пропагандистский ход. Приказ по армии живописует и преувеличивает ее подвиги.

«Солдаты!

Вы перешли через пустыню, отделяющую Африку от Азии, с большей быстротой, чем это могла бы сделать армия, состоящая из арабов. Армия, которая выступила в поход для завоевания Египта, уничтожена, вы захватили ее командующего, парки, обозы, бурдюки, верблюдов.

Вы овладели всеми крепостями, защищающими колодцы пустыни. Вы рассеяли на поле сражения у горы Табор орды, сбежавшиеся со всей Азии в надежде на ограбление Египта. Наконец, после того как с горстью людей мы в течение трех месяцев вели войну в сердце Сирии, захватили 40 пушек, 50 знамен, 6 000 пленных, сравняли с землей укрепления Газы, Яффы, Хайфы, Акры, нам предстоит вернуться в Египет; наступление времени, благоприятного для высадки войск, требует моего возвращения туда.

Через несколько дней вы могли надеяться захватить самого пашу в его же дворце. Но в это время года взятие замка Акры не стоит потери нескольких дней. К тому же храбрецы, которых мне пришлось бы там потерять, необходимы сегодня для более важных операций.

Солдаты, мы стали на утомительный и опасный путь. Мы лишили Восток возможности что-либо предпринять против нас в ходе этой кампании, но нам придется, быть может, отражать нападения части Запада. Вы найдете при этом новые возможности покрыть себя славой; и если среди стольких боев каждый день приносит смерть какого-нибудь храбреца, нужно, чтобы появлялись новые храбрецы, способные в свою очередь занять место в той немногочисленной шеренге бойцов, которая в час опасности придает всем энергию и завоевывает победу».

И пошли они, солнцем палимые, – в обратный путь, куда более страшный, чем зимний марш. Вновь солдаты сходили с ума от жары.

«В июне пустыня очень сурова, она несколько не похожа на ту же пустыню в январе; тогда все было легко, теперь все стало трудно. Песок был раскаленным, солнечные лучи – невыносимыми», – признает Наполеон.

Видя страдания раненых, он приказывает отдать им всех своих лошадей. Офицеры штаба

следуют его примеру.

Один раненый гренадер боится запачкать красивое вышитое седло и стоит в нерешительности.

– Ступай, – сказал ему главнокомандующий, – нет ничего чересчур красивого для храбреца.

Офицеры немногочисленной кавалерии спешили и также отдали всех своих лошадей. Убедившись, что все раненые уехали, Бонапарт оседлал арабского скакуна.

Однако вскоре и он идет пешком, а когда ему предложили лошадь, Бонапарт ударил конюшего хлыстом по лицу:

– Чтобы все шли пешком, черт побери! Я первый; разве вы не читали приказ? Вон!

Так поступал Александр Великий: его армия умирала от жажды, врач Филипп поднес ему последний кубок вина, и царь вылил его в песок.

Не получилось передать больных и раненых на суда. Перре почему-то уплыл в Александрию, не взяв этих несчастных. Когда позднее немногих все же поместили на корабли, те попали в руки англичан.

Не выдержал адовых условий марша через пустыню и скончался 57-летний Жан Мишель Вантюр де Пароди, востоковед и переводчик Бонапарта.

Испустил дух храбрый Круазье. «Я принял последнее его прощение, между Газою и Аль-Аришем, где он скончался, – говорит Бурьенн. – Скромная могила его не часто будет тревожима».

«Я видел, что сбрасывали с носилок изувеченных офицеров, коих приказано было нести, и которые даже заплатили за этот труд деньги. Я видел, что покидали в степи изувеченных, раненых, зачумленных или даже только подозреваемых в зачумлении. Шествие освещалось горящими факелами, коими зажигали городки, местечки, деревни и покрывавшую землю богатую жатву. Вся страна пылала».

Может быть, это клевета? Но картины очень похожи на те, что рисуют свидетели отступления двенадцатого года.

Вновь возникла угроза мятежа. Люди, не стесняясь, выговаривали Бонапарту свои претензии. Они совершали подвиги и погибали, увеличивая его славу, – и что из этого вышло?

Но, правда и то, что ему уступали тень.

Так шел он из Сирии. Так шел он из Москвы.

«Они ворчат, но всегда следуют за ним».

Третьего июня уцелевшие увидели оазис Катии.

Бонапарт нашел силы, чтобы осмотреть Тину и Пелузий. Он прогулялся по берегу, на котором был убит великий Помпей.

Снова Абукир

Бонапарт дал людям отдохнуть и набраться сил.

Он хорошо подумал о том, как воздействовать на умы. Бертье послал вперед генерала Бойе, чтобы тот оповестил власти в Каире о предстоящем возвращении победоносной армии.

14 июня она торжественно вступила в Каир через ворота Побед. Сановных пленников, отбитые у турок бунчуки и знамена препроводили в Каирскую цитадель. Объявили, что много таких трофеев следует за армией. Носилки с ранеными, среди которых были Ланн и Дюрок, доставили в город в разные дни и без лишнего шума.

Пока Бонапарт был в Сирии, французские власти в Египте, не будучи ни в чем уверенными, действовали осторожно. Влиятельным египтянам оказывали знаки внимания.

Слухи о поражении Сирийской армии и гибели «султана Кебира» решительно пресекли шейхи мечети Аль-Азхар, обратившиеся к народу со следующим воззванием: «Прибыл в Каир бережно хранимый вождь французской армии генерал Бонапарт, который любит религию Магомета. Он остановился со своими солдатами в Куббе, здоровый и бодрый, и возблагодарил господ за милости, которыми тот его осыпает... Было праздником видеть солдат в добром здравии... Этот день был великим днем, таких никогда не было видано. Все жители Каира вышли ему навстречу. Они увидели и признали, что это действительно главнокомандующий Бонапарт

собственной персоной; они убедились, что все, что говорилось о нем, – ложно... Жители Верхнего Египта изгнали мамелюков ради своей безопасности и безопасности своих семей и своих детей, потому что наказание злых влечет за собой погибель добрых их соседей... Мы уведомляем вас, что Джеззар-паша, прозванный так за великие свои жестокости, ибо не делал никакого различия между своими жертвами, собрал множество злодеев, коих обнадежил обещаниями грабежа и насилий, и хочет прийти сюда, чтобы овладеть Каиром и провинциями Египта... Главкомандующий Бонапарт выступил в поход и разбил солдат Джеззара; он взял форт Аль-Ариш и все бывшие в нем запасы... Он пошел затем на Газу, разбил все войска Джеззара, которые там находились, и они обратились перед ним в бегство, как птицы и мыши бегут от кошки... Прибыв в Рамлу, он снова захватил запасы Джеззара и две тысячи прекрасных бурдюков, которые были приготовлены там для похода в Египет, да предохранит нас от него Господь. Затем он отправился к Яффе и три дня осаждал ее; и так как заблудшие жители не пожелали подчиниться и признать его, отвергли его покровительство, он в гневе своем и по воле направляющей его силы предал их грабежу и смерти; около пяти тысяч погибло; он сравнял с землей их валы и дал разграбить все, что находилось за оградой. Это дело рук Божьих, ибо Бог велит вещам быть и они суть. Он пощадил египтян, почтил их, накормил и одел. В Яффе находилось около 5 000 человек войск Джеззара, он их уничтожил всех, лишь очень немногие спаслись бегством. Из Яффы он двинулся к горе Набуллус, в место, именуемое Кайюн, и сжег на горе пять деревень. Случилось то, что было записано в книге судеб; господин Вселенной всегда действует одинаково справедливо. Потом он разрушил стены Акры, не оставив камня на камне, и превратил их в кучу обломков, так что люди спрашивают, стоял ли когда город на этом месте... Таков конец построек, возведенных тиранами. Затем он вернулся в Египет по двум причинам: во-первых, чтобы сдержать обещание, данное египтянам, – возвратиться к ним через 4 месяца, а обещания суть для него священные обязательства; во-вторых, потому, что, как он узнал, некоторые злодеи из числа мамелюков и арабов в его отсутствие сеяли смуту, подстрекали к волнениям... Прибытие его рассеяло все эти слухи, все, к чему он всегда стремился, – это уничтожение злых, а мечта его состоит в том, чтобы делать добро добрым... Вернитесь же к Богу, творения Божьи; подчинитесь велениям его – земля принадлежит ему; следуйте его воле и знайте, что он обладает могуществом и передает его кому захочет: это то, во что он приказал вам верить... Когда главкомандующий прибыл в Каир, он дал знать Дивану, что любит мусульман и обожает пророка... что он обучается Корану, который всякий день читает со вниманием... Мы знаем, что он намерен воздвигнуть мечеть, которая не будет иметь равных во всем мире, и принять религию Магомета».

Наверное, это могло кого-то обмануть, но не сообразительного мамелюка Рустама. Вот что он вспоминает: «После этой неудачи Бонапарт часто надевал турецкие одежды и говорил, что не вернется больше во Францию, примет обрезание и станет королем Египта. Все верили, но он распространял эти слухи для того, чтобы обмануть турок. И в самом деле, дней через десять-двенадцать стало известно, что турецкая армия подошла к Абукиру. Наполеон с Мюратом сразу же отправились в Александрию, чтоб возглавить расположенное там французское войско».

И сэр Сидней Смит смотрел на события не так, как шейхи мечети Аль-Азхар. Он убедил султана собрать новую армию: французы понесли потери, они деморализованы, настало время полностью вытеснить их из Африки и Азии.

Бонапарт принял решение вернуться во Францию, и его действия теперь подчинялись только этой логике. 21 июня, то есть через неделю после вступления в Каир, он дает секретный приказ Гантому подготовить фрегаты «Мюиرون» и «Ла Карьер» венецианской постройки и две маленьких шебеки – «Реванж» и «Фортюн».

В те дни во Францию был отправлен курьер, и секретарь Бурьенн воспользовался этой возможностью, чтобы написать жене: по его словам, он «почти навеки с ней попрощался».

Но немедленно покинуть Египет Бонапарт не мог. Английские суда совсем близко, к тому же в стране начались восстания. Мурад-бей готовил новое нападение.

Бонапарт взял заложников. Это ничуть не помогло. Фанатики убивали французов из-за угла.

Тогда он приказал казнить тридцать два человека по сфабрикованным на скорую руку обвинениям.

Об этом узнали в Институте. 29 июня на публичном заседании доктор Деженетт бросает вызов тирану и обвиняет его в произволе. Ранее этот мужественный человек отказался подписать документ, в котором Бонапарт хотел объяснить свое отступление из Сирии одной лишь чумой.

Деженетту все сошло с рук, но атмосфера накалилась до предела.

Доктор прав – Бонапарт стал настоящим тираном. Он не просто *живет на свете*. Он правит всем, к чему прикасается. Неспроста он все знает про королей и князей – сколько у них людей, войск, доходов. Ведь он намерен пользоваться всем этим. *Его* Италия, *его* Египет. Скоро и Франция станет *его женщиной*.

И горе тому, кто встанет на пути!

11 июля турецкий флот, сопровождаемый английской эскадрой Сиднея Смита (Наполеон писал, что там были и русские), бросил якорь в Абукирской бухте. Старец Мустафа-паша привел 15 тысяч янычар Родосской армии, которые с ходу захватили французские батареи.

Однако затем турецкий генерал замешкался, не смог взять Абукирскую цитадель, и Бонапарт нанес контрудар страшной силы.

Какая воля! Кажется, что весь мир против него. Флот уничтожен, связь с Францией оборвана, более пяти тысяч его солдат погибли в Египте и в Сирии, а подкреплений нет. Со всех сторон ему доносят о подготовке новых восстаний, а в большой мечети Каира нашли 5 тысяч ружей, много патронов, копий и пик. Не удалось договориться ни с султаном, ни с беями (он обращался к ним неоднократно). Жена его забыла, а любовная интрига скомпрометировала. Луи покинул Египет раньше брата – еще в марте. Другие (Бертье, Клебер, Мену, Дюма) тоже просили увольнения: он отпустил одного Дюма. Провальный Сирийский поход опустошил казну Восточной армии. В штабе заговор: Бонапарта хотели схватить и доставить в Александрию договариваться с англичанами (возьмите назад свой Египет, но верните нас на родину!)

Ни похож ли он на затравленного Помпея? Ничуть!

Вновь пройдя пустыню по июльскому пеклу от Каира до Александрии, Бонапарт бросил 10 000 солдат против свежей армии янычар. Те не успели получить конвой с лошадьми, а у Бонапарта были всадники Мюрата.

С утра 25 июля французская пехота прорвала три линии окопов, а после полудня по врагу ударил великий кавалерист. Он сражался с самим турецким генералом и был ранен в щеку.

«Вскоре пришло известие, – говорит Рустам, – что возле Абукира Наполеон дал туркам бой, разбил их и что множество турок убито и взято в плен. Генералу Мюрату удалось даже пробраться на флагманский корабль турецкого флота, вступить с турецким адмиралом в поединок, отрубить ему два пальца и взять в плен».

Захвачен весь штаб янычар, а пехотинцы сброшены в море. Остатки погибшей армии заперлись в цитадели и вскоре сдались.

Раненый Сидней Смит едва не попал в плен и с трудом добрался до катера.

Море выбросило тысячи тюрбанов и шалей.

Вождь держит слово

Газеты двухмесячной давности, полученные от англичан, сообщали о весеннем наступлении Суворова и французских неудачах в Италии.

Час, назначенный Судьбой, настал!

«На войне нужно пользоваться всякой случайностью, ибо судьба – женщина; если сегодня вы ее упустите, не надейтесь поймать завтра».

В том, что он имеет полное право покинуть армию, герой не сомневается: «Ему была предоставлена от правительства свобода действий как в отношении мальтийских дел, так и в отношении египетских и сирийских, равно как и константинопольских и индийских. Он имел право назначать на любые должности и даже избрать себе преемника, а самому вернуться во Францию тогда и так, как он пожелает. Он был снабжен необходимыми полномочиями (с соблюдением всех форм и приложением государственной печати) – для заключения договоров с Портой, Россией, различными индийскими государствами и африканскими владетелями. В дальнейшем его присутствие являлось столь же бесполезным на Востоке, сколь оно было необходимо на Западе».

Но кого оставить вместо себя? Он думал о том, чтобы взять с собой всех лучших генералов: Дезе, Клебера, Ренье, а войско доверить Ланюссу, но все же решил возложить командование на Клебера.

Но как тот отнесется к столь неожиданному и не слишком радостному повышению? Как сказать ему об этом?

Клебер и без того не любил Бонапарта, и разговор предстоял тяжелый. Последний назначил встречу, но затем ограничился тем, что оставил письмо с инструкциями. А Дезе он приказал вернуться во Францию, воспользовавшись зимней непогодой.

Наполеон продиктовал три записки о положении дел и своих планах, в которых изложил принципы управления Египтом (араб – враг турок и мамелюков; нужно «убедить мусульман в том, что мы любим Коран и уважаем пророка»; Мурад-бей и Ибрагим-бей можно сделать союзниками французов, возведя их в княжеское достоинство, а других беев – произведя в генералы и вернув их владения (сам Бонапарт не смог этого добиться, но предлагал другим) и т. д.).

Он говорил о торговле и фортификациях, портах и столицах, о лазаретах и санитарных правилах, о форме солдат, которую следует видоизменить в соответствии с местными традициями.

Продолжал надеяться на улучшение отношений с турками, которые «хорошо знают, что нас интересует не их территория, а Индия; что мы не стремимся унижить на берегах Нила полумесяц, а преследуем там английского леопарда».

И понимал, откуда придет погибель: «Со взятием Александрии Египет будет потерян для Франции».

Его последний приказ был короток и сух. Он не содержал и малой толики былой наступательной мощи: «Солдаты, известия, полученные из Европы, побудили меня уехать во Францию. Я оставляю командующим армией генерала Клебера. Вы скоро получите вести обо мне. Мне горько покидать солдат, которых я люблю, но это отсутствие будет только временным. Начальник, которого я оставляю вам, пользуется доверием правительства и моим».

Как Наполеон подытожил свои деяния?

С обезоруживающей простотой произносит он следующие слова, побеждающие жестокую реальность: «Он отплыл из Тулона 19 мая 1798 года. Следовательно, он находился вне Европы 16 месяцев и 20 дней. За этот короткий срок он овладел Мальтой, завоевал Нижний и Верхний Египет; уничтожил две турецкие армии; захватил их командующего, обоз, полевую артиллерию; опустошил Палестину и Галилею и заложил прочный фундамент великолепнейшей колонии. Он привел науки и искусства к их колыбели».

Разве ни с той же интонацией скажет он о гибельной кампании 1812 года: «Я разбил русских во всех пунктах»? или о Лейпцигской битве, в которой окончательно потеряет Европу («Французская армия вышла победительницей»)?

Жизнь не согласуется со словом? Тем хуже для нее!

Планы колонизации Египта провалились. Кто мог теперь мечтать, например, о поставках египетской пшеницы во Францию? Однажды Бонапарт опрометчиво пообещал армии завезти в Африку парижских проституток, но оказался неспособным выполнить даже это.

«В это время поползли слухи, – вспоминает Рустам, – что Бонапарт решил вернуться во Францию. Он сказал своему переводчику господину Элиасу, чтобы тот отобрал мамелюков для службы у него. И вот господин Элиас пришел к Аль-Баكري в гости и выбрал для генерала двух мамелюков. А мне сказал, что если я захочу, он может устроить меня при Наполеоне. И даже добавил:

– Французы народ добрый, и все христиане».

Вскоре Рустам стал слугой Бонапарта, и они поехали в Александрию.

«Часам к десяти вечера мы добрались до какого-то местечка между Александрией и Абукиром и здесь, на берегу Средиземного моря, разбили палатки, велели готовить ужин. Я заметил в открытом море два военных корабля и спросил мосье Евгения, адъютанта главнокомандующего, что это за корабли и кому они принадлежат. Но мосье Евгений не хотел говорить мне правду и сказал, что это турецкие военные корабли, на самом же деле корабли были французские и прибыли они за нами. Я узнал об этом только вечером, а так как днем было жарко,

я пошел искупаться в море. Но за мной тут же пришел дворцовый смотритель... и велел выйти из воды. Я пошел в свою палатку и пока ел, чувствовал вокруг какое-то необычное оживление. Солдаты собирали вещмешки, а кавалеристы передавали своих коней тем, кто должен был остаться.

Я спросил Жобера, одного из переводчиков Наполеона:

– Что все это значит? Все такие веселые...

– Мы едем в Париж – большой и прекрасный город! Эти два военных корабля увезут нас во Францию.

Приказали и мне сдать своего коня. Я взял с собой только небольшой мешок, в котором были две рубашки и кашемировый шейный платок...

И вот вместе с офицерами мы вышли из шатров, сели на челноки, находившиеся на расстоянии четверти мили от палаток, и поплыли к кораблям.

Море было беспокойно, волны стеной вставали над головой и окатывали нас. На этом коротком пути все заболели морской болезнью, а я наоборот, так хорошо себя чувствовал, что все время хотел есть».

«Наконец поздно вечером мы поднялись на корабль и сразу же снялись с якоря. Все, кроме меня, были очень довольны. Я целый день не видел генерала, а все на корабле, чтобы подразнить меня, говорили, что как только приедем во Францию, мне отрубят голову, потому что так поступали мамелюки с пленными французами.

На третий день плавания я кое-как дал понять Жоберу, который владел также и арабским, что мне надо сказать генералу что-то важное. В тот же день меня повели к Наполеону, и он спросил:

– Ну, как дела, Рустам?

Я ответил:

– Неплохо, но вот только не знаю, что будет со мной после.

Он удивился:

– Почему?

– Все говорят, что как только мы приедем во Францию, мне отрубят голову. Если это так, зачем зря мучить меня? Пусть сейчас же сделают то, что хотят.

Генерал с обычным своим добродушием потянул меня за ухо и рассмеялся:

– Глупости они болтают. Не бойся, вот мы скоро будем в Париже, и ты увидишь, сколько там роскоши и красивых женщин! И мы все почувствуем себя гораздо счастливее, чем в Египте».

Бонапарт взял с собой на борт корабля «Мюирер» Бертье, Монжа, Бертолле, Богарне и Бурьенна. На «Ла Карьере» плыли Ланн, Мюрат, Мармон, господа Парсеваль-Гранмезон и Денон.

Бонапарт выполнит обещание, данное последнему, и доставит его домой целого и невредимого.

Увидев Парсеваль в лодке, Наполеон возмутился, однако Монж, Бертолле, Гантом и Бурьенн с трудом убедили сурового начальника взять поэта.

Парсеваль делал переводы «Освобожденного Иерусалима» Тассо, но не написал и строчки об освобожденном от мамелюков Египте.

А как же шесть арпанов земли для каждого солдата?

Правительство умных и талантливых

Нет, это не аргонавты.

Два фрегата венецианской постройки трусливо крадутся, часто останавливаясь. Моряки адмирала Эльфинстоуна их видят, но принимают за рыбацкие шхуны.

Между тем, на одном из них плывет будущий диктатор и император Запада. С ним – небольшая армия. Кроме людей близких, без кого не может обойтись в повседневной жизни, он взял с собой Бессьера, Дюрока, Андреосси, Лавалета, несколько сот человек охраны, отряд мамелюков.

– Что вы предпримите, если англичане нас обнаружат? – спросил Бонапарт. – Вяжетесь в бой? Невозможно. Сдадитесь? К этому вы не более склонны, чем я. Следовательно, остается

лишь одно: в случае необходимости взорвать корабли.

Человек рока не шутит. Все молчат.

– Эту задачу я поручу выполнить вам, – говорит Бонапарт смертельно бледному Монжу. И улыбается.

Через несколько дней навстречу попался корабль, принятый за английский. Бывший якобинец Монж скрылся, чтобы занять боевую позицию у порохового погреба.

Бонапарт играет в карты и в шахматы. Бурьенн говорит, что, выиграв партию, генерал «тотчас переставал играть, чтобы остаться на лаврах».

А на горизонте, в утренней дымке, возникает остров. Капитан ищет его на карте. Бонапарт подходит к нему и объясняет:

– Это Корсика!

Стоит ли бросать якорь? А если и этот остров потерян для Франции, как далекие колонии?

Разведчики машут флагами – гавань свободна!

«... пока бросали якорь, – говорит Рустам, – мы видели, как плывут к нам лодки со знатными людьми и красивыми женщинами Аяччо, чтобы поздравить генерала с благополучным возвращением».

Толпа жителей острова выходит навстречу посетителям, все тянут руки, каждый выдает себя за родственника Бонапарта.

– Сынок, сыночек дорогой!

Кто так обращается к великому герою? Да это же нянюшка!

Его чело просветлело, он ласково ответил на приветствие. Он искренне рад и растроган, он полон воспоминаний.

А вот и дом родной, недавно оставленный мамой.

Здесь олеандр, зеленый вечно, оливы смуглые висят.

Оливковая роща, принадлежавшая семейству Буонапарте. Деньги – редкость, они были нужны лишь для покупок одежды и мебели. Простая мельница, печь, свое вино. Товар на товар, услуга за услугу.

Древний флорентийский род. Много гласных в имени.

Настанет время, и родители отправят среднего сына Наполеоне на учебу во Францию. Вострушек, цепкий и немного задиристый, поплывет к ближним берегам – вместе с отцом и старшим братом. Учителя военной школы обучат его опасному делу.

Уж он покажет этим французикам, поработителям родины! Связываться с ним опасно. Он не агрессивен, но всегда давал сдачи. Одиночество совсем его не пугало. Зачем тратить время на пустые разговоры, когда есть столько интересных книг?

После провинциальной школы была элитная Парижская.

Артиллерист. Самая прогрессивная часть войска, ремесло, требующее глубоких познаний.

Наполеоне – не школяр. Он – деятельный участник стрельбищ и испытаний, которые проводили передовые военные-математики, заметившие таланты юного островитянина.

Что питало мозг невероятного существа? Какие книги читал юноша в тиши каморки или мансарды?

Он не развлекался с девушками. Он помогал нуждавшейся семье и изучал историю Рима. Его корни – там.

Отец умер, не прожив и сорока. Наполеоне понимал, сколь ответственен каждый шаг. Многодетная семья зависела от его денежных переводов, брат Луи делил с ним ночлег, расположившись на полу.

Мама ждала, надеялась – и не зря. Он все преодолел, он почти достиг вершины. И сейчас видит родину в последний раз.

Рустаму очень понравилось на Корсике: «... уже начался сбор урожая, было полно винограда и особенно очень сочного инжира. Начались для нас дни сплошного праздника, тем более что в Египте мы ничего подобного не видели. Красивые женщины, видимо, из-за того, что я чужестранец, были крайне внимательны и любезны со мной».

Зная, что во французском порту надо будет проходить длительный карантин, Бонапарт волновался. Его крайне тяготило положение человека, зависимо от случайностей морского плавания, а впереди ждала новая неопределенность. Что думает Франция? Что она знает о

положении в Египте? Дошли ли известия о победе при Абукире?

Бурьенн говорит о том, что генерал хотел плыть в Италию, чтобы восстановить там славу французского оружия. Он приписывает Бонапарту следующие рассуждения: «Без этого проклятого карантина, пристав к берегу, я тотчас бы отправился для принятия предводительства над Итальянской армией. Есть еще средства. Я уверен, что ни один генерал не откажется уступить мне начальство. Весть об одержанной мною победе пришла бы в Париж вместе с известием об Абукирской битве. Это произвело бы хорошее действие».

Он нетерпелив и «теряет голову». И будто уверен, что генералы, наделенные полномочиями правительства, уступят ему командование своими частями.

И снова в путь. Они плыли из Египта сорок семь дней – целую жизнь.

«Примерно в семи милях от Тулона на горизонте показались семь английских кораблей, – говорит Рустам. – Адмирал Гантом приказал занять оборонительные позиции и в то же время специально для Бонапарта велел спустить в море шлюпку и незаметно привязать к военному кораблю. На всякий экстренный случай.

Англичане даже с такой дали начали обстрел наших кораблей. Гантом понял, что в Тулон зайти нам не удастся, велел переменить курс и направиться к Провансу, во Фрежюс. Порт этот был недалеко, уже виднелся берег, так что очень скоро мы дошли до пристани. Англичане проплыли мимо нас, несколько раз стрельнули из пушек, но мы уже не боялись их – береговая артиллерия защищала нас.

Генерал тотчас же послал господина Дюрокана берег, чтобы известить о нашем прибытии. После этого береговая артиллерия дружными залпами приветствовала нас, и наши два военных корабля ответили пятьюдесятью залпами. Потом мы сошли на берег, и так как до города было не больше четверти мили, пошли пешком.

Рано утром Бонапарт принял представителей городской знати, потом сел завтракать.

По закону, сойдя на берег, мы должны были пройти сорокапятидневный карантин, но генерал не желал терять времени, и мы все, сошедшие во Фрежюсе, в тот же вечер направились в Париж».

Франция встречала их – загорелых и выдубленных морским ветром – так, будто аргонавты в самом деле добыли золотое руно.

Вот они, наши герои – Бонапарт, которому только что исполнилось тридцать, раненый Мюрат, Ланн на костылях.

– Идите, генерал, разбейте и прогоните врага, а затем мы вас сделаем королем! – воскликнул один клубный оратор на юге, на что Бонапарт возразил «с целомудренным негодованием».

Он полетел на север и остановился в Эксе, где получил копию письма Шарля Рейнара, написанного под диктовку директоров («Исполнительная Директория ждет Вас, генерал, – Вас и Ваших храбрецов...»).

«Египет, – пишет Бонапарт правительству, – огражден от любого вторжения и полностью принадлежит нам!... Газеты я получил лишь в конце июля и тотчас вышел в море. Об опасности и не думал, мое место было там, где мое присутствие казалось мне наиболее необходимым. Это чувство заставило бы меня обойтись и без фрегата и, завернувшись в плащ, лечь на дно первой попавшейся лодки. Я оставил Египет в надежных руках генерала Клебера. Когда я уезжал, вся страна была залита водой: Нил никогда не был так прекрасен за последние пятьдесят лет».

Общаясь с людьми, Бонапарт окружал себя таинственностью и говорил как человек, свыше наделенный полномочиями судить и решать. Марбо вспоминал, что празднования в Лионе имели характер торжественного юбилея. Бонапарт был выше простых смертных и словно приближался к апофеозу. И не ошибался в этом, хотя не знал, каким образом захватит власть. Кем он станет в результате грядущих событий? Может быть, одним из пяти директоров?

Но он, кажется, несколько заблуждался относительно условий жизни в стране, оставленной им более года назад. Он высмеял Рустама, заряжавшего пистолеты:

– Зря теряешь время, это тебе не Аравия, здесь безопасно.

«Вечером генерал вместе с господами Дюроком и Бертье выехал в Париж, а я только после них, ночью, вместе с обслуживающим персоналом, везя генеральское имущество. К нашему каравану присоединились и некий господин из Фрежюса с супругой, которая была очень хороша

собой (они направлялись в Экс-ан-Прованс). Мы ехали всю ночь и весь день, и вдруг в четыре часа дня, когда до Экс-ан-Прованса оставалось меньше четырех миль, на нас напали человек сорок разбойников, хорошо вооруженных. Первыми пострадали наши попутчики. Грабители привязали мужа к карете, дочиста обобрали, а жену раздели, оставив только в одной рубашке (думали, что она прячет на теле драгоценности).

Затем разбойники подошли к нашей коляске, нагруженной имуществом Бонапарта. Один из слуг сказал:

– Господа, ничего не трогайте. Эти все вещи принадлежат генералу Бонапарту.

В ответ в беднягу выстрелили. К счастью, он не умер. Кинжал был при мне, я хотел наброситься на них, но господа Данже и Гайонне разрешили:

– Если окажем сопротивление, нас тут же всех прикончат.

Они говорили со мной по-арабски, и разбойники ничего не поняли.

Грабители взломали замки на сундуках и унесли все генеральское имущество, в том числе столовое серебро с вензелем «Б».

Очередь дошла до меня, у меня в пояс было вшито около шести тысяч франков золотом и серебром. Они не дали мне даже развязать пояс, распоролы ножом. Я, признаться, не очень расстроился, потому что подаренный мне генералом в египетской пустыне кинжал был спрятан во внутренний карман, и они не нашли его.

Вдруг один из разбойников спросил меня:

– Ты мамелюк?

Я уже немного говорил по-французски и ответил утвердительно.

– Приехал сюда есть французский хлеб, да? Он тебе поперек горла станет...

Я ничего не ответил, и они нас не тронули. Хорошо вооруженные, как настоящая воинская часть, все тридцать грабителей ушли в горы.

Все это время несчастный супруг был привязан к карете, а жена в одной рубашке плакала и ломала руки, как Магдалина. Одним словом, зрелище было печальное. Когда мы развязали веревки, он упал в объятия жены и буквально рвал на себе волосы от отчаяния. Бедняга никак не мог смириться с нанесенным его супруге бесчестием».

Франция была полна такими шайками, их нередко возглавляли священники.

А Жозефина, забыв об опасностях, помчалась навстречу мужу, но супруги разминулись.

«Мать моя, – вспоминает Евгений, – выехала нам навстречу в Лион, но по ошибке направилась по дороге в Бургундию, тогда как он проехал через Бурбоннэ. Таким образом мы опередили ее на двое суток».

Герой, одержавший множество побед под знойными небесами, вернулся в свой дом, где его встретила мать – строгая женщина сорока девяти лет.

Вскоре туда прибыл и переживший дорожные приключения Рустам.

«Как только он (Бонапарт) узнал о моем приезде, тотчас же вызвал меня. Я предстал перед ним. Он громко расхохотался:

– Рустам, тебе и в самом деле встретились французские арабы?

Я сказал:

– Конечно. А вы говорили – у вас такого не бывает. Мне кажется, бедуины есть во всех странах.

Он успокоил меня:

– Погоди немного, я со всеми ними расправлюсь. Во Франции разбойников не должно остаться».

По возвращении из Египта он был склонен поговорить о научных итогах экспедиции и вновь посещал заседания Института.

На первую встречу в Директорию генерал пришел в сопровождении Монжа. Он писал любезные письма Лапласу и посетил вдову Гельвеция.

Директория, поначалу удивленная появлением дезертира, устроила пышный банкет: «празднование успеха в Египте», в честь Бонапарта и Моро (второй еще соперничает с первым в военной славе).

Храм Победы (бывшая церковь Сен-Сюльпис) был великолепно украшен. Висели знамена побежденных врагов – к этому времени Массена уже разбил Корсакова и прогнал Суворова.

Председатель Совета Старейшин сидел в центре стола, справа от него – Президент Директории, слева – генерал Моро, затем Председатель Совета Пятисот, затем Бонапарт.

На обеде не было ни женщин, ни наблюдателей, но лишь 750 суровых государственных мужей.

Были произнесены следующие тосты:

Председатель Совета Старейшин – за Французскую Республику

Председатель Совета Пятисот – за армию и флот

Президент Директории Гойе – за мир

Бонапарте – за единство всех французов.

Играла величественная органная музыка.

Событие произошло 15 брюмера VIII-го года Республики (6 ноября 1799 года), а сообщение о нем появилось в газете «Монитор» 17 брюмера.

В течение двух следующих дней в Париже и в Сен-Клу произошли драматические события, итогом которых явилось подлинное «единство всех французов».

Накануне Бонапарт проявлял осторожность, остерегаясь превратить свое уютное жилище в штаб переворота. Когда офицеры парижского гарнизона с план-комендантом во главе явились навестить героя, тот их не принял.

«Он теперь коротко стрижет волосы и не пудрит их», – писали газеты.

«Однажды весь дом переполошился, – вспоминает Рустам, – и почему-то все начали плакать.

Я пошел в салон. Мадам Бонапарт в окружении слуг лежала в полубморочном состоянии в кресле.

– Что случилось? – спросил я, – почему все так встревожены?

– Генерал и мосье Дюрок поехали за город прогуляться, и на них напали разбойники.

Я почувствовал себя страшно оскорбленным и даже как ребенок заплакал от обиды. Но через несколько часов генерал галопом въехал во двор, и мы все успокоились. Я был в тот момент самым счастливым человеком на свете. Оказалось, никаких разбойников не было, генерал поехал разогнать Директорию... С отрядом гренадер он вошел в зал заседаний и всех разогнал по домам. Кто-то пытался нанести Бонапарту удар кинжалом, но двое гренадер предупредили удар. Мадам Бонапарт подарила спасителям своего мужа по бриллиантовому кольцу и даровала им офицерский чин».

Все безмолвно подчинились Бонапарту, включая Моро. Фрондировали лишь Ожеро и Бернадот.

Не обошлось без поддержки ученых. Бонапарт от имени нового правительства поблагодарил Талейрана, Редерера и Вольнея «за важные услуги», оказанные Республике.

«Тот день в Сен-Клу, – скажет он позднее, – был всего лишь балаганом: накипь времен революции и борьбы партий не могла бороться против меня и против Франции. Были там и люди, которых сильно стесняло их положение, а тот, кто разыгрывал из себя Брута, был признателен мне за то, что через двадцать четыре часа его выбросили вон».

Он также был признателен прощенной супруге, прекрасной компаньонке, сыгравшей активную роль в те дни, когда правительство «готовило заговор против самого себя». Она принимала гостей и создавала атмосферу непринужденного общения людей, замысливших большое и рискованное дело. Множество разнообразных посетителей успело воспользоваться ее гостеприимством в милом особняке на улице Победы: политики и банкиры, капиталисты и люди науки.

Бонапарт перебрался в Люксембургский дворец.

Теперь он – «консул Республики». Пока один их трех, но мало кто сомневается насчет первенства.

24 декабря 1799 года состоялось последнее заседание временного консульства. Бонапарта избирают первым.

Следом он вызывает Редерера и диктует черновую прокламацию:

«Принимая место первого чина Республики, я чувствовал, какие обязательства я принимаю на себя».

«Отсутствие порядка в финансах погубило монархию, подвергло опасности свободу, в

течение 10 лет поглощало миллионы».

«Во все века люди судили о счастье и благоденствии наций на основании их торговли и земледелия. Ни то, ни другое не могут развиваться среди политических волнений и без сильного правительства».

Привязанность Бонапарта к научным кругам была столь велика, что в своем первом правительстве он окружит себя светилами Института: морским министром станет Форфе, известный исследователь моря («человек с крупной репутацией, но не обнаруживший особых талантов», – писал о нем Альбер Вандаль), министром внутренних дел – сам Лаплас, который «повел себя так, что оставить его оказалось невозможным».

«С первых же дней, – продолжает Вандаль, – временные консулы убедились, что он слишком большой математик для того, чтобы правильно судить о политических делах. Лаплас ни одного вопроса не рассматривал под настоящим углом зрения, он всюду искал хитроумных комбинаций, высказывал лишь проблематические идеи и вносил в администрацию дух бесконечно малых».

Он занимал министерское кресло лишь полтора месяца, с 12 ноября по 25 декабря 1799 года. Бонапарт пересадили математика в Сенат, срочно нашел ему замену – брата Люсьена, а Лапласу написал: «Бонапарт, консул Республики, гражданину Лапласу, члену охранительного сената. – Услуги, которые вы призваны оказать Республике, гражданин, выполнением возлагаемых на вас высокой важности функций, уменьшают мое сожаление об уходе вашем из министерства, где вы своею деятельностью завоевали общие симпатии. Честь имею предупредить вас, что вашим преемником я назначил гражданина Люсьена Бонапарта. Предлагаю вам безотлагательно передать ему портфель».

Увы, Лаплас, создатель теории устройства Вселенной, оказался неспособным практиком. Зато другие оказались на своих местах: Бертье остался военным министром, а Фуше – министром полиции. Талейран снова возглавил министерство иностранных дел. Бонапарт простил ему циничную несдержанность, проявленную перед экспедицией на Восток («Для руководства таким походом не требуется особо большого полководческого таланта»).

В Сенат, помимо Лапласа, войдут герои Египта Монж и Бертолле, а также «идеолог» Вольней. Кресла будут предложены представителям искусства и литературы: поэту Дюси и живописцу Вьену, однако Дюси не примет предложения, предпочтя независимость, за что позднее заслужит похвалу Шатобриана.

В Трибунат (орган, обсуждавший законы) посадили, по оценкам Вандаля, «ораторов и риториков, воинствующих философов, литераторов, окунувшихся в политику, и политиков, занимавшихся литературой, людей острого и яркого ума»: Дону, философа Ларомигьера, экономиста Ж. Б. Сэя, Бенжамена Констана, писателя Мари Жозефа Шенье, остроумного поэта Андрие и других людей «с большой репутацией», с честолюбием, «противников христианства и ненавистников попов».

Первый консул не разделял антиклерикального настроения интеллигенции и освободил священников. Служители культа, бежавшие за Пиренеи от ужасов революции, возвращались буквально толпами.

Вернулись сосланные писатели, за ними скоро последуют дворяне-эмигранты.

«Граждане, революция остановилась на принципах, во имя которых она была начата; она закончена».

Так генерал-миротворец объявил главу закрытой.

Третье сословие, начинавшее революцию, благодарит царя земного и Небесного. Оно даст столько рекрутов, сколько земной потребует, лишь бы не грабили на дорогах.

Промышленность, урожаи и торговля вырастут многократно. Управление государством похоже на управление армией, а казна – на кассу главнокомандующего.

Наполеон председательствует на заседаниях Государственного Совета, творя Кодексы. Но, создавая систему на века, не забывает сиюминутного.

Первый консул изучал возможности нового вторжения в Африку и Азию. В конце 1802 года он посылает на Ближний Восток генерала Себастиани с официальным поручением – восстановить торговые связи с турецкими гаванями и с тайным – восстановить отношения с Портой. Миссия не привела к ощутимым результатам.

Англия знала об этом и не доверяла вселенскому честолюбцу.

Смерть Нестора

Отношение Клебера к Наполеону неоднократно менялось.

«Высокий, статный, грубоватый» не любил «выскачку», но после победы падал в его объятия: «Вы велики, как Мир!»

Бонапарт уехал 23 августа, не попрощавшись, оставил Клеберу запечатанный конверт и долг в семь миллионов франков.

Членам Большого Дивана сказали, что Бонапарт уехал принять начальство над своим флотом и вернется через три месяца.

26 августа Нестор читает записку: «Интересы отчизны, ее слава, верность долгу, а также чрезвычайные обстоятельства вынуждают меня, минуя кордоны вражеской эскадры, вернуться в Европу».

Самое мягкое, что произносит Клебер, – «этот типчик» (так он называет дезертира в письме Директории). Кому нужны «инструкции» Бонапарта, его напыщенные «обращения к Восточной армии»?

Однако Клебер благороден, справедлив и умеет сдерживать эмоции. Выдавая пропускное свидетельство Полине Фуре перед ее отъездом из Египта, он написал бывшей любовнице Бонапарта следующие строки: «Дорогой друг, вам здесь нечего больше делать. Вернитесь во Францию. Там у вас есть друг, который не преминет заняться вашим будущим. Будьте счастливы и, если это мое пожелание сбудется, подумайте иногда о том, кого вы оставляете здесь. Он был иногда груб, но потомство всегда скажет о нем, что он был добрый малый».

Армия очень уважала Клебера. Даже Бернадот, ставший шведским королем, хранил его портрет до самой смерти. Ведь когда-то Клебер произвел его в бригадные генералы прямо на поле сражения, как то было принято в «славные времена Самбры и Мааса».

Клебер стремится закончить ненужную войну. Он понимает, что «египетских французов» надо спасать. Лишенные связи с родиной, они не смогут долго противостоять бесчисленным армиям африканцев и азиатов, да еще и разного рода партизанам и фанатикам. Если же высадятся англичане, способные получать подкрепления по морю, то положение станет катастрофическим.

Все теперь выглядит иначе, чем при Бонапарте. Повелитель исчез, остались просто солдаты. Вовсе не склонные сохранять Египет для Франции и думающие лишь о том, как побыстрее выпутаться из авантюры.

В то же время, они не прочь извлечь выгоды из своего положения временных правителей. Клебер писал генералу Дюгуа 22 января 1800 года, давая инструкции по сбору налогов: «В настоящий момент необходимо, мой дорогой генерал, чтобы мы выжали Египет, как человек, приготавливающий лимонад, выжимает лимон... Вы получите 300 человек пехоты и две пушки и пошлете их в Дельту или туда, где копты сочтут необходимым иметь эти силы».

Новый главнокомандующий начал переговоры с турками и британцами и заключил 24 января 1800 года Аль-Аришскую конвенцию, взяв обязательство эвакуировать Египет в 90-дневный срок в ответ на гарантию свободного возвращения Восточной армии во Францию.

Французы должны плыть на своих и турецких судах, а британцы и русские гарантировать им безопасный путь.

Согласно конвенции, турецкая армия должна была вступить в Каир 13 марта. Однако 11 марта Клебер неожиданно приостановил эвакуацию и начал проводить оборонительные мероприятия.

В чем причина такой перемены?

Правительство Уильяма Питта младшего, посчитав условия слишком мягкими и даже почетными для противника, отказалось ратифицировать конвенцию и возобновило военные действия силами туземцев. Англичане посчитали, что эвакуация французов из Египта может привести к возобновлению дружественных франко-турецких отношений и к выходу Турции из антифранцузской коалиции, финансируемой Великобританией.

Командование английского Средиземноморского флота получило приказ правительства не допустить эвакуацию французов и добиваться их капитуляции.

Клебер узнал об этом. Ему ничего не оставалось, как принять вызов. Он начал энергичную подготовку к новой борьбе.

Его войска рассредоточены по нескольким пунктам, что не мешает ему сражаться, имея лишь 12 тысяч солдат против 70 тысяч у Ибрагим-бея. Он начал стягивать части армии в Каир и укреплять крепости.

19 марта Клебер оповестил противника о прекращении состояния перемирия и о том, что до получения официального пропуска от англичан французы останутся в Каире. В тот же день он опрокинул слабые авангарды турецкой армии в Аль-Матарийе и двинулся навстречу главным силам врага.

Наполеон отмечал, что не было на свете более впечатляющего зрелища, чем Клебер верхом на коне: «Когда я видел Клебера на лошади, перед глазами моими всегда вставали герои Гомера. Ничего не было прекраснее его в день сражения».

«Нестор армии» дал свой последний бой 20 марта 1800 года в районе Аль-Ханаки, на равнине Гелиополиса. Несколькими днями раньше прославленный революционный генерал отметил свое 47-летие. И вновь, как в Бельгии, на Рейне и в Леванте, вел он своих солдат в пекло, нанеся врагу урон в несколько тысяч человек и потеряв триста бойцов убитыми и ранеными.

Турки разбиты и отброшены в Сирию.

Теперь переменчивый Ибрагим-бей впадает в мрачное уныние, и Сент-Джеймский кабинет вновь готов послать эмиссаров на переговоры.

Как только в Каире узнали о сражении в Аль-Матарийе, жители столицы восстали. К ним вскоре присоединились 6 000 турок и мамелюков, уцелевших после разгрома у Гелиополиса, во главе с Насиф-пашой, и 8-10 тысяч жителей соседних с Каиром деревень.

Турецкие военачальники, потерпевшие поражение на поле брани, призвали население к избиению христиан. Уже 20 марта, в день битвы при Гелиополисе, в христианских кварталах города началась резня. Мусульманские фанатики встретили отпор со стороны христиан, а французы использовали это время для укрепления позиций.

21 марта Насиф-паша приказал начать наступление на главный штаб французских войск, находившийся на площади Эзбекия. Французы отбили атаки, а 23 марта начали артиллерийский обстрел кварталов, в которых сосредоточились основные силы повстанцев. Обстрел велся из большой крепости и фортов, отстроенных после событий октября 1798 года.

Это не охладило пыла повстанцев, к которым присоединился магрибинец Мавла-Мухаммад, вновь призывавший к священной войне. Мятежники соорудили каменные баррикады, город был опоясан ими со всех сторон. Перед баррикадами вырыли широкие и глубокие рвы. Было налажено производство пороха.

Между тем Клебер ускоренным маршем пошел на Каир. Стремясь избежать лишних жертв и разрушений, он решил взять повстанцев измором. Столица и город Булак были обложены плотным кольцом французских войск. Постоянные бомбардировки привели к тому, что в Каир перестали доставлять продовольствие. Запасы питьевой воды заканчивались.

В первых числах апреля Клебер начал атаки, но одновременно вступил в переговоры с турками, соглашаясь пропустить в Сирию остатки их армии. Весть о начале переговоров, которые могли лишить восставших поддержки турецкой армии, вызвала взрыв народного негодования. Шейхи, вступившие в переговоры, были избиты толпой, а магрибинец возглавил мятеж.

Клебер закончил консолидацию армии, расправившись с разрозненными восстаниями в Дамьетте, Мануфе, Саманхуде, Танта и Махаллат-Аль-Кубре. Он сосредоточил всю Восточную армию в районе Каира.

15 апреля французы взяли Булак и казнили руководителя восстания. «Город был разграблен и сожжен», – писал Клебер генералу Ланюссу. На Булак была наложена огромная контрибуция.

Каир подвергся новым бомбардировкам. Мятежные кварталы сжигали с помощью специального легковоспламеняющегося состава.

16 апреля Клебер начал генеральный штурм Каира, а 20 апреля представитель Насиф-паши привез текст договора о капитуляции. Турки и мамелюки соглашались покинуть город в трехдневный срок. Они ушли 25-го.

В это время султан Селим III издает манифест к поданным своей империи и называет

полководца, заместителя Бонапарта, «неверным» и «разрушителем религии пророка». Он обещает вознаграждение и покровительство тому, кто убьет главнокомандующего Восточной армией.

Исполнитель «воли Аллаха» быстро нашелся. То был молодой сириец, уроженец Алеппо и писец по профессии, посланный одним из турецких военачальников.

В субботу 14 июня 1800 года (по роковому стечению обстоятельств, в день сражения при Маренго, в котором Дезе, вернувшийся во Францию по приказу Бонапарта, спасет его, но погибнет сам) Клебер в сопровождении друга, архитектора Протэна, прогуливался в саду своего дома, что на площади Эзбекия в Каире. К нему приблизился человек в лохмотьях. Клебер знаком приказал ему уйти, приняв за нищего, повторяя: «Ма фиш» (нет ничего). Человек дал понять, что пришел по делу. Сулейман Эль-Галеби приблизился к генералу и протянул ему левую кисть, как будто собираясь поцеловать руку главнокомандующего. Клебер также протянул руку, но получил четыре удара кинжалом в грудь и в живот.

– Меня убили! – воскликнул генерал и упал на землю.

Протэн звал на помощь. Сулейман подскочил к нему и ударил архитектора несколько раз. Протэн, защищаясь наконечником своей палки, ранил убийцу. Тот убежал и спрятался у разрушенной стены в саду, где и был найден.

Французы назначили трибунал, который провел расследование и вынес приговор. Убийце сожгли правую руку и посадили на кол. Он мужественно перенес страдания и умер со словами «Нет бога, кроме Аллаха».

Кроме него, казнили четырех шейхов мечети Аль-Азхар, которые, как было выяснено в ходе следствия и судебного разбирательства, знали о готовящемся покушении и не предупредили французские власти.

Капитуляция и возвращение

8 марта 1801 года случилось то, чего более всего опасался Наполеон.

Пять с половиной тысяч англичан под командованием 66-летнего шотландца сэра Ральфа Аберкромби совершают героическую высадку на побережье Абукира.

Генералы Мур, Ладлоу и Кут бросают полки, именуемые «резервом», под убийственный ружейный и артиллерийский огонь отряда Фриана, коменданта Александрии. Сэр Сидней Смит, капитаны Кокрейн и Стефенсон направляют движение шлюпок.

700 или 800 человек не достигли берега, еще 300–400 были убиты и ранены на суше.

Потеряв 1 100 пехотинцев, англичане все же добились желанной цели: полки Фриана выбиты со своих позиций, французский генерал отступает, лишившись пятисот бойцов.

После смерти Клебера командование перешло отнюдь не к способным Ренье или Бельяру, а к мусульманину Абдаллаху Жаку (Мену), старшему из генералов. Он прервал переговоры с англичанами и объявил о том, что всякое соглашение, подписанное главнокомандующим, должно вступить в силу лишь после ратификации правительством Республики.

В отличие от Клебера, принявшего на себя всю полноту ответственности за свои действия, Мену поставил армию в безвыходное положение. Соглашение теперь стало невозможным, поскольку англо-французские переговоры на высшем уровне могли вестись только в связи с заключением общего мира.

Мену не принимал во внимание бедственное положение страны, которая прекратила всякую внешнюю торговлю, и вводил новые налоги. В августе 1800 года он обложил деревенских шейхов налогом в три миллиона франков, а в конце года – миллионным налогом каирских ремесленников и торговцев.

После мятежа марта-апреля 1800 года он снес в Каире целые кварталы и создал широкие магистрали (узкие улочки помогали восставшим), а также построил ряд военных сооружений. Мену завершил строительство крепостей, начатое Клебером. Он комплектовал новые отряды из коптов, греков и сирийцев.

21 января 1801 года главнокомандующий установил единый земельный налог, пропорциональный количеству и качеству земли владельцев, который был больше всех прежних налогов, вместе взятых. Он возложил тяжелое бремя даже на христиан – сирийских и коптских

купцов и откупщиков, которым Бонапарт в свое время давал привилегии.

В ноябре 1800 года Мелу созвал новый Диван – то была последняя попытка привлечь мусульманское общество на свою сторону. Туда вошли только представители высшего духовенства – шейхи мечети Аль-Азхар.

Мелу был лишен политической гибкости и прямо заявлял о колониальном статусе Египта. Ряд генералов (в первую очередь Бельяр) были настроены оппозиционно и напоминали главнокомандующему о том, что Бонапарт и Клебер считали страну неотъемлемыми владениями Турции.

Кольцо сужалось. Вместе с англичанами, занявшими Абукир и Розетту, в Египет снова вторглись турки.

Дисциплина во французских частях падала. Находясь под постоянной угрозой восстаний, оккупанты брали заложников и облагали города и деревни контрибуциями.

20 марта 1801 года Мелу выводит войска в чистое поле под Александрией и дает бой 14-тысячной армии сэра Ральфа. Конница французов отброшена, а деморализованная пехота отступает под стены города. Аберкромби смертельно ранен и через неделю скончается на борту корабля адмирала Эльфинстоуна.

Французы потеряли страну, в Египте восстановлена власть султана. Английское правительство пожинало плоды своей решительной и бескомпромиссной политики. Оно сделало ставку на полную победу и добилось ее.

16 мая Бельяр побеждает при Аль-Зауме, и это «лебединая песня» Восточной армии, запертой в Каире и Александрии.

21 мая Мелу решается еще на одну вылазку, но вновь терпит фиаско.

Англичане с севера и турки с востока подошли к столице и окружили ее.

27 июня в Каире сдается Бельяр, а 1 сентября в Александрии капитулирует сам главнокомандующий.

Восточная армия сдалась англичанам в то время, когда Франция блистательно возвысилась после побед Наполеона при Маренго и Моро при Гогенлиндене, когда был заключен мир в Европе.

Более всего Наполеон был шокирован капитуляцией Бельяра, героя многих битв, покрывшего себя неуязвимой славой в Верхнем Египте: «... не принудив противника развернуть свои силы, не сражаясь, не попытав счастья, он капитулировал!! Он сдал столицу Египта с ее складами, 400 пушками, фортами, не сделав ни единого ружейного выстрела!!»

Кто капитулировал? Лучшие в мире солдаты!

«Когда армии полагают, что из критического положения можно выйти без бесчестия посредством заключения конвенции, – тогда все потеряно. Это все равно, что доверить оборону и честь оружия старухам с веретенами».

Почему капитулировали? Кто дал им право вести себя пацифистски?

Наполеон негодует: «Он (Бельяр) получил от Республики право посылать ее солдат на смерть ради ее защиты, но не право спасать их за счет общественного блага».

Какая боль для первого консула! Ведь Бельяр «был выдающимся офицером; он оказал большие услуги в ходе этой же кампании; он выказал большое мужество в Итальянскую кампанию; при Арколе он прикрыл своим телом Наполеона, и предназначавшаяся последнему пуля попала в него».

В Каире капитулировала армия численностью 14 000 человек. Пятьсот из них пополнили ряды мамелюков (!), а 13 723 были посажены на суда в Абукире и доставлены во Францию. Вместе с пушками, оружием, знаменами, огромным обозом, лошадьми, «всеми редкостями».

(Гнев «бога войны» понятен, но условия капитуляции полностью соответствовали Аль-Аришской конвенции, подписанной Клебером. И то был не худший выход из положения. Если бы Наполеон смог выпутаться из «русско-индийской» авантюры 1812 года таким же образом!)

А этот Мелу с его медлительностью, нерешительностью и отсутствием военного таланта? Нет, положительно, «что ни делай, какую бы энергию ни проявляло правительство, сколь бы строгим ни было законодательство, армия львов под командой оленя никогда не будет командой львов».

Александрия продержалась дольше, но англичане не спешили выполнять условий капитуляции. Мену отплыл во Францию на борту фрегата «Диана» и благополучно достиг родных берегов.

Бонапарт простит мусульманину все его глупости и преждевременный отъезд: много ли это значит по сравнению с бегством самого Бонапарта? Вскоре Мену будет назначен членом Трибунала. В будущем ему придется встречать папу Римского, о чем Наполеон отзовется так: «За все мое царствование меня по-настоящему и более всего поразило, пожалуй, только то, что папу на границах моей Империи встречали изменивший вере отцов Абдаллах Мену, а в Париже – трое священников-отступников и вдобавок еще и женатых, каковы суть – Талейран, Фуше и Отерив».

Однако следует отдать должное первому консулу: он до конца боролся за своих героев, снаряжая все новые морские экспедиции. Еще в 1800 году он дал приказ Гантому доставить 2 000 солдат на четырех судах. Если невозможно высадиться у Александрии, то пусть адмирал швартуется у Дерны, в восьмистах километрах от «ворот Египта», то есть там, где одна лишь пустыня – французы умеют ее преодолевать!

Для Наполеона не было ничего невозможного. Гантом выполнил приказ, 8 июня попробовал произвести высадку в ста шестидесяти километрах от Александрии, но адмирал Эльфинстоун не позволил ему это сделать.

Все, что Наполеону удалось совершить для усиления своей армии в Египте в ходе неравного соперничества с «владычицей морей», – высадить семьсот солдат у той же Александрии в начале 1801 года.

Страдания и унижения героев Италии, Египта и Сирии закончились вместе с подписанием мира между Англией и Францией. Последний солдат покинул берега Египта 15 сентября 1801 года, а 1 октября было заключено предварительное соглашение, закрепленное 27 марта 1802 года в Амьене.

А как же академики? Почему Бонапарт не взял с собой «ценных людей»?

Несколько ученых, вместе с генералом Жюно и любовницей Бонапарта Полиной Фуре, погрузились на нейтральное судно «Америка», которое было захвачено англичанами. Испытав приключения, они вернулись на родину в конце 1799 года.

Тем, кто остался в Африке, пришлось гораздо труднее.

Как Франция тому ни противилась, пришлось уступить англичанам найденные в Египте древности, включая Розеттский камень. Генерал Хатчинсон доставил драгоценный груз в Лондон, и король Георг III передал находки французам, оплаченные жизнью и здоровьем ученых, в Британский музей.

На обратном пути из Египта геолог Доломье был захвачен в плен англичанами, выдан мальтийским рыцарям (как мы помним, он сам был членом Ордена) и заточен в тюрьму. По требованию французского правительства через некоторое время его освободили.

Гарнизон генерала Вобуа на Мальте, обложенный англичанами и повстанцами, доел последний кусок хлеба и капитулировал еще 5 сентября 1800 года.

Астроном Бошам – посланник Бонапарта – был заключен в тюрьму Семибашенного замка в Константинополе. Он умер в 1801 году.

Мятеж в Каире, война и болезни унесли жизни тридцати двух членов Комиссии по наукам и искусствам.

Новые миражи

Поразить Англию не удалось.

Все закончилось тем, что победители Италии и Египта угрюмо брели – по той же самой пустыне, что лежит вдоль берега Нила – из Каира в Абукир под дулами ружей солдат генерала Мура, который боялся возможных эксцессов с их стороны.

Наполеон видел перед собой печальную картину: «При приближении к Абукиру английский генерал резонно опасался, как бы негодование не охватило французских солдат и последние не напали на англичан или не присоединились к Мену, чтобы спасти Египет. Офицер, доставивший во Францию известие об этой необыкновенной капитуляции, был задержан в марсельском лазарете; он отправил по начальству свое донесение и сведения о составе армии».

Вскоре в Европе воцарился мир, прерванный уже через год теми же англичанами. Британская буржуазия быстро ощутила экономические невыгоды положения, закрепленного Амьенскими договоренностями, – ведь теперь колониальную торговлю вели и другие державы, что подрывало монополию «владычицы морей», а в Европе новая Франция была намерена постепенно вытеснить с рынков «вечную соперницу».

В ответ на объявление войны Наполеон сосредоточил в Булонском лагере огромную армию, готовую покончить с «вероломным Альбионом» одним прыжком через пролив, но слабость французского флота не позволила совершить желанную диверсию.

Англия, по Наполеону, – «нация лавочников». Ее правительство представляет интересы меркантильной знати, в армии царит палочная дисциплина, офицеры – в подавляющем большинстве выходцы из дворян и класса буржуа, а воинские звания можно купить.

Франция Наполеона – новое просвещенное общество, где все основано на талантах и заслугах перед родиной. Его генералы – вчерашние солдаты, сыновья воинов, крестьян и слуг.

Наполеон говорит Редереру: «Нельзя, чтобы знатность происходила из богатства. Кто такой богач? Скупщик национальных имуществ, поставщик, спекулянт – короче, вор. Как же основывать на богатстве знатность?»

Он бросает вызов новому мировому порядку, воплощенному в британском «торгашестве». Ведь современное общество состоит из двух основных классов – буржуазии и тех, кто просит у нее деньги.

Все покупается и продается! И даже то, что ни при каких обстоятельствах продаваться не должно – государство.

Государство, образование священное, оказывается, имеет свою цену! Разве европейские державы не выставляли армии, оцененные в фунтах, а цари не свергались по указке Сент-Джеймского кабинета?

А если это так, то никакие исходящие от таких государств слова о чести, благородстве, справедливости, достоинстве, долге, добродетели значения не имеют.

Государство продается – значит его нет. Каждый помышляет лишь о собственной выгоде.

Буржуазия не подозревает в человеке иных страстей, кроме материальных интересов. Мир для нее – это контракт и соответствие занимаемой должности. Мужество воина, одержимость ученого и творца ей непонятны.

Буржуа – это тот, кто удовлетворен, кто теперь может немного передохнуть. Но отдых – это еще не идеология.

Победившая в результате революции буржуазия более не имеет идеологии. Но она полезна, поскольку созидает материальные ценности. Отменить буржуазию, наездницу цивилизации, – все равно, что уничтожить последнюю.

Отдыхать!? А зачем Бонапарт высаживался в Египте? Чтобы отдохнуть!? Но в саду Мальмезона это делать гораздо приятнее!

Нет, он создаст иное государство! А старые, прогнившие, не пощадит. Он имеет на это право, поскольку представляет самую передовую общественную систему.

Государь не может мгновенно поднять экономику. Он не может переделать самих людей. Но одно государство может безусловно, и это зависит от него всецело. Он способен поднять нравственную температуру общества, воодушевить нацию! И должен иметь когорту людей, для которых государство – не предмет купли-продажи, а личное, святое дело.

Что можно противопоставить пошлости мира, в котором все решают английские фунты стерлингов? Лишь то, что не продается. Очевидно, речь идет о сословии, от буржуазии независимом. А что значит быть от буржуазии независимым? Иметь собственные источники доходов.

Экономика Франции при Наполеоне продолжала оставаться в основном крестьянской. Главным экономическим явлением эпохи революции было грандиозное перераспределение земельной собственности, ставшее результатом продажи национальных имуществ (земель духовенства и дворян-эмигрантов). Новые собственники приветствовали новый режим.

Наполеон мог действовать двояко – награждать титулами буржуазных землевладельцев либо давать земли, составлявшие национальную собственность, своим приближенным, возводимым в дворянское (рыцарское) достоинство.

Не приходится сомневаться в его выборе: земли, отобранные революцией у старой знати, а также приобретенные в результате войн, он сделал фондом для создания *своей аристократии*.

Новое общество будет основано на самопожертвовании во имя общего дела, а не на эгоизме отдельных личностей. Героями будут не буржуа и банкиры, а рыцари новой формации.

Он пытается воссоздать понятие чести таким, каким оно было в XVI–XVII веках.

«О чести говорили, обращаясь с речами к курсантам военных школ, о чести говорили в своих проповедях священники».

Военное дворянство – выстраданная Наполеоном социальная идея. Целомудренный государь передает людям, проливавшим кровь за отчизну, частицу родины. Они заслужили этого.

А идея та стара как мир, как любимый им Рим.

Теодор Моммзен писал в «Истории Рима», что Гай Гракх «первый применил ту тактику, которую применяли впоследствии все основатели монархии: разбивать властвующий слой, опираясь на материальные интересы масс, а затем, установив строгую и целесообразную администрацию взамен существовавшей прежде неурядицы и слабости, узаконить в глазах общества свершившуюся революцию...»

– Я мыслю категориями нации, – говорит Наполеон. – Я привлекаю всех, у кого есть способности и воля идти со мной вместе... со мной будут честные люди, независимо от их политической окраски.

Его офицерство, его рыцари. Присягнувшие, образованные, прошедшие испытания – вот настоящая опора государства! Лучшие из них и есть новая аристократия!

А что такое счастье человечества? Это безмятежная гармония всего и вся, идиллия, сытость и душевный покой? Есть ли оно, такое?

История – это творчество и вдохновение! Разве лучшие из римских императоров – гениальный Юлий Цезарь, блистательный Траян, мудрейший Марк Аврелий не обеспечивали счастье человечества? Разве то состояние общества, когда пахарь может пахать, философ мыслить, творец творить – не есть его счастье? Гораздо хуже, когда они не могут этого делать! Великие социальные патологии приводили к невозможности человеческой жизни, невозможности творчества! И болезнь не может считаться одним из видов здоровья!

Общество творцов, общество людей с умом и сердцем – подлинное царство земное. Оно должно быть царством здравого смысла, царством разума. И в нем незримо присутствует Бог.

Пестуя новую элиту, питая энтузиазм и возбуждая патриотизм наградами Почетного Легиона, Наполеон обращается за пределы Франции.

Он сокрушает Австрию, Пруссию и побеждает царя.

Англия никак не дождет своей очереди. И раз не получилось нанести ей смертельный удар в Египте, не удалось перепрыгнуть через Ла-Манш, он поразит ее в Индии.

– Я ничуть не больший враг радостей жизни, чем всякий другой человек. Я не Дон Кихот, который чувствует потребность в приключениях. Я существо благоразумное, которое делает только то, что считает полезным. Единственная разница между мной и другими государями в том, что они останавливаются перед трудностями, а я люблю преодолевать их, когда для меня ясно, что цель велика, благородна и достойна меня и той нации, которой я правлю, – говорил он Коленкуру.

А какие письма писал он новому другу Александру! Вот выдержки из знаменитого послания от 2-го февраля 1808 года:

«Ваше Величество, прочтите о последних речах в английском парламенте и о его решении вести войну до последней крайности... Только путем крупных, обширных мероприятий можем мы добиться мира и упрочить нашу систему. Увеличьте и усильте, Ваше Величество, вашу армию. Всякую помощь и содействие, какие я только буду в состоянии оказать вам, я окажу от чистого сердца. У меня нет ни малейшего чувства зависти к России, а лишь желание ей славы, благоденствия и увеличения ее территории. Позвольте ли вы, Ваше Величество, высказать мнение человеку, который считает своим долгом питать к вам самую нежную и искреннюю преданность? Вашему Величеству необходимо отодвинуть шведов от вашей границы; расширьте ваши границы в ту сторону, насколько вам угодно; я готов всеми моими силами помочь вам в этом.

Армия в 50 000 человек, состоящая из русских, французов и, быть может, даже отчасти и из австрийцев, направленная через Константинополь в Азию, не успеет дойти до Евфрата, как приведет в трепет Англию и заставит ее преклониться пред континентом. Я имею возможность собрать армию в Далмации; вы, Ваше Величество, на Дунае. Через месяц после того, как мы условимся, они могут быть на берегах Босфора. Слух об этом разнесется по Индии, и Англия будет сломлена... Все может быть решено и подписано до 15 марта.

К 1 мая наши войска могут быть в Азии, и к тому времени войска Вашего Величества в Стокгольме. Тогда англичане, угрожаемые в Индии, изгнанные с Леванта, будут раздавлены тяжестью событий, которыми будет пропитана атмосфера. Ваше Величество и я предпочли бы блага мира, мы предпочли бы проводить нашу жизнь среди наших обширных империй, посвящая себя заботам об их возрождении и счастии наших подданных, покровительствуя науками и искусствам и сея повсюду благодетельные учреждения. Этого не хотят всесветные враги. Поневоле приходится стать выше этого. Мудрости и политике присуще следовать велениям судьбы и идти туда, куда ведет нас непреодолимый ход событий».

Наполеон – это воля, направленная на новое созидание. Его правление – эпизод древнеримской истории, невероятным образом перенесенный в новейшее время.

«Нетерпеливый герой» – пожалуй, самое емкое определение этой страстной натуры.

Каир, Москва и Индия

Через одиннадцать лет после провала египетско-индийской авантюры Наполеон предпринял еще один восточный поход.

Когда кампания готовилась, Великий канцлер Империи Камбасерес позволил себе несколько почтительных замечаний о сложностях предприятия.

Монарх обещал воевать осторожно, с оглядкой, и не забираться слишком далеко.

Однако графу Нарбонну он скажет другое: «Этот далекий путь ведет нас в Индию... Вообразите, что Москва взята, Россия повержена, царь усмирен или пал жертвой дворцового заговора, тогда можно основать новый, зависимый от Франции трон. И скажите, разве для великой французской армии и вспомогательных отрядов из Тифлиса не открыт путь к Гангу, разве не достаточно одного туше французской шпаги, чтобы на всей территории Индии рухнула эта пирамида английского меркантилизма?»

И англичане, знавшие об азиатских проектах Наполеона, заключили в 1809-м и, позднее, в 1814-м годах соглашения с Персией, запрещавшие пропуск через иранскую территорию в направлении Индии армий иностранных государств. Причем, персы должны были склонять к аналогичным действиям Хиву, Бухару, Коканд и Кашгар.

Наполеон направлял в Персию ориенталиста Жобера, но вынужден был признать, что «ничего толкового из этого не вышло».

Зато теперь непременно выйдет!

В Торне Наполеон провел смотр Великой армии и окинул ее хозяйским взглядом. Лица солдат сияли, глаза горели. Один артиллерийский начальник приблизился к императору и бодро заявил: «С такими войсками, Государь, вы можете пойти на завоевание Индии!»

Так думают не только командиры. Вот что писал родителям фузилер 6-го гвардейского полка первого батальона четвертой роты: «Сперва мы вступим в Россию, где нам придется немножко подраться, чтобы проложить себе путь дальше. Император, должно быть, уже приехал в Россию, чтобы объявить ему – тамошнему маленькому императору – войну. О! Мы живо разделаем его под белый соус! Если бы мы были одни, и то было бы достаточно. А! Отец, и как же здорово готовятся к войне. Наши старые солдаты говорят, что никогда не видали ничего подобного. И это правда, ибо ведут сильное и огромное войско, но мы не знаем, для России ли оно. Кто говорит, что пойдём в Ост-Индию, кто в Египет; не знаю, кому верить. Мне лично решительно все равно. Я хотел бы, чтобы мы пошли на край света». В другом письме он уточнит: «Мы идем в Ост-Индию; она находится в тысяча трехстах лье от Парижа».

Они дрожали от холода в палатках, сотрясаемых ветром, и грезили о волшебных странах, где царят нега и покой. Как и четырнадцать лет назад, они не знали, куда их поведет человек, чья удача казалась безграничной.

Наполеон перешел Неман не для того, чтобы захватывать, грабить, убивать. Он должен принудить Россию выполнить ряд политических условий. Главная же соперница – по-прежнему, от начала и до конца – Англия. В Тулоне, в Египте, в Москве и при Ватерлоо!

В 1798 году он воевал не с турками, а с Англией, и в России борется с ней же! «Вторая польская война» – продолжение египетской. Наполеон был плохим шахматистом, но в политике «играл по всей доске». И эта доска – Земной шар.

Однажды Бертье устроил заячью охоту, но вместо косых пустил кроликов. С ними хлопот меньше. Добрые животные, заплонившие карету императора.

А перед Неманом был не кролик. Дикий был, пограничный заяц. *Знаковый*. Польско-литовский перебежчик. Метнулся под лошадь, та отпрыгнула, а император упал.

Не стоит переходить? Перешли. В изумительном порядке.

Человеческая история не знала подобного. Гений латинской расы, способный ограничить свое пылкое воображение доводами несокрушимой логики, вовсе не обуреваемый чувством ненависти, но лишь жаждущий устройства мира на разумных началах, одним движением руки бросил двадцать народов на новое покорение Востока.

Все его мероприятия, кроме Египта, доселе удавались. Он воевал двадцать лет и имел уникальный опыт управления огромной Империей. Если у него все получалось с армиями в 30, 50, 80 тысяч человек, то может ли существовать причина, по которой пятьсот тысяч не будут победоносны?

Возможно, если бы он не перешел Неман, его пересекла бы армия Севера, как она делала не раз. И была бы иная война, на другой земле и в более теплом климате. Война, быть может, не сулившая таких вселенских бед, как московский поход, но не менее страшная. Война, мир, снова война и снова мир. И так всегда, пока человечество не найдет иные способы разрешения споров за рынки, пошлины и территории.

Отчаявшись добиться от России ясных ответов, император мрачно подытожил: «Если этот конфликт все же произойдет, то не по какой-либо конкретной причине, но потому, что он – в природе вещей».

К тому времени Россия успела отвергнуть его, Наполеона, несколько раз.

Двадцатилетний Бонапарт хотел устроиться на службу к Екатерине Великой, но находившийся в Париже генерал Заборовский отказал юному выскочке, о чем впоследствии жалел. Корсиканец просил слишком много – поручик-артиллерист и подполковник национальной гвардии примеривался к чину майора русской армии.

Больно ударил по самолюбию императора отказ Петербурга в женитьбе на русской царевне. То была искренняя, но неудачная попытка взять в жены младшую сестру Александра I Анну Павловну и породниться с Романовыми. Разве стали бы после этого воевать?

Действительно, почему нельзя было отдать русскую принцессу замуж за великого человека, когда тот политически уступал ради этого всем, чем можно – и в польском вопросе (государство не будет восстановлено, а имена Польша, поляки более не будут произносимы – он соглашался на это!), и в турецком (отдать России спорные территории!)?

Благороднейший рыцарь и вернейший слуга Арман де Коленкур, герцог Виченцы, предпринимал все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы женить своего государя на юной царевне, против чего выступала императрица-мать, вдова Павла I, и уговорить двуличного Александра.

Напрасный промысел! Коленкуру так и не удалось увенчать свое четырехлетнее посольство в Санкт-Петербурге браком императора Запада и юной царевны Востока.

Так ни пора ли взять инициативу в свои руки и наказать лукавого и вероломного византийца? Ведь Россия однажды подкралась к границам Великого Герцогства Варшавского с двухсоттысячной армией, пока французские легионы сражались в Испании!

Это случилось в те весенние дни 1811 года, когда у императора родился сын, и он считал себя спасенным от всех бед. Русская армия, разбитая на многочисленные отряды, пробиралась на Запад проселочными дорогами.

В Париже об этом знали очень немногие. Наполеон готовился отразить нападение, работая по ночам с министрами, а днем принимал многочисленные поздравления. Когда весь высший свет, включая дипломатов, явился к нему на поклон, и австрийский посланник князь

Шварценберг стоял вместе со всеми, Наполеон вытащил из-за ворота мундира булавку, украшенную скарабеем, и протянул ее супруге посла со словами:

– Этот камень я нашел в гробницах египетских фараонов. С тех пор всегда носил с собой как талисман. Возьмите его: теперь он мне не нужен.

Он будто ощущал себя вне времени и пространства.

Наполеон думает, что Рок увлекает Россию. Но Рок увлекал его самого.

Он сказал Коленкуру, что подпишет мир в Москве, и преследовал отступавшую русскую армию, не остановившись ни в Витебске, ни Смоленске, как советовали генералы.

И вот настал решительный день!

В пять часов утра Наполеон сел на коня и поскакал к войскам, назначенным для главной атаки.

– Сегодня немножко холодно, но ясно, – заметил император. – Это солнце Аустерлица, – сказал он сбежавшимся офицерам.

Он ошибся – то было «солнце Бородина».

Сил на опоясывающие движения уже нет, хотя Даву просил четверть армии для правого обхода. Ну, уж нет! Без импровизаций!

Во время сражения разбушевался маршал Ней, «храбрейший из храбрых»: «Что же это, наконец! Разве мы пришли сюда для удовольствия занимать поля? Что император делает там, позади? Он видит только обратную сторону дела. Коли он не хочет сам вести войну, перестал быть генералом, и корчит императора, пусть убирается в Тюильри и передает дело нам!»

Границу России пересекла полумиллионная армия. В Москву Наполеон привел лишь девяносто тысяч.

Художники написали картины, на которых Великая армия стройными рядами входит в древнюю Москву. Фатальна ли последующая гибель великолепного войска? Мог ли Наполеон закрепить успех, снова напав на русских, как говорили некоторые наблюдатели?

Да, ветераны Великой армии когда-то пересекали африканские и сирийские пустыни, переходили Сен-Бернар и Гвадарраму. Гвардейцы, карабкавшиеся на горы Гвадаррамского перевала, переговаривались о том, чтобы убить Наполеона. И он это слышал.

У солдат, в один день одолевших Пиренеи, не было за спиной перехода, подобного маршу на Москву. Летом двенадцатого года стояла такая жара, что ветераны вспоминали труднейшие дни египетского похода.

В стоптанных сапогах, а то и без обуви, страдавшие и умиравшие от тифа, дизентерии, пившие воду из луж воины не пошли бы вновь догонять русскую армию, ушедшую в южном направлении. Тем более что она опять ускользнула бы от них, не принимая боя.

Французы, всегдашняя веселость которых пропала после кровавой битвы, двинулись на Москву с больным и осипшим вождем во главе. Медики Ларрея и Деженетта и сами знаменитые доктора трудились на пределе человеческих сил.

Русские отходили к Москве, сохраняя чувство достоинства и не считая себя побежденными.

И здесь Наполеон мог поступить, как в Египте:

«Солдаты!»

Я доволен вами. Битва выиграна, вы получили награды.

Никогда люди Запада не делали того, что сумели вы.

Цели Второй польской войны достигнуты, и я обращаюсь к императору Александру с предложением о мире.

Я намерен восстановить престолы в Польше и Испании, что увеличит число наших союзников.

Впереди зима, армии понадобится теплая одежда, о чем позабочусь.

Перед нами – Москва, город сотен церквей. Здесь мы отдохнем, после чего часть армии отойдет к Смоленску.

На наших складах в Смоленске есть все необходимое, а сам город следует привести в порядок.

Солдаты! Ваша слава превзошла славу поколений, сменявших друг друга два

тысячелетия европейской истории. Будьте достойными ее и проявите великодушие и справедливость.

Настало время заняться делами мира, и они требуют, чтобы я ненадолго оставил армию.

Главнокомандующим назначен принц Экмюльский».

Нам неизвестно такое обращение Наполеона к армии. Но есть волнующий вопрос – а если Наполеон послушал бы «совета» маршала Нея и оставил войско не в момент полной катастрофы (как в итоге получилось), а в минуту наивысшего триумфа, попытавшись извлечь из этого максимальную политическую выгоду?

Оставлять армию и возвращаться домой с небольшой свитой Наполеону приходилось раньше, будет он так делать и позднее.

В 1799 году он «забывает армию в Египте» (выражение Достоевского), устремившись к высшей власти. Главнокомандующий Клебер погибает, а армия, которую Бонапарт подбадривал эмоциональными обращениями из Парижа, сдается англичанам. Правда, произошло это не сразу, а через два года. Бонапарт вернулся во Францию *победителем и спасителем*. И мало кто напоминал ему о брошенной армии. В глазах большинства этот поступок вовсе не выглядел плохим: ведь у армии были и другие генералы.

В начале 1809 года он покидает армию в Испании, не доведя дело до конца. Война – с переменным успехом – продолжалась без него. Он возвращается в Париж победителем, который предоставил своим маршалам право продолжить успешно начатое дело.

Чем ситуация сентября 1812 года была хуже или лучше положений, упомянутых выше?

Прежде всего, в сентябре 1812 года Наполеон ни только не утратил политической и пропагандистской инициативы, но владел ею как никогда. Европа и ее руководители пребывали в абсолютной уверенности, что на Востоке одерживаются одни победы. Даже проницательный Меттерних говорил о «свершившихся судьбах России». Узнав о падении Москвы, он воскликнул: «России больше нет!» Такого же мнения придерживался враг Наполеона Жозеф де Местр.

Никому в армии не нравилось, когда император ее покидал. Но он всегда находил веские причины, чтобы оправдать свой отъезд. А в сентябре, после победы «под стенами Москвы», он мог из человека войны стать Человеком Мира – по самому большому счету. Он пытался замирился, но делал это неуклюже, в формах неприемлемых и несоответствовавших его статусу императора Запада.

Зимой в Варшаве, оставшись без армии, Наполеон скажет Коленкуру, что «из своего кабинета в Тюильри он будет внушать больше почтения Вене и Берлину, чем из своей ставки».

Полюбовавшись Москвой с Поклонной горы, он мог, не теряя времени, повернуть назад, сопровождаемый неаполитанским королем, высшими чиновниками и конной гвардией.

Если бы он оставил армию таким образом, то это могло произвести негативное впечатление на часть офицерства и солдат, но вряд ли посмели бы сказать, что Наполеон «удрал такую же штуку, как в Египте». Именно потому, что Москва лежала у его ног.

«Поехал заключать мир», – подумало бы большинство.

И Наполеон мог оправдать ожидания солдат, страстно желавших возвращения домой.

При встречах с австрийским императором и прусским королем он сказал бы им: «Мы едины в нашем стремлении достичь прочного мира, а солдаты князя Шварценберга и графа Йорка хотят вернуться к своим семьям. Так подкрепите мои предложения своей волей к миру и воздействуйте на императора Александра! Вместе мы добьемся того, чего жаждут наши народы. Мне очень не хотелось бы – в случае ничем не оправданного упорства русского царя – использовать последний довод, направив двести тысяч моих солдат из Испании и сто тысяч поляков на покорение Петербурга».

Наполеон одерживал победы. С его отъездом все возможные в будущем неудачи принадлежали бы маршалам, но не ему. Он никогда не избегал ответственности, но в ряде случаев отсутствие необходимого «разделения труда» сильно повредило делу. Так было и в 1812-м, и в 1813-м году, когда накануне решающего дня сражения при Лейпциге император был вынужден заниматься испанскими делами, а подчиненные ничем не помогли, ничего не

предусмотрели, ничего не взяли на себя.

Наполеон, запутавшийся в политических комбинациях и пренебрегавший нуждами простых солдат (к отступлению из Москвы ничего готово не было, отмечает Стендаль), ставший тормозом и парализовавший инициативу деятельных подчиненных, вполне мог довериться таким вождям, как Даву.

Вождь итальянцев вице-король Евгений мог бы навести порядок в Смоленске, а князь Понятовский примерить корону Польши.

Император-победитель, проезжающий через Вильну и Варшаву в сопровождении конных гвардейцев, был бы всюду восторженно встречен – как своей армией, так и населением. Сделав необходимые хозяйственные распоряжения, он мог, не медля ни дня, заняться насущными политическими делами.

«Целебные» меры (восстановление польской государственности, сполна оплаченное кровью на полях сражений, освобождение ранее плененного Римского папы и мир в Испании, вовремя подкрепленный возвращением испанцев из России), сопровождаемые пацифистским пафосом и пропагандистским шумом, – а уж в этом императору не было равных – подтвердили бы его высокое реноме и позволили бы сохранить единство Запада под его (Наполеона) скипетром и при благословении Ватикана.

Если бы спустя восемь лет после первой коронации он водрузил бы на голову корону императора Запада, мало кто возражал бы против этого триумфа.

Все тайные договоренности и союзы против Франции (Россия-Пруссия, Россия-Австрия, Россия-Испания) не стали бы действенными, а венский двор не посмел бы порвать отношения с родственником.

Русский царь, упорствовавший в своей вражде к Наполеону, выглядел бы врагом мира на континенте.

К нему можно было обращаться через европейские посольства России, а не через случайных и «подвернувшихся под руку» людей.

Мир в Испании позволил бы Наполеону иметь ветеранов Сульта и Сюше на восточном фронте, если бы это потребовалось. А ликующая Польша предоставила бы не «6 000 казаков» (о которых Наполеон будет часто говорить Коленкуру – казаками Наполеон называл легкую польскую кавалерию), а значительно больше бойцов.

Представим картину: Александр в Петербурге, Наполеон в Париже или Варшаве, армии воюют. Наполеон хочет мира, активно его добивается, и Европа это видит и ценит. А Александр упорствует, продолжает проливать кровь и истощать ресурсы наций.

Политические козыри были бы на руках императора французов.

Вышло по-другому. Наполеон – монарх вдали от родины, генерал, обреченный на бездействие, выступал жалким просителем.

Как молодой поэт, посылающий стихи в литературный журнал и с замираньем сердца ожидающий ответа, уповал он на «сохранившиеся чувства» Александра. Который поклялся не подписывать мир ни под каким видом (как редактор, не вступающий в переписку и не возвращающий рукописи!)

Царь давно понял, что он не нужен и даже вреден в армии. Наполеону такая мысль и в голову не приходила: великий полководец – где ж ему быть, как не на фронте?

После фантастического перехода, битв и лишений армия не могла продолжать кампанию и хотела мира. Этой передышкой Наполеон должен был воспользоваться в полной мере.

Даже с учетом кратковременных остановок, он мог бы быть в Париже к началу октября и развернуть большое политическое наступление.

Позднее, «прижатый к стене», он освободит папу и помирится в Испании. Но ничего этого он не сделал в 1812 году. Он пошел на Москву, которую вскоре увидел с Поклонной горы.

Что тут творилось! Бертье, Мюрат, Евгений Богарне, Мортье, Даву, Лористон, генерал Гурго стояли подле императора и громко выражали свои чувства.

Солдаты кричали «Да здравствует Наполеон! Да здравствует император!» Радость была безудержной и всеобщей: «Москва! Москва!»

Так же они голосили при виде минаретов Каира.

Вдруг в едином порыве воины запели «Марсельезу» – Французская Революция пришла в

Россию!

Депутации «бояр» с ключами от города все не было. Наконец, Дарю собрал группу людей, в которой официальных лиц не оказалось.

Какое унижение! Какая смешная ситуация!

Наполеон не мог охватить разумом последних событий и оценить их вероятные последствия. Ему трудно было понять, что оставление Москвы не повлияет на решимость русских продолжить борьбу.

На постоялом дворе Дорогомиловского предместья Наполеон провел бессонную ночь (кусают клопы, слуга жег уксус) и получил множество донесений. Среди них были такие, которые предупреждали о грядущем сожжении города. Он не поверил слухам.

Французы, поляки, итальянцы двинулись тремя колоннами: Мюрат через Дорогомиловский мост, Понятовский через Калужскую заставу, принц Евгений через Тверскую. Марш солдат в парадной форме сопровождала музыка походных оркестров и бай барабанов. Кавалерия скакала по Арбату.

Бюллетень Великой армии сообщал, что авангард был встречен «ружейным залпом» из Кремля, но Мюрат рассеял защитников пушечными залпами.

И началось страшное – Москва загорелась. Огонь распространялся так быстро, что люди не успевали опомниться. Женщины покидали дома, забывая бриллианты на туалетных столиках.

Коленкур пишет об одинаковых фитилях, разбросанных здесь и там. Несомненно, Москву сожгли русские!

Жизнь императора, который как Людовик Святой во главе крестового похода вошел в загадочную столицу Востока, оказалась в опасности.

Мюрат, Бертье, Бессьер, Лефевр и Богарне уговаривали его покинуть Кремль. Вначале он отказывался. Затем, видя возраставшую угрозу, соратники все же вынудили его спасаться бегством.

Начался «странный месяц» необыкновенного человека, который привык диктовать одновременно нескольким секретарям, но в Петровском замке будто забыл о том, что «несет мир на своих плечах».

Наполеону было не до созерцания красот дворца – он уделил этому всего полчаса. Его деятельность была парализована, он не отдавал никаких распоряжений – что-то небывалое!

«Виновников» пожара подвергали казни – новая администрация наводила порядок. Сам Наполеон признал в письме к Александру, что расстрелял 400 «поджигателей».

Разве он не знал, каким страшным преступлением считали здесь расстрел пленных янычар в Яффе? Неужели он думал, что извещение русского царя о том, что в Москве соблюдается «общественный порядок», добавит ему шансов достичь мирного соглашения?

В Яффе он расстрелял клятвопреступников, в Москве поджигателей. Оба предприятия (египетско-сирийское и московское) в итоге провалились.

Как они похожи! Утомительные марши, непримиримость врага, партизаны. И индийские грезы.

Там и здесь подвели турки. В Египте он хотел с ними дружить, а они на него напали. В 1812 году надеялся, что османы ослабят Россию, а они с ней помирились.

Он выезжал осматривать город и видел одни головешки. Прогулки по центру его не радовали, тогда он значительно удалялся от Кремля. По его приказу в Новодевичьем монастыре установили батарею, а стены укрепили. Император проехал верхом на маленькой белой арабской лошади по всем помещениям, которые показались ему интересными, и велел солдатам взорвать храм Иоанна Предтечи, напомнивший ему о вражде с Орденом мальтийских рыцарей Иоанна Иерусалимского.

Творя Историю, искал ли он Бога в Истории?

Если в Египте в числе прочих книг Бонапарт читал Библию и Коран, то в Москве был занят политикой и светской поэзией. И ученых с ним нет, как то было в Африке.

Ему сказали о том, что в Москве храмов «сорок сороков». Он написал в Париж: «Здесь тысяча шестьсот церквей».

Почему он, «восстановитель католической религии», мечтавший короноваться императором Запада и Востока, хранителем христианской веры, так пренебрежительно отнесся к

чувствам православных? Это тем более непонятно, если вспомнить, сколько времени и сил уделял он религиозным делам в Египте. (А в армии покорителей Москвы были и греки.)

Почему он, участник месс в Соборе Парижской богородицы, зная, что его войско состоит большей частью из католиков, не придавал значения молитве перед боем?

Уцелевшие от пожара монастыри оккупанты превратили в казармы, скотобойни и артиллерийские склады, а церкви – в штабы, конюшни и хлебопекарни.

Есть серьезные основания полагать, что Наполеон понимал всю глубину пропасти, в которую падает. Но император не мыслил себя вне «армии-победительницы», а соображения, связанные с тем, что 1) он поставлен в нелепое положение, 2) занятие Москвы не имеет политического смысла, 3) каждый день лишь ухудшает дело, он загонял куда-то вглубь своего сознания.

Несомненно одно – осенью 1812 года Наполеон забрался слишком далеко и попал в критическое положение.

Его способности всюду выделять главное, поочередно «открывать те ящички памяти, которые в данный момент нужны», резко – если обстоятельства того требовали – менять направление движения, его опыт, интуиция и богатейшее воображение должны были помочь принять верные решения.

Он неоднократно являл миру свою способность действовать неординарно, решительно и с размахом.

В 1799 году он отказался от планов восточных завоеваний и неожиданно вернулся в Париж.

В 1805 году вместо высадки в Англии он выступил из Булонского лагеря и совершил молниеносный бросок в центр Европы.

В 1806 году, опередив врага, он вторгся в Пруссию, разгромил ее армию («подул на Пруссию, и она исчезла», заметил Гейне) и провел тяжелейшую зимнюю кампанию, завершившуюся решительной победой при Фридланде.

В 1809 году он переломил ход австрийской войны после относительной неудачи при Асперне и Эсслинге.

Лишь в Испании он не мог прояснить дело, хотя его кратковременное руководство боевыми действиями в конце 1808 года было успешным.

Как он отреагирует на события и итоги первого этапа кампании 1812 года?

Знает ли, что будет делать осенью, зимой и весной?

Москва – сильная или слабая позиция для него и для армии?

Наполеон, пассивный в течение первых дней после пожара, вернулся к управлению необъятной Империей.

Потекли часы, дни и недели, которые могли быть употреблены во спасение, но лишь приближали гибель.

Гофмаршал Дюрок, исполнитель самых интимных поручений императора, энергично предлагал ему покинуть Москву как можно скорее.

Среди людей, способных возразить Наполеону, были и безукоризненный Даву, и изумительно точный Дарю, и рыцарь Коленкур, и «король храбрецов» Мюрат, и идеалист Понятовский.

Разве что Бертье редко высказывал мнения, а возражал лишь в случаях, когда считал приказы невыполнимыми.

Умы добросовестно напрягались, но не могли найти хорошего выхода. Предлагался быстрый исход (немедленное отступление), но Наполеон никак не решался согласиться с такой развязкой ввиду ее бесславности.

Император колеблется: идти на Кутузова? двинуться на Петербург? отступить?

Ситуация ухудшалась: русские овладевали обозами, перехватили две эстафеты и брали пленных. Коленкур, сопровождавший Наполеона во время ежедневных поездок по городу, считал нужным попросить аудиенции императора, не желая говорить важные вещи на ходу. Во время аудиенции Коленкур напомнил об опасностях пребывания в Москве и трудностях, связанных с передвижением по российским дорогам в зимнее время.

Наполеон «благосклонно» выслушал его, а затем сказал Дюроку и Бертье:

– Коленкуру кажется, что он уже замерз.

Он также высмеял предложения Коленкура изготовить подковы для лошадей: французские офицеры и кузнецы «не менее хитроумны, чем русские».

Кутузов дал французам генеральное сражение, но затем избегал больших столкновений, несмотря на давление молодых подчиненных.

Когда Веллингтон взял Мадрид, русский полководец сообщает об этом в приказе: «Французы изгнаны из Мадрида. Рука Всевышнего карает Наполеона. Москва станет его тюрьмой, могилой для него и для его армии!...»

Кутузов охотно согласился встретиться с посланцем Наполеона Лористоном, дабы узнать настроения противника и усыпить его бдительность.

О чем говорили эти двое в ходе беседы, продолжавшейся с глаза на глаз около часа?

«Мир любой ценой». Какую цену готов был заплатить Наполеон за то, чтобы выпутаться из дела, все более его беспокоившего? Обсуждался ли «вариант Клебера», то есть возможность эвакуации французов?

А что царь?

Александр, в то время непопулярный и презираемый, не был свободен в выборе. Потерявший уважение многих после военных неудач, он рисковал трон и самой жизнью в том случае, если бы вздумал помириться с Наполеоном.

После сдачи и разрушения Москвы армия и дворянство большей частью не поддерживали мира, и Александр должен был учитывать это. Когда-то мир с Францией стоил жизни его отцу, теперь тяжелейшие решения должен был принимать он. И молодой государь остался непримиримым.

В сознании Наполеона возникали новые «идеи во спасение» – отменить крепостное право в России и вызвать народное возмущение.

Император поручил ближайшим людям собрать сведения о пугачевском бунте и разыскать одно из последних воззваний самозванца, где, якобы, были указаны фамилии знати, имевшей права на русский престол. Розыски ни к чему не привели.

У Наполеона сдавали нервы, он не знал, что еще можно предпринять. Между тем, он не делал самого необходимого (не готовил армию к зиме) и держал всех в неизвестности о дальнейших действиях.

Постоянное присутствие огромного количества черных птиц (ворон и галок) создавало настроение мрачное и мистическое. Наполеон приказал бороться с этим бедствием, и гвардейцы стали палить по пернатым нарушителям спокойствия.

В молодости постоянно занятый работой Наполеон досадовал, что ему приходится расходовать время на такие занятия, как бритье и еда. Коленкур подтверждает это: «Император ел быстро и глотал все с такой стремительностью, что можно было подумать, будто он почти или вовсе не пережевывает пищу. Об его образе жизни рассказывали много сказок. В действительности он ел только два раза в день. Всему прочему он предпочитал говядину или баранину, бобы, чечевицу и картофель, по большей части в виде салата. Он редко прикасался к своей бутылке вина до обеда. Из вин он предпочитал шамбертен. После завтрака и обеда он выпивал чашку кофе, приготовленного на воде. Вся его изысканность в еде сводилась к этой чашке кофе. Он очень полюбил его после кампании в Египте и предпочитал мокко. Во время русского похода, даже при отступлении, он имел каждый день свое вино и кофе, а в качестве еды – блюда, к которым он привык».

В Москве он стал затягивать обеды, а к любимому шамбертену прибавил ликеры. Все отметили непривычную медлительность движений и бесплодную задумчивость.

Английский полководец Артур Веллингтон считал, что Наполеон мог сохранить армию, если бы ушел из Москвы хотя бы двумя неделями раньше. Кутузов не успел бы как следует подготовиться к походу, а мороз, особенно страшный после Березины, не погубил бы Великую армию.

Но император ждал у моря погоды.

Он слышал слова Мюрата: «Мне никогда не было так противно. Я устал бегать от амбара к амбару и умирать от голода...»

Неожиданный снег, сопровождавшийся легким морозцем, выпал 13 октября.

Люди болели, лошади падали. Эти животные крупной европейской породы (не чета тем, на

которых монголы проехали полсвета), высокие и массивные, были плохо приспособлены к усталости и лишениям и не могли обходиться без регулярной и обильной пищи.

Наполеон проводит очередное совещание командования.

«Так что же делать?» – спрашивает император.

«Остаться здесь, – отвечает Дарю, – сделать из Москвы большой укрепленный лагерь и провести в нем зиму. Хлеба и соли хватит – он отвечает за это. Для прочего достаточно будет больших фуражировок. Лошадей, которых нечем будет кормить, он посолит. Что касается помещений, то, если домов мало, так погребов достаточно. С этим можно будет переждать до весны, когда подкрепления и вся вооруженная Литва выручат и помогут довершить завоевание».

Дарю гарантировал, что он сумеет собрать все съестные припасы, которые еще есть в городе. Следует также поторопить прибытие провианта из Вильны, сделать неуязвимыми сообщения Великой армии с Литвой, Германией, Пруссией.

Император молчит, раздумывая, и отвечает: «Львиный совет! Но что скажет Париж? Что там будут делать? Что там делается за эти последние три недели? Кто может предвидеть впечатление шестимесячной неизвестности на парижан? – Нет, Франции не привыкнуть к моему отсутствию, а Пруссия и Австрия воспользуются им!»

Он мог бы «поприсутствовать» в Европе после Бородина, но даже не думал об этом!

Можно ли было зимовать в Москве? Конечно, можно! Не так страшно жить в укрепленном городе, где оккупанты имели все необходимое, как брести пешком в лютые морозы, наступившие так «детей юга».

Маршал Даву писал жене 4 октября: «Мы оправились и отдохнули с тех пор, как мы здесь, даже больше, чем могли бы рассчитывать. С каждым днем мы выигрываем во всех отношениях!» 9 октября он пишет о «мягкости московского климата».

Наполеон это взвешивал очень хорошо, и один момент так твердо было уже решение зимовать, что он велел драматургу Боссе составить список тех артистов «Комеди Франсез», которых без большого ущерба для театра можно было вызвать из Парижа для концертов в театре на Большой Никитской. Сообщая об этом, Боссе горько прибавляет: «Разумеется, если бы он решился остаться в Москве, не случилось бы ничего хуже того, что случилось!»

Он не остался в Москве не по военным, а по политическим соображениям (удаленность от Парижа и остальной Европы).

«Я должен был умереть в Москве! – воскликнул Наполеон на Святой Елене. – Тогда я имел бы величайшую славу, высочайшую репутацию, какая только возможна».

Готовясь уйти из Москвы, он попросил справку о климате. Ему доложили, что в течение последних сорока лет большие морозы начинались не раньше первых чисел декабря. И здесь был допущен удивительный просчет. Он не внимал словам Коленкура, сказанным ранее («зима ворвется внезапно, как бомба»).

Наполеон – краткое изображение мира, «квинтэссенция человечества», как сказал Гете.

Но целый ряд свойств его личности и поступков несовместимы между собой. Например, как могли в нем сочетаться прирожденная властность и крайняя застенчивость? Его вторая жена говорила, что он ее боится: в это можно поверить.

Он признавался, что домашние могут вить из него веревки: и это объяснимо. Он обнаруживал беспомощность в обращении с ближайшими людьми.

С малых лет зная предательскую человеческую породу, он умудрился обмануться в главном. И был погублен новоявленными родственниками и преданными соратниками.

Его безрассудная храбрость во время первого похода была обусловлена молодостью и любовью. Однако, будучи императором, он продолжал выходить к линии стрелков. В России обнажил шпагу при нападении казаков (в ответ на предложение генерала Раппа скрыться в лес от смертельной опасности). Зачем такой риск?

Романтик по натуре, он постоянно отрывался от грешной земли и будто забывал о смертной человеческой плоти. Его уверенность в том, что с ним и его армией ничего плохого произойти не может, походила на мальчишество.

В последние годы он вдруг заговорил о том, что простые подданные счастливее самого государя («Я всегда завидовал судьбе добропорядочного буржуа в Париже, получавшего пенсию... имевшего возможность уделять время своим интересам в области искусства и

литературы», – признался он доктору О’Мира на Святой Елене). Но кто ж ему виноват?

Трудно назвать истины, которые он не понимал бы. И что за парадокс – он всеми ими последовательно пренебрег. Он не хотел воевать и вновь обнажал меч. Сеял полезное и запрещал купцам делать их дело. Он понимал тщетность и мимолетность всякого величия, но за чем же тогда он гнался? Он укреплял семейные узы граждан и разрушил собственные. Он начинал как защитник родины и отдал ее оккупантам.

Он много говорил о «величайшей славе» и «самом большом честолюбии». Однако в той части света, в которую он направился (в его обозе были индийские карты) есть другой взгляд на мир, видимо, не вполне им осмысленный:

*«Добрый побеждает и только.
Побеждает и не гордится.
Побеждает и не торжествует.
Побеждает и не возвеличивается.
Побеждает и не может избежать этого.
Побеждает и не насилует.
Побеждая, надо уметь остановиться.
Кто умеет остановиться, тот этим избегает опасности».*
(Учение Лао-Тзе в изложении Л. Толстого)

В Египте деятельный Бонапарт некоторое время наслаждался созерцанием, но философию Востока свел к одному Корану. И компанию 1812 года он проиграл вначале *метафизически*, а затем уже физически.

Бонапарт в свое время уговорил Павла I послать казаков в Индию (22, 5 тысячи бойцов Войска Донского были направлены от Оренбурга через Хиву и Бухару), и не оставлял этих фантастических стремлений в дальнейшем. Все годы Тильзитского мира он, отмечает Коленкур, «...надеялся на экспедицию или, по крайней мере, на большую демонстрацию против Индии, а одновременно хотел сделать демонстрацию на море, быть может, независимо от действий на суше; демонстрацию на суше он мог бы подкрепить значительными силами, если бы удалось убедить русских допустить в свои ряды французский корпус; однако, принимая во внимание взгляды императора Александра и Румянцева, этого, пожалуй, было бы трудно добиться».

Он не только надеялся, но и посылал военных, ученых-ориенталистов, дипломатов в Персию и разведчиков в Россию с одной и той же целью – подготовить поход в Индию.

Он легко преодолевал пространства – в мыслях и наяву, но нарушил Закон Времени.

Он звезды сводит с небосклона,
Он свистнет – задрожит луна;
Но против времени закона
Его наука не сильна.

А. С. Пушкин

За московский месяц он должен был сделать много, но не сделал ничего. После Бородина не было ни «египетского тупика», ни зимней катастрофы 12-го года, ни разгрома Ватерлоо – еще ничего потеряно не было.

Беда не в то, что он принимал плохие решения, а в том, что он, будучи жертвой собственных иллюзий (монархических, мирных, победных), не принял никаких решений.

Наполеон стал заложником нелепой ситуации, добровольным затворником, потерявшим личную свободу и обреченным на позорное отступление, вместо того, чтобы чуть раньше использовать обширные возможности всевропейского монарха и политика-миротворца.

Россия могла не пойти на мир, но она не вернула бы Польши, а ее армия не пересекла бы западную границу.

Кутузов и Александр были на своих местах (один в армии, другой

– на троне), в то время как Наполеон в Москве не был ни политиком, ни генералом.

Это была психологическая борьба, в которой изощренная корсиканская хитрость была бита русской *хитрецей*.

Александр был непримирим по своей натуре византиец и под давлением обстоятельств (второго Тильзита высший класс ему бы не простил, и армия могла возмутиться не на шутку).

А характер Наполеона таков, что даже в отчаянном положении он не оставлял попыток вновь покорить сердце Александра. Ведь завоевывать сердца было его отрадой. А покорить мир – значит пленить все сердца.

Какая наивность! Ведь он, привыкший всюду видеть личный или тайный интерес и честолюбие, не был доверчивым при первых встречах с людьми. «Держась всегда, словно он на сцене в роли императора, он думал, что и другие разыгрывают с ним заученные роли. Поэтому его первым чувством всегда было недоверие, – правда, только на мгновение», – говорит Коленкур.

Но он, кажется, не верил в то, что влюбленные в него и восхищавшиеся его гением (Александра он безусловно относил к таковым) могут вдруг разлюбить или пренебречь дружбой великого человека (которая есть «дар Богов»). И если он иногда воевал против друзей и поклонников, то «без озлобления»!

Шахматисты знают, что в плохой позиции нет хорошего хода. Но плохие позиции не сдают – их защищают. Сдают лишь безнадежные партии. Игрок, попавший в плохую позицию, пытается усложнить задачу сопернику и составляет оборонительные планы.

Партия Наполеона в начале сентября не была безнадежной. И ему некого винить в том, что он погубил лучшую из армий, заставив людей бороться с безжалостной стихией.

Он принял худшее из решений и сделал это архаично, без подготовки. Оно логически не вытекало из его предыдущих шагов.

Наполеон хорошо подготовил кампанию, создав избыточные материальные и продовольственные запасы. Он пригнал в Россию огромные стада (вскоре животные непостижимым образом пали) и не забыл приобрести десятки миллионов бутылок спиртного. Сделав это и посчитав главу завершённой, он затем пренебрег элементарными нуждами армии.

Когда он возобновил действия, ничего поправить было нельзя. Плохая позиция стала безнадежной.

Отступая, Наполеон вновь обманывал себя и других, называя это движение «стратегическим маневром», в результате которого он, якобы, «на сотню верст приблизится к Вильно и Петербургу, получив двойную выгоду», а Марии Луизе писал, что приближается к ней.

«Бутылка откупорена, вино должно быть выпито», – сказал он в начале пути на Москву.

Он выпил, и разум его будто помутился.

Игроки знают, как губительна игра без плана. В Москве был не труженик, а азартный игрок, имевший все и утративший все. Веривший не в Бога, а в свою Звезду.

Способный политик нашел бы выход, а гениальный Наполеон, Рыцарь и Мученик, потерял армию, репутацию, союзников и сам едва не попал в плен.

Он не цеплялся за города, как завоеватель, но и Человеком Мира не стал.

И здесь мы не можем не вспомнить гуманиста Клебера, который погиб сам, но спас армию. Двадцать тысяч солдат вернулись из Египта именно потому, что полководец думал в первую очередь о них.

Мог ли Наполеон подписать конвенцию, подобную Аль-Аришской? Наивный вопрос!

Он вернулся из России в добром здравии (страдая крайней формой мании величия, он закончил этой фразой страшный 29-й бюллетень, сообщивший французскому народу о величайшей катастрофе), но без войска.

Гениальный полководец и посредственный политик, он не избавился от своих иллюзий и в 1813 году, продолжая уповать на родственников-Габсбургов и веря в то, что «он нужен Европе».

Только освободившись от *части* иллюзий в 1814 году, он «найдет свои сапоги Итальянской кампании» и вновь начнет бесподобно бить армии настоящих и несостоявшихся родственников.

«Пока войска союзников медленно продвигаются, Наполеон стремительно перелетает из долины Эны в долину Марны или Оба; он знает это пространство лучше, чем его противники, и это помогает ему совершать внезапные нападения, отрываться от врага, тянуть время... Удача улыбается ему до тех пор, пока вражеские толпы не принуждают его отступить к самому Парижу», – писал Фернан Бродель.

«Талейран сразу понял слабость этой тактики; он отвечал маркизе де ля Тур дю Пен, расспрашивавшей его о судьбе императора: «Ах, оставьте меня в покое с вашим императором. Это человек конченный». – «Как конченный? – удивилась я. – Что вы хотите этим сказать?» – «Я хочу сказать, – отвечал он, – что это человек, который того и гляди спрячется под собственную кровать!...» Я забросала его вопросами, но он был немногословен: «Император растерял всю свою силу. Он выдохся. Вот и все. Свою силу: пушки, зарядные ящики, боеприпасы, повозки. И людей».

Так закончились его вселенские авантюры.

Часть третья Победы

Описания Египта

Экспедиция дала обширный материал исследователям.

Монж, глава Каирского Института, по возвращении во Францию занялся разработкой документов – тех, что успел взять с собой. А собрал он немного, поскольку Бонапарт покинул страну в спешке.

Денон, приплывший на другом корабле, изложил результаты беспримерного в истории научного предприятия в вышедшей в 1802 году книге «Путешествие по Верхнему и Нижнему Египту».

Разнообразные таланты Николя Жака Конте сослужили хорошую службу при подготовке издания: он изобрел машину для гравирования, значительно упрощавшую художественное исполнение неба и монументов. Тем самым он существенно облегчил задачу типографии Дидо.

Барон Денон писал быстро, ярко и литературно. Как ученый, он трудился основательно, все «разложил по полочкам», но не мог создать полноценной Истории Египта по одной лишь простой причине – письменность древних осталась непонятой.

С тех пор прошло два века – для хороших книг срок небольшой. И, глядя на работы Денона, хочется воскликнуть: «Невероятно! Неужели все это сделал один человек?»

Сотни рисунков древних городов и селений – живых и полуразрушенных, нетронутой природы, мужчин и женщин, бесчисленных иероглифов, морей и чудных островков, степных битв, морских баталий и лесов корабельных мачт. Здесь оружие мамелюков и их лошади, шейхи и феллахи, выразительные лица старцев и гаремные покои, одежды египтян и жанровые сценки, бытовые зарисовки и похоронные процессии, мечети и минареты, богатые кладбища и части

мумий, колонны и дворцы, сады и пальмы, мулы и верблюды, змеи и насекомые, пирамиды и надписи на гробницах, – мир новый, бурлящий, и царство вечного покоя.

В 1804 году Наполеон назначил Денона генеральным директором всех музеев Франции, и признанный художник, писатель и археолог последует за победоносным вождем по многим странам Европы (Австрия, Испания, Польша). Бесценные трофеи пополнят музейные коллекции, в том числе собрание Лувра, переименованного в 1803 году в Музей Наполеона, где открылся египетский отдел.

Императрица Жозефина «сходила с ума по бирюзе и камням». Однажды в 1807 году она написала интенданту короны Пьеру Антуану Дарю следующую записочку: «Посылаю вам письмо г-на Денона: в различных местах, где он побывал, им отложены для меня кое-какие вещицы, в частности камеи и бирюза. Последняя ценна лишь потому, что из нее получают прелестные женские украшения, а цвет ее отлично подходит императрице. Она, как всякая женщина, не чужда известного кокетства, но, поскольку предметом последнего может быть только император, оно вполне простительно...»

Наполеон порой бывал шокирован размером счетов, выставленных за «милые вещицы», но всегда восхищался вкусом супруги и ее умением сделать приятное людям: «Жозефина превосходила всех других изяществом своих манер, когда вручала подарки. Она любила различные виды искусства и покровительствовала им. Она устраивала баталии с Деноном, чтобы заполучить несколько картин для украшения своей галереи. Мои рекомендации Денону обычно ставили все на свои места».

Позднее Денон будет приобретать картины и другие художественные предметы уже по поручению нового триумфатора – Александра Первого, дабы пополнить коллекцию Эрмитажа.

Вернувшиеся во Францию «египтяне», как называли участников научной экспедиции, остались верны своему братству и проводили ежегодные банкеты.

Они работали с материалом долго и тщательно. И им понадобятся еще целых семь лет, прошедших после публикации «Путешествия» Денона, чтобы выпустить в свет первую книгу.

Интерес был столь велик, что издатели, не дожидаясь выхода в свет нового труда ученых, обнародовали в 1805 году большое пятитомное издание географических работ Страбона, который посетил Египет во времена римского императора Августа.

Саркофаги, двадцать семь скульптур, в большинстве своем разбитых, отливки, образцы флоры и фауны, минералы, Розеттский камень – это богатство попало в руки англичан.

Этьен Жоффруа Сент-Илер отчаянно сражался за бесценные коллекции и сохранил часть находок для Франции. А с тех предметов, которые отдать все-таки пришлось, вовремя сняли копии. Остались записи и многочисленные рисунки. Все это нужно было привести в порядок.

Монументальные «Описания Египта», роскошно переплетенные увесистые тома с красочными иллюстрациями, доступные в основном людям состоятельным, – восхитительный плод коллективного подвижнического труда, мужества и самопожертвования двух сотен людей, огромный вклад в изучение Египта.

Эта работа выполнялась в течение четверти века, а по размерам и детализации она сравнима с «Энциклопедией» Дидро и Даламбера.

Первое издание, публиковавшееся частями при Наполеоне (в 1809–1813 годах), состояло из девяти «кварто-томов», вмещавших большие листы толстой бумаги, сложенные вчетверо, и одиннадцати томов иллюстраций, выполненных в новом, огромном формате, получившим специальное наименование «grand monde». Составитель труда Франсуа Жомар опирался на материалы Денона и научной комиссии.

Текст сопровождался иллюстрациями и топографическими картами.

Великолепные картины и зарисовки, помещенные в издании, вызвали живейший интерес современников к истории Египта и новую волну находок.

В 1813 году швейцарский востоковед Буркхардт открыл великий храм с каменными колоссами в Абу-Симбеле, построенный фараоном Рамзесом II, а в 1817 году первые европейцы проникли во внутреннюю часть сооружения.

Итальянец Джованни Баттиста Бельцони нашел самую большую гробницу в долине царей в Луксоре, принадлежавшую фараону Сети I, предшественнику Рамзеса II. В октябре 1817 года Бельцони вошел в эту гробницу, имевшую 120 метров в длину и украшенную прекрасной

росписью и изящными барельефами, а 2 марта 1818 года он обнаружил вход в коридор второй пирамиды фараона Хефрена в Гизе.

Но здесь его ждало величайшее разочарование, далеко не последнее на пути искателей древних сокровищ, – внутри пирамиды стоял лишь простой каменный саркофаг без росписи и украшений. Гробница была разграблена.

Начиналась увлекательная двухвековая история поисков и находок сокровищ Древнего Египта.

Принимая во внимание выдающиеся заслуги французских ученых, Наполеон присвоил дворянские титулы (графские и баронские) Монжу (он стал графом Пелузским), Фурье, Лапласу, Герену, Жерару и другим деятелям науки и искусства. Великий математик Фурье стал кавалером ордена Почетного Легиона и префектом.

Он также установил премии, присуждавшиеся каждые десять лет, для «поощрения наук, словесности и искусств, кои выдающимся образом споспешествовали прославлению нации».

Были и ежегодные премии. Еще из Маренго, во время второй итальянской кампании, Бонапарт писал Шапталю, чтобы тот учредил две премии: одну в три тысячи франков «за лучший опыт, который будет сделан в течение каждого года с гальваническим током», и другую, экстраординарную премию, в шестьдесят тысяч франков, «предназначенную тому, кто в области электричества и гальванизма сделает шаг, равный тому, что сделали для этих наук Франклин и Вольта».

Приказ о подготовке второго издания был дан королем Людовиком XVIII 23 июня 1820 года. Монарх выделил из казны 100 000 франков.

В этот раз были выпущены двадцать шесть томов «октаво» (каждый печатный лист состоял из восьми двусторонних частей, всего получалось шестнадцать страниц) и те же одиннадцать томов картинок (вновь использовались оригинальные рисунки).

Второе издание состоит из следующих разделов:

Древность (описания) – 6 томов, с предисловием барона Фурье;

Древность (история) – 4 тома;

Современность – 10 томов, с примечаниями Жакотэна по картографии Египта и описаниями работ Лепэра по строительству Суэцкого канала;

Естествознание – 6 томов.

Главным редактором второго издания, которому придавалось исключительное значение, был Шарль-Луи Панкук. Оно часто называется его именем.

Битва, выигранная Шампольоном

1 марта 1815 года Наполеон высадился в бухте Жуан с отрядом своих гвардейцев и обратился к армии и народу Франции.

«Ветеранов Самбры и Мааса, Рейна, Италии, Египта, Запада, Великой армии постоянно унижают. К их благородным шрамам относятся с презрением; их успехи будут считаться преступлениями. И на этих храбрецов будут смотреть как на бунтовщиков, если – как утверждают враги народа – законные монархи находятся среди иностранных армий».

«Солдаты! Барабаны бьют! Мы на марше! Спешите взять в руки оружие, приходите и присоединяйтесь к нам, к вашему императору, становитесь под наши трехцветные знамена».

И люди в едином порыве вставали под стяги того, с чьим именем была связана величайшая слава нации: «Долой Бурбонов! Долой попов! Долой многочисленные налоги! Да здравствует император!»

– Почему вы позволили ему бежать? – негодовал русский царь.

– Почему вы поместили его туда? – лаконично ответил Веллингтон.

Не меньше того возмущался сэр Сидней Смит:

– Разве расстояние от Эльбы до материка что-нибудь значит для человека, который проходил Европу из одного конца в другой?

Через неделю этот человек был на подступах к Греноблю. Префектом департамента Изер был участник египетской экспедиции, великий математик Жан Батист Жозеф Фурье, «душа Института».

Ученый не поверил в успех «авантюры» и дал указание выпустить прокламацию роялистского толка.

Дорогу императору преградили регулярные войска. Наполеон послал своего адъютанта Руля, чтобы тот информировал солдат о прибытии Его Величества. Но командир пятого линейного полка заявил Рулю, что ему запрещено вступать в переговоры с посланцами Наполеона.

Руль доложил императору о настроении солдат, тот приказал гвардейцам держать ружья дулом вниз.

Затем он приказал развернуть трехцветное знамя. Оркестр заиграл «Марсельезу». То была минута величайшего напряжения. Французы с триколором стояли против французов под белым знаменем.

Император в серой походной шинели в сопровождении Друо, Камбронна и Бертрана приблизился к солдатам пятого линейного.

– Солдаты пятого! Узнаете ли вы своего императора?

Молчание.

– Убейте вашего императора, вам можно сделать это.

И в который раз он услышал, как солдатские глотки исторгли:

– Да здравствует император!

Трогательная минута братания и восхищения великим человеком. Старый солдат со слезами на глазах загоняет шомпол в дуло ружья и говорит Наполеону:

– Смотрите сами, насколько сильно наше желание убить вас!

Когда Наполеон вошел в Гренобль, Фурье его покинул.

Адъютант Руль привел к императору своего отца. Наполеон с удовольствием беседует со стариком и обещает, что будет покровительствовать сыну, бывшему одним из его гидов в Египте.

8 марта произошла знаменательная встреча.

Вначале мэр Гренобля представил Наполеону Жака Жозефа Шампольона-Фижака, давнего почитателя императора, который собирался отправиться с ним в Египет, но не попал в число участников экспедиции. Теперь он готов предложить императору свои услуги, и мэр города умышленно искажает фамилию Жака Жозефа – «Шамполеон».

– Какое хорошее предзнаменование! Он носит половину моего имени! – восклицает нарушитель европейского спокойствия.

Но кто стоит рядом с представленным кандидатом в секретари императора? Наполеону объясняют, что это – младший брат Шампольона-Фижака.

Жан Франсуа Шампольон родился 23 декабря 1790 года в Гренобле и с детства интересовался древними языками. В Париже, в Школе живых восточных языков, он изучал арабский и коптский, познакомился с санскритом и с китайским письмом.

Жану Франсуа было пятнадцать лет, когда он признался: «Я хочу написать глубокое и подробное исследование об этом древнем народе. Из всех народов, мною горячо любимых, ни один не перевешивает египтян в моем сердце».

Он написал книгу «Египет при фараонах», обнародованную в 1811–1814 годах, благодаря которой его приняли в Гренобльскую Академию наук. В ней он составил первую географическую карту древнего Египта на основе коптских документов.

В 1808 году брат показал ему собранные наполеоновской экспедицией папирусы и другие древности. Он обещал Жаку Жозефу, который был старше его на двенадцать лет: «Я расшифрую их. Я расшифрую эти иероглифы, я уверен в этом!»

Наполеон обладал удивительным свойством с ходу определять, «из чего сделан» человек. Он забрасывал любого собеседника вопросами, с помощью которых быстро докапывался до сути.

А этот смуглый и невозмутимый молодой человек определенно ему понравился. Он полиглот, он гений, ставший академиком в семнадцать лет и профессором истории Гренобльского университета в неполные девятнадцать!

Наполеон посещает его в библиотеке и беседует, спрашивает, обещает. Он напечатает книги Шампольона в Париже. Франция нуждается в таких людях!

Он вспоминает о Египте, ему приятны эти мысли. Почему бы ни помечтать? Египет давно

потерян для Франции, но разве плохо сделать коптский язык, которым блистательно владеет Шампольон, всенародным языком Египта?

(Как согласовать эти прожекты с новыми обещаниями Наполеона ограничиться управлением одной лишь Францией?)

Как сожалел он в Африке о том, что не удастся прочитать многочисленные надписи на камнях и папирусах! Ведь когда в Розетте нашли черный камень, один из его генералов тотчас приступил к переводу и определил, что на плите выведено постановление верховных жрецов Мемфиса, относящееся к 196 году до нашей эры, о восхвалении Птолемея V Эпифана и его жены Клеопатры за пожертвования.

Когда армия сдалась англичанам, все же удалось сделать копии, оттиски и слепки многочисленных находок. И кто-то должен найти ключ к тайнам древней цивилизации!

Мог ли Наполеон подумать, что перед ним стоит человек, который преуспееет в деле, в котором гениальный Томас Юнг и другие ученые потерпят фиаско, и разгадает тайну египетской письменности?

Мог ли он предположить, что через каких-то семь лет этот погруженный в себя молодой профессор доберется «до гранитных скал земли Египетской» и расшифрует иероглифы, которые, по словам Шатобриана, «казались печатью, наложенной на вечно молчащие уста пустыни»?

Наполеон, обыкновенно спешащий и всегда чем-то недовольный – разве что кроме самых выдающихся подвигов и величайших достижений – вероятно, испытал огромное наслаждение от содержательного общения с ученым из Гренобля. В ходе разговора он словно парил на крыльях своей фантазии.

Его орлы полетели дальше, чтобы достигнуть шпилей Собора Парижской Богоматери. За ним пошел и пылкий Шампольон-Фижак.

Такой же легко воспламеняющейся была новая армия сынов отчизны, собранная вождем. Наполеон решил не ждать, пока миллионные толпы союзников наводнят Францию, а действовать наступательно и разбить врага по частям.

Наконец-то он даст большой бой англичанам! Император убежден, что британцы – плохие солдаты, «и мы кончим это дело, как завтрак» (так скажет он утром страшного дня).

Ночь с 14 на 15 июня 1815 года. Он переходит бельгийскую границу и роковым образом делит чудную армию.

В успешный день Линьи и Катр-Бра адъютанты гоняют войска между двумя полями и не помогут ни на одном.

Кто-то перевел Часы. И со стихией он больше не дружит – гром и ливень спасут Веллингтона.

Английская армия под командованием герцога Веллингтона укрепилась на плато Мон-Сен-Жан, выставив аванпосты у замка Гугумон на правом фланге (для французов – левом) и на ферме Ге-Сент (левый фланг, для французов – правый). Англичане – вверху, французы – внизу. Чтобы забраться на плато, надо преодолеть овраг. За спиной Веллингтона – лес Суаньи.

Силы примерно равны, но у Наполеона больше пушек. Его план заключался в том, чтобы, произведя диверсии на флангах, оттянуть в эти точки максимум сил неприятеля и, нанеся решающий удар по центру, взять плато Мон-Сен-Жан.

В лучшие времена маршал Ней, герцог Эльхингенский, начинал атаки с восходом солнца. Сегодня, 18 июня 1815 года, он этого не сделает. Накануне днем и всю ночь шел сильный дождь, превратив шоссе, ведущее на Брюссель, в сплошной водяной поток, а холмы поля сражения – в грязевое болото, в котором кони безнадежно вязнут. Артиллерия неэффективна.

Император назначает атаку на девять утра, но сроки сорваны. Ветер и солнышко постепенно сушат почву. Одиннадцать часов. Еще рано!

Одиннадцать тридцать пять. Первый залп!

Обе стороны имеют в виду, что исход сражения зависит не только от наличного соотношения сил. Третьего дня император разбил пруссаков при Линьи. Старина Блюхер бежал, но собирается с силами. Как быстро он воссоздаст боеспособное войско? Блюхера преследует маршал Груши, но хорошо ли это делает?

Ней жаждет реабилитации за Катр-Бра. До трех часов дня он размашисто атакует, но всякий раз, забравшись по откосу на плато, не может закрепиться. Замаскированная артиллерия,

пехотинцы стреляют хладнокровно и метко.

Атаки французов, контратаки англичан. Шотландская кавалерия увлекается преследованием и попадает в ловушку. Резервы Веллингтона почти иссякли. У Наполеона есть еще конная и пешая гвардия – неустрашимые, непобедимые.

Ветераны. Самые рослые, самые сильные, самые храбрые, самые проверенные. У каждого за спиной – не менее десяти лет службы, не менее 4-х походов. Четверо из десяти – кавалеры ордена Почетного Легиона.

В конную гвардию входит живописный эскадрон мамелюков – императору так дорога память о Египте! Эти воины, вид которых непривычен для европейца, носят кауки (стилизованные восточные головные уборы), покрытые красивым шитьем темно-зеленые куртки без рукавов и широкие восточные штаны.

А разве совсем недавно, на поле Лейпцига, не видели «амуров» – башкирских воинов с луками? Мужество скольких народов испытал неумный император!

Известно его отеческое отношение к своим гвардейцам. Казалось, он бережет «ворчунов» для самых критических случаев. Ни настал ли такой?

Кроме старой гвардии есть средняя и молодая. Молодую он уже отрядил против подоспевшего авангарда пруссаков под командованием Бюлова. Самого Блюхера пока нет.

Где Груши? Во что бы то ни стало решить исход сражения до подхода Блюхера! Прорвать центр! Рассечь и уничтожить по частям!

Огонь артиллерии по центру, новые усилия. Потери чудовищны. Начинается медленный отход. Неужели? Наконец-то!

– Можно ли думать об отступлении, ребята? Вспомните о старой Англии! – кричит Артур Веллингтон, именем которого многие матери скоро будут с гордостью называть новорожденных. Он стягивает в центр все, что осталось.

– Начало отступления! – воскликнул император. Он берет подзорную трубу и в который раз внимательно осматривает местность. Проводник из местных крестьян помогает разобраться с премудростями рельефа.

Четыре часа пополудни. До начала эпохи мирных буржуа остается несколько часов.

Восемнадцатое июня тысяча восемьсот пятнадцатого года. Кто-то заметил, что число 18 – роковое для корсиканца. Восемнадцатое брюмера, Людовик Восемнадцатый, восемнадцатое июня... Восемнадцать – сумма трех шестерок. Мистик сообразит – ббб.

Большая развилка всемирной истории. Он видит белую церковь Святителя Николая и спрашивает проводника о чем-то еще. Итак!

Кирасиры генерала Мило, час настал! Сейчас вы пойдете в пекло адово, где уже четыре с половиной часа самые рослые и могучие рыцари Европы, потомки участников крестовых походов, истребляют друг друга.

Стальная лавина с ревом и трубными звуками устремилась на английский центр. Нападающие разделились на две колонны, одну вел Ней.

Подъем на плато. И перед английскими каре и артиллеристами, которые тут же открыли беглый огонь по наступавшим, возникла великолепная армада, с криками «Виват, император!!!» врезавшаяся в шеренги красных мундиров.

Апогей! Кровавая сеча, должна разрешить судьбы Европы, одевает в пурпур своих героев.

– Splendid! Splendid! (великолепно!) – так аттестует кирасир благородный герцог Веллингтон. Оценка врага – высшая оценка!

Отрубленные головы, ноги, руки, искромсанные тела, стоны, крики, гвалт, грохот орудий. Все это сопровождало двадцатидвухлетнюю военную карьеру величайшего полководца всех времен. Как может человеческое существо переносить столь невыносимую тяжесть? Какой надо обладать нервной системой, чтобы засыпать на поле брани и не вскакивать в холодном поту от видений чудовищ и апокалипсических кошмаров? Кто ответит за реки крови?

Английские каре сжимаются, но не уступают. Веллингтон извлекает из ложины конных гвардейцев, но их участь незавидна. Семьдесят пятый полк шотландских горцев изрублен при первом же столкновении. Волынщик, подбадривавший товарищей мелодией гор, рассечен.

Кирасиры уничтожили семь каре, взяли шестьдесят пушек, знамена полков. Знамена брошены к ногам императора. Повержены бельгийцы, голландцы, обращен в бегство полк

ганноверцев.

Паника докатилась до Брюсселя и до Людовика Восемнадцатого в Генте.

Кирасиры хозяйничают на холме, но овладеть всем плато не могут. Ней ведет конные подкрепления, кидаясь в овраг и снова возникая на вершине.

– Блюхер или ночь! – шепчет Веллингтон.

– Конец, – переговариваются между собой английские офицеры.

Огненная кавалерия должна быть подкреплена методичной пехотой.

– Пехоты! – отвечает император. – Где ее взять! Родить мне вам ее, что ли?

Лукавит! Есть еще гвардейская пехота. Выжидает. Считает, что время не настало.

Потери англичан огромны, но плато удерживается. Наполовину оно уже – за французами, но английские рыцари стоят, задыхаясь в дыму, стоят до конца. Кемпт на левом фланге просит подкреплений.

– Подкреплений нет, – отвечает герцог, – пусть умирает!

Половина кирасир полегла. Они прошли всю глубину фронта, смешавшись с неприятелем, но окончательного успеха нет. Ней приводит уланов и егерей Лефевра-Денуэтта, и сам красавец Шарль идет в огонь.

Англичане выдержали двенадцать атак.

Блюхер сверкнул штыками на высотах. Проводник Наполеона был плох, проводник Блюхера – хорош. Он привел пруссаков в то место, откуда лучше всего начать атаку. Поплутай они еще часок по оврагам, и подоспели бы к разгрому английского центра. Груши нет.

Наполеон меняет дислокацию. С утра – на ферме дю Кайю. К началу атаки кирасир – на холмике, вправо от дороги из Женаппа на Брюссель. Третья стоянка – в семь вечера – между Бель-Альянсом и Ге-Сентом. Она и последняя.

Чем закончится этот день? Что есть худшее в сложившейся ситуации? Блюхер вступит в сражение, а Груши не подоспеет. Изучить две возможности.

Первая. Согласиться на ничейный исход. Выйти сухим из воды. Сохранить армию. Организовать оборону против Блюхера, развернуть артиллерию, силами гвардии построить оборону. Укрепиться. Ждать Груши.

Вторая. Пренебречь опасностью и взять плато Мон-Сен-Жан! Несмотря на численный перевес неприятеля, который с прибытием Блюхера достигнет двойного размера. Ва-банк! Англичане будут разбиты, Блюхер не успеет причинить урона армии, преследующей Веллингтона. Враг разобьется о лес Суаньи и будет уничтожен!

Тот, кто дождливой ночью что-то шептал грохочущим небесам, выбирает вторую возможность! Все или ничего!

Вперед! Девять гвардейских пехотных батальонов спускаются в овраг. Сам, во главе первого, ведет людей на последний штурм. И отсюда, со дна, видит Судьбу. Черные всадники сокрушают правый фланг.

Вперед, и да здравствует император! По всей линии разосланы адъютанты с радостной вестью: Груши прибыл! – Верят ли? Уже не важно!

Средняя гвардия взбирается по откосу и попадает под двойной картечный огонь. Страшные бреши он делает в батальонах, но гвардейцы лишь смыкают ряды. Вдруг из колосьев – английская гвардия, палящая по команде!

Последний шанс для того, чтобы что-то изменить в череде трагедий, случайностей и борьбы на пределе человеческих возможностей. Надо рваться вперед, в штыки! Но офицеры останавливают колонны, перестраивают под убийственным огнем. Энергия иссякает.

Веллингтон машет шляпой. В контратаку! Англичан не стало больше, но теперь они сильнее!

Груши ошибся. Он потратил день на разгром отряда, принятого за армию, хотя должен был поспеть сюда!

Отступление превращается в бегство. Напрасны последние усилия постаревшего вождя, неистовство чумазого Нея, под которым убита пятая лошадь. Никому не нужны захваченные знамена, Гугумон и Ге-Сент.

Гвардия держалась до наступления ночи.

– Храбрецы, сдавайтесь! – кричали англичане.

И Камбронн отвечает. Ответ этот, превращенный циниками в анекдот, будет будоражить еще не одно поколение:

– ДЕРЬМО!!!!

Кому и чему он кричит это? *Эпохе мирных буржуа.*

Революция уничтожила монархию, аристократию, веру. Через десять лет Бонапарт восстановил культ. Он стал императором. Лучших солдат награждал дворянскими титулами. То была новая аристократия. Герои Маренго, Аустерлица – свежая кровь дряхлой цивилизации. Дворянами становились бывшие фореиторы, слуги, крестьянские дети. Каждый ученик аптекаря мечтал об ордене Почетного Легиона. И получал его!

Картечный залп – и падает генерал Камбронн, презревший смерть. Залп, еще залп – и падают остальные.

Французская Северная армия развалилась в три дня.

Старая наполеоновская гвардия предпочла коллективное самоубийство бесчестью бегства или плена.

А вождь мчится в столицу, опять без армии, и отрекается от престола. Он посещает Мальмезон, где нет уж той креолки.

Бежать в Америку? Лакмусовая бумажка. Быть вселенским игроком или трусливым авантюристом – разное.

«Не солдаты меня покинули, но я покинул моих солдат».

«За свою жизнь я сделал немало ошибок: самая непростительная заключается в том, что я отдал себя в руки англичан: я слишком верил в их приверженность законам».

Прикованной к камню Святой Елены, он разбивает сады и диктует мемуары, почти не делая ошибок.

Никому не дозволено намекать на низость супруги-австриячки, переставшей слать письма еще во времена Эльбы и ни разу не приехавшей на ссыльные острова. Он – император, она – императрица.

– Отвезите ей сосуд с моим сердцем, – просит герой.

Каким бы ни был человек, фараон или император, Богом ему не стать.

А Шампольон-младший, в детстве удививший докторов желтой роговой оболочкой своих глаз, присущей жителям Востока, продолжал усилия по расшифровке древних иероглифов.

Нарисованные птицы, львы, собаки, различные геометрические фигуры, люди, сидящие и стоящие в разных позах. Это какие-то символы, но как установить их соответствие знакам, нам понятным?

Выдающийся французский востоковед Сильвестр де Саси, которому была передана копия Розеттского камня, одно время пытался отговорить юного Шампольона от этих занятий.

Что это было – обыкновенный скептицизм, ревность? Но ведь Саси открыт и доброжелателен к Юнгу и Окербладу – тем, кто занимается той же проблемой! Почему же он не верит в возможности способнейшего и одержимого Жана Франсуа, который научился читать в возрасте пяти лет без чьей-либо помощи, просто сравнивая выученный наизусть текст с напечатанным? Разве не следует порадоваться тому, что полку ученых прибыло?

Сильвестр де Саси и швед Окерблад в 1802-м году направили усилия на демотические (упрощенные по сравнению с иероглифами) письмена, предполагая, что курсив означает письмо звуковое. Окерблад чудесным образом угадал значения многих букв и составил первую демотическую азбуку. Но ему не удалось подняться на ступень выше и применить свой опыт к иероглифическому тексту.

В 1802 году Окерблад опубликовал «Письмо г-ну де Саси», где указал все имена собственные, встречавшиеся в демотической части надписи на камне из Розетты, сопоставив их с соответствующими местами греческой версии.

Между тем, профессор философии, математики и знаток восточных языков Афанасий Кирхер еще в XVII веке придумал остроумную систему чтения иероглифов и опубликовал свой труд в 1652–1654 годах. Он видел в иероглифах лишь символы, но предположил, что именно коптский язык является продолжением древнеегипетского языка с использованием алфавитного письма.

Английский физик и естествоиспытатель, отец волновой теории света, Томас Юнг

вернулся к опыту Кирхера в 1815–1816 годах, стремясь создать символическую систему. Безуспешно!

Позднее (в 1817–1818 годах) свободно владевший латынью ученый начал подозревать, что перед ним все же не символы, а фонетическое письмо. Юнг попытался прочитать царские имена, заключенные в картушах (овалах), и угадал несколько букв! Увы, он не смог развить успех и сошел с верного пути. Юнг читал «Арсиное» там, где было написано «Аутократ» (греческий титул императора Домициана), и «Евергет» вместо «Кесарь».

Однако английский ученый доказал (пока другие лишь предполагали), что в картушах заключены именно царские имена, а в письменах не следует искать философского, мистического или символического смысла. Лучше сосредоточиться на фонетике!

Таким образом, Окерблад достиг лишь фрагментарных успехов, Юнг запутался и остановился в нерешительности, а Саси объявил о полной капитуляции перед текстами, «такими же недостижимыми, как Ковчег Завета Господня».

За дело брались и дилетанты, объявляли о мнимых достижениях, но затем всякий раз оказывалось, что все это – блеф, мыльный пузырь.

А Шампольон искал неведомую систему, пытаясь нащупать ее в океане знаков и символов, и не отвечал на провокации.

Итак, перед ним лежали тексты, выполненные тремя способами: иероглифическое письмо, иератическое (упрощенное), демотическое (еще менее замысловатое). Шампольон обратил внимание, что во всех трех типах письма встречаются одни и те же знаки.

Ему исполнилось тридцать лет. Позади годы лишений, увольнений и ссылки «бонапартиста» и активного участника «Дельфийского союза», деятельность которого власти признали противозаконной.

Успокоился навеки под сенью плакучей ивы в долине гераней на далеком тропическом острове тот, кто еще совсем недавно увлеченно с ним беседовал и звал за собой в Париж. Он ушел со словами: «Франция, авангард, Жозефина».

Миновало лето, пролетела осень, наступила зима 1821 года.

Дорогу осилит идущий!

Кажется, он верно определил, что лев – это символ войны. Но что дальше? Неужели многолетние усилия могут остаться бесплодными – ведь есть же у науки тупики?

И вдруг – озарение!

21 декабря. Усталый мозг Жана Франсуа пронзает внезапная догадка.

Как легко было впасть в заблуждение, будто каждая из сложных фигурок, выведение которых требует времени и усилий, должна *много* значить! Почему, сличая надписи на Розеттском камне, он не увидел сразу, что иероглифов в три раза больше, чем слов в греческой версии! Раз этих фигурок так много, следовательно, каждая из них означает достаточно мало! Да это же просто буквы! Мало слов, много букв! И лев – не символ войны, а просто буква «л»! И все эти знаки – буквы, или обозначения слогов!

Он прочел несколько имен и титулов. Чудо чудное, диво дивное – греческий правитель Себастос, римские императоры Тиберий, Домициан, Траян, Германик, полководец Марк Антоний! Он составляет список понятых им знаков.

Кроме копии Розеттского камня в его распоряжении была найденная в 1815 году английским археологом Бенксом двуязычная надпись на острове Филэ, начертанная иероглифами с переводом на греческий язык. В январе 1822 года результаты работы англичанина стали известны Шампольону. Это давало новые «зацепки» и расширяло возможности.

Вновь и вновь рассматривает он надписи на двуязычном обелиске из Фив и розеттскую.

Все расшифрованные письмена относились к греко-римскому периоду. Но, может быть, только имена собственные *неегипетского* происхождения передавались с помощью букв? А как же фараоны и их времена?

Он изучает надписи ранних периодов. Должно же наступить еще одно просветление разума!

Что за наречие происходит от древнеегипетского языка? Во что он трансформировался?

Спустя несколько месяцев после первого открытия, 14 сентября 1822 года, Шампольон совершает новый прорыв, установив языковое родство иероглифов и известного ему с юных лет

коптского языка.

Именно этот язык важен хотя бы потому, что в начале христианской эры применялся для перевода книг Священного Писания. Стало быть, египтяне считали его более подходящим для этих благородных целей, чем греческий. И это несмотря на то, что после двадцати шестой династии фараонов, и уж тем более при Птолемах, греческий язык получил права гражданства и широкое распространение в Египте.

(Коптский язык! Наполеону пришлось по душе мысль сделать его государственным языком Египта!)

И он прочитывает множество строк, иероглифов и курсивов. Способ мышления, в них воплощенный, для нас порой необычен – то мудрость людей былых эпох.

Розеттский камень. В картуш было выделено имя. Несомненно (по сличению с греческим) – это имя Птолемея.

Надпись в Филэ. По-гречески было прочитано имя «Клеопатра», и найден соответствующий картуш.

27 сентября 1822 года Шампольон направляет письмо в Парижскую Академию надписей и изящной словесности («Письмо г-ну Дасье относительно алфавита фонетических иероглифов»), в котором сообщает о том, что ему удалось дешифровать египетскую письменность.

*Тот, кто бездействует после нападения,
Укрепляет сердце противника,
Нападение означает храбрость,
Отступление означает трусость,
Настоящий трус – тот, кого отбрасывают от его границ,
Ибо слушает эфиоп, чтобы упасть при (звук) слова.
Отвечающий ему заставляет его отступить.
Если нападают на него,
Он показывает свою спину.
Если кто отступает,
Он переходит в нападение.
Это не те люди, которые достойны уважения,
Это трусы, чьи сердца разбиты.*

Не поминает ли этот древний текст из надписи на стеле Сезостриса известные нам обращения Наполеона к армии?

И разве римский дух великого полководца не сродни той силе, благодаря которой Египет доминировал в течение столетий?

Безумие, открывшее эпоху

Перед нами – гений.

Гений – это сосредоточенность.

Все, что он делал, сводилось к одному предмету. Природа будто нарочно сотворила его для благородного поприща.

Он изучал латынь и греческий, древнееврейский и арабский, сирийский и халдейский, коптский и древнекитайский языки с думой о Египте.

Он готовился к походу и собирал большую армию, которая будет действовать в одном направлении.

Он жил Египтом, и стремительная мысль уносила его в далекие времена. Он искренне любил древний мир и высоко ценил культуру египтян.

В то время как другие предавались бесплодным упражнениям и искали в иероглифах каббалистические, библейские, астрологические и тайные гностические учения, запутывая дело, или вдруг «чудесным образом» извлекали из иероглифов халдейские, еврейские и китайские тексты, Шампольон лишь возмущался: «как будто египтяне не имели собственного языка для выражения своих мыслей».

Те, кто искал легких путей, не могли понять, что гордые египтяне создали высокую

цивилизацию, и не было в них тоски по чужеземному.

Те, кто видел в иероглифах мистический смысл, забывали о том, что египтяне были материалистами и любили земную жизнь больше, чем народы, склонные к вере в сверхъестественное. Они строили жилища из непрочных материалов, считая земную жизнь короткой, а загробную вечной. Ладно собранные пирамиды кажутся чудом, но не надо искать в них тайного смысла. Египтяне, великие инженеры, создали единственное из семи чудес света, которое все еще существует.

Народ уникальной культуры должен был иметь высокоразвитую графическую систему, знаками которой наполнены деловые документы, письма, декреты фараонов и судебные решения, гимны царям земным и небесным, военные мемуары и нравственные наставления, литературные произведения и мифы.

Постоянно тренируя мозг и память, Шампольон шел своим путем, не взирая на авторитеты, будучи внимательным к частностям и сохраняя ясный взгляд на проблему в целом.

Гений – это терпение.

Ему было семь лет, когда он впервые услышал от брата магическое слово «Египет».

Ему было одиннадцать, когда он встретился с Фурье, участником египетской экспедиции, показавшим ему папирусы и иероглифы и не верившим в возможности когда-либо их понять.

Ему было семнадцать, когда он был представлен скептику Сильвестру де Саси.

Искатель-одиночка, он едва не умер с голоду, ютясь в жалкой камерке старого дома недалеко от Лувра. Дни напролет трудился он в библиотеках, да еще и помогал гренобльским ученым, выполняя их просьбы и поручения. Истощенный, он галлюцинировал, и слышались ему голоса египтян.

Однажды Шампольон испытал подлинный шок, узнав об «успехе» Александра Лемуара: то был очередной ложный след. Еще полтора десятка лет пройдет перед тем, как он сделает свое изумительное открытие. Он не бросит «непонятого дела» и не разочаруется в нем.

Гений – это созидание нового мира из осколков старого.

Он открыл врата в историю исчезнувшего царства.

Царства, от которого остались немые руины.

Лейбниц и Вольней не знали и сотой доли того, что сегодня содержат школьные учебники.

А мы знаем, что некий Менес захватил власть и основал египетское царство, став первым фараоном.

Что история Египта – это Мемфис (расцвет цивилизации), Фивы и Саис (греческое преобладание), а между первым и вторым периодом вдруг вторглись хананейские племена, пастухи или гиксосы, омрачившие жизнь египтянам.

Что Египет завоеует Сирию и расширит границы до Тигра и Евфрата, а царствование Рамзеса Второго станет апофеозом его могущества, прекращенного персами.

Александр Великий освободит египтян от персидского ига и станет основателем эллинистической династии Птолемеев, которые введут греческую культуру, сохранив египетскую.

Мы знаем, что древним классикам, творившим свою историю на основе сказок и преданий, далеко не всегда можно верить.

И лишь памятники служат истинными свидетелями былого.

Кажется безумием посвятить жизнь такому делу, как разгадка иероглифов.

Но это безумие гения, давшее знание миллионам.

Знание, ставшее возможным благодаря тому, что другой гений вел свои батальоны по пескам Марабута.

Большое видится на расстоянии. Заключение

Наполеон оставил в Египте неизгладимые следы.

Легко назвать экспедицию авантюрой, зная ее итоги, и свалить на голову одного генерала ответственность за действия, санкционированные правительством. Но тогда следует считать химерой и колониальную политику Англии, прочно утвердившейся в Азии и в Австралии, и других европейских держав, до сих пор пользующихся плодами былых завоеваний.

Столь же легко клеймить Бонапарта-дезертира: магия побед и доверие французского народа позволяли ему так поступить. Утратив политические перспективы в Африке и в Азии, он выбрал легкий путь, но в дальнейшем пытался помочь своей отрезанной от Европы армии.

Политически Франция ничего в Египте не достигла, но третья (хозяйственная) задача похода была со временем решена.

Суэцкий проект Наполеона Бонапарта был завершён к 100-летию императора.

За три года до этого великий Джузеппе Верди получил от правительства Египта неожиданное предложение: написать оперу к открытию нового театра в Каире. Поначалу он отказался, но затем уступил настояниям друга, французского либреттиста, и взялся за работу.

В ноябре 1869 года состоялась церемония инаугурации канала, которую возглавила императрица Евгения, супруга Наполеона III, племянника Наполеона Бонапарта. Эта женщина стала, по выражению ее кузена Фердинанда Лессепса, «ангелом-хранителем канала». Она горячо поддерживала гигантское предприятие и его руководителя, представляла интересы кузена перед императором.

Открытие судоходства по новому каналу стало одним из ярчайших и наиболее престижных событий Второй империи.

Канал был освящен церковью, торжественная церемония состоялась 16 ноября 1869 года. Завершив помпезные празднования первого дня (в них участвовали 6 000 гостей, которых обслуживали 500 поваров и 1 000 лакеев), императрица взшла на палубу флагманского корабля и повела флотилию в плавание, продолжавшееся с 17 по 20 ноября.

24 декабря 1871 года в Каире с триумфом прошла премьера оперы Верди «Аида». Композитор не успел завершить произведение к открытию канала, однако посвятил оперу этому значительному событию в истории цивилизации.

Так осуществилась вековая мечта европейцев о торговле с Индией через Средиземное море. На прекрасной картине Эдуарда Рио мы видим мирные суда, прибывающие в Порт-Саид. И не хочется вспоминать о том, что когда-то здесь грохотали орудия, а чистые воды Средиземного моря, дающего жизнь и радость многим народам, обогрелись кровью.

Несмотря на столь впечатляющее материальное воплощение замыслов Наполеона Первого, египтяне далеко не сразу по достоинству оценили то, что принесли в Египет члены Комиссии по наукам и искусствам.

«Авангард западного колониализма» – так называли этих подлинных героев в учебниках для арабских детей в течение многих десятилетий.

Наполеон – в первую очередь «завоеватель». Хотя, многие арабские исследователи отметили и положительные стороны его деятельности, выразившиеся в создании Большого Дивана шейхов (Совета Нации). Верно и другое – Диван был лишь совещательным органом с неопределенными функциями.

Беспристрастные исследователи признавали, что новый англо-мамелюкско-турецкий союз вынудил Бонапарта ужесточить политику, что спровоцировало мятеж в Каире. Французы безжалостно подавили октябрьское восстание 1798 года и народное возмущение марта-апреля 1800 года.

Очевидец тех событий Абд Ар-Рахман Ал-Джабарти, автор книги «Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801)», говорит как о темных, так и о светлых сторонах деятельности французов. Он уважительно относится к деятельности ученых, основавших библиотеки, восторгается лабораториями и обсерваториями, с пониманием отзывается о санитарных мерах французских властей (обязательный карантин для всех прибывающих судов и др.), приостановивших эпидемии.

Ал-Джабарти указывает и на преимущества французского судопроизводства, основанного на началах разума. Много места в своей книге он уделяет описанию расследования убийства генерала Клебера. Сам характер правового разбирательства и применявшиеся при этом процедуры слишком контрастировали с традициями фанатизма и беззакония, доминировавшими на Востоке.

Для большинства ученых экспедиция растянулась на три года.

Этот слишком короткий с исторической точки зрения период был очень важен для развития западной культуры в Египте, народ которого впервые соприкоснулся с принципами равенства

граждан перед законом. Невозможно отрицать и прогресс в области просвещения и медицины.

С другой стороны, члены Комиссии по наукам и искусствам «обнаружили новое измерение Истории, которое должно было удовлетворить западное любопытство, – отмечает Тойнби. Научный интерес той эпохи сосредоточился, прежде всего, на классических языках и литературе эллинской цивилизации. 1798 год принес неожиданную победу. Были обнаружены истоки своего собственного культурного наследия».

Экспедиция вызвала новую волну «египтомании» во Франции. В архитектуре, скульптуре, живописи, мебели, в декоративном искусстве все шире использовались арабско-египетские мотивы.

В то время как славный революционный генерал стал постоянным персонажем карикатур и памфлетов английской прессы, на страницах тогдашней «Морнинг Геральд» мы находим следующую оценку действий Наполеона в Египте: «Никогда еще никто не сделал так много за столь короткий срок».